

Российская Академия Наук
Институт философии

Светлана Г. Ильинская

**МЕТАМОРФОЗЫ РОССИЙСКОЙ
ИДЕНТИЧНОСТИ В КОНТЕКСТЕ
ПОСТСОВЕТСКОГО РАЗВИТИЯ**

Москва
2016

УДК 17.021.3
ББК 87.6
И 46

В авторской редакции

Рецензенты

доктор филос. наук *Р.И. Соколова*
доктор полит. наук *С.Ф. Черняховский*

И 46 **Ильинская, С.Г.** Метаморфозы российской идентичности в контексте постсоветского развития [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; С.Г. Ильинская. – М. : ИФ РАН, 2016. – 186 с. ; 20 см. – Библиогр.: с. 177–184. – Рез.: англ. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0308-6.

Эта книга – о подавляемой российской идентичности и парадоксальной природе формирования идентичности протестной, выраженной в запросе на собственный аутентичный проект развития. Как подтвердил российский опыт, формальное заимствование институтов рынка и представительной парламентской демократии отнюдь не означает их эффективной работы. Более того, оно повлекло за собой проблемы социальной поляризации общества, использования государства в интересах олигархической буржуазии и коррумпированной бюрократии. Главная мысль исследования: мы не хуже и не лучше, мы – другие, и нам нет смысла некритично заимствовать опыт «развитых западных демократий», поскольку на этом пути мы обречены на вечную печать «недоразвитости».

ISBN 978-5-9540-0308-6

© Ильинская С.Г., 2016

© Институт философии РАН, 2016

Содержание

Предисловие	5
Введение	9
Глава 1. Итоги разрушения СССР	13
Глава 2. Движение к новой России.....	34
Глава 3. Противоречия демократизации	58
Глава 4. Моральный консенсус и условия терпимости	83
Глава 5. Угроза революции.....	113
Глава 6. Упущенные возможности	132
Глава 7. Проект аутентичного развития.....	154
Заключение	173
Список использованной литературы.....	177

Table of contents

Preamble	5
Introduction.....	9
Chapter 1. Results of USSR'S destruction	13
Chapter 2. The movement to new Russia	34
Chapter 3. Contradictions of democratization	58
Chapter 4. Moral consensus and conditions of tolerance	83
Chapter 5. Threat of revolution.....	113
Chapter 6. Missed opportunities	132
Chapter 7. The authentic development project	154
Conclusion	173
Bibliography	177

*Посвящается моей семье,
всегда и во всем бывшей мне опорой,
поддержкой и источником вдохновения*

Предисловие

Весьма специфический личный опыт был, наверное, одной из первых интуиций, побудивших меня обратиться к теме подавляемой идентичности (как и до этого – толерантности), набирающей силу, вопреки всему, в том числе внешним обстоятельствам и намерениям подавителей. Осознание парадоксальной природы формирования протестной идентичности, укрепление которой идет по принципу «чем хуже – тем крепче и устойчивей», вначале пришло на примере собственной судьбы.

Распад СССР произошел в тот год, когда я окончила среднюю школу. Он застал меня в Киргизии, откуда русскоязычное население стремительно убывало в Россию, Германию, Израиль, США, Канаду, Австралию... Этот отъезд был больше похож на бегство. Активное насаждение киргизского языка, увольнение русскоязычных кадров, новые названия с детства знакомых улиц, толпы беснующейся киргизской молодежи и банальная ненависть в повседневной жизни многим не оставляли иного выбора, кроме как собрать документы и отстоять очередь в то или иное консульство. Историческая родина нашей семьи была в России, хотя в Киргизии остались могилы трех поколений моих предков. Хорошо помню, как на попытку матери торговаться потенциальный покупатель нашей квартиры ответил: «Завтра за лепешку отдавать будете!» Поэтому переехали туда, где смогли купить хоть какое-то жилье...

Так я оказалась в Калмыкии, которая хотя и субъект Российской Федерации, однако «нетитульное» население там настолько маргинализировано, отчуждено от системы высшего образования, власти и бизнеса, что говорить о каких-либо перспективах для него очень сложно. Ключевое слово для этой категории населения – выживание, а имеющие амбиции (впрочем, как и калмыки невлиятельных родов) переезжают в Астрахань, Волгоград, Краснодар, Ставрополь, Ростов-на-Дону, Москву, Санкт-Петербург... Тем не менее, здесь я с отличием оканчиваю университет, нахожу квалифицированную ра-

боту, баллотируюсь в Элистинское городское собрание, отстаиваю в судах украденную у меня фальсификаторами победу на этих выборах. И везде, на каждом этапе, явно или неявно, мне дают понять: «Куда ты лезешь? Ты же русская, тебе здесь не место!».

Затем московский период моей жизни. Вначале скитальческий, потом все более и более благополучный. Съёмные квартиры и общежития, постоянное ощущение человека второго сорта, из «понаехавших», бюрократические сложности в любой ситуации от оформления регистрации до получения медицинской помощи. И, как ни странно, несмотря на различного рода унижения в связи с «гастарбайтерским» статусом, меня никогда не покидало ощущение того, что человек я в высшей степени достойный. Достойный удачи, простого человеческого счастья, материального благополучия. Более того, полагаю, что моя неустроенность в какой-то степени помогала в достижении поставленных целей.

Работа в Институте философии РАН давала возможность удостовериться в недостаточном уровне философского образования и владения иностранными языками. Но это почему-то не столько смущало, сколько побуждало к дальнейшему совершенствованию и продвижению с помощью других своих («сильных») качеств. И как-то ни разу не возникло мысли: не смогу, не получится, не стоит и пытаться... Напротив, пробовала, ставила задачи, получалось.

Таких как я было много. Причем жизненная цепкость и устойчивость русской идентичности наблюдалась именно у тех русскоязычных, которые переехали в Россию из бывших советских республик, ставших независимыми государствами. Полиэтническое окружение заставляло острее самоассоциироваться с культурными корнями.

Перефразируя слова советского мультипликационного Маугли, можно сказать: «Нам настолько часто напоминали о том, что мы – русские, что мы, наконец, и сами поверили в это!». Я хорошо помню, как гордость за русскую историю и культуру прививалась в семье. Во всяком случае, русские былины и народные сказки в свое время я читала с большим пиететом, нежели мои дети, родившиеся в Москве.

Как ни странно, опыт последних лет жизни в Бишкеке (которым стал мой родной город Фрунзе) не научил ненавидеть Другого. После переезда в Калмыкию с интересом изучала язык и культуру, даже пыталась обрести калмыцких родственников. Хотя, достаточно часто приходилось «нести бремя коллективной ответ-

ственности» за депортацию калмыков, впрочем, как и ранее – за подавление киргизского восстания в 1916 г., спровоцированного попыткой царского правительства призвать кочевое население в регулярную армию для рытья окопов.

В Москве тепло общалась с любыми земляками. Не было и злорадства, хотя помнилось многое. А «русский исход» из Киргизии в 1990-е, произошедший в результате обретения независимости от «колонизаторов» и достаточно трагично сказавшийся, в том числе, на судьбе нашей семьи, так и не сделал «суверенный» «демократический» Кыргызстан сильным и процветающим, напротив, породил феномен несостоявшегося государства и киргизского дворника в Москве.

Вместе со своим поколением я пережила очарование идеей демократии и переболела иллюзиями 1990-х гг., сталкиваясь со всеми болезнями нашего государства. Принимала участие в политической борьбе калмыцкой оппозиции с режимом Кирсана Илюмжинова, в создании партии «Союз людей за образование и науку», Центральный совет которой покинула без сожаления сразу после того, как ее лидер отказался войти в блок «Родина» (это было единственным шансом для нас попасть в Государственную Думу). Разочаровывалась, становилась старше и мудрее. Решала насущные проблемы, как могла, пыталась стабилизировать социальный статус. И в тот момент, когда это уже практически произошло, судьба послала мне новое испытание.

Оказалось, что жить в Москве, куда я стремилась для реализации личных амбиций, невозможно. Этот город непригоден для жизни и ее репродукции. Дети здесь безнадежно чахнут, словно Маруся в «Детях подземелья» В.Г. Короленко. Слишком плоха экология и велика плотность населения. Однако родители часто болеющих детей как-то мирятся с этим. Попробуют еще один иммуностимулятор/модулятор, меняют клиники, схемы лечения и «восстановления иммунитета». Я не смогла. Переехала в деревню, развела коз, будучи кандидатом наук и доцентом, безо всякого стеснения стала чистить навоз и самостоятельно учить своих детей. И снова вышла победителем. Честно говоря, теперь я искренне считаю, что человек, который не знает о том, как в России выживают зимой в сельской местности, вообще не имеет права заниматься социальными науками в родном отечестве.

Я всегда шла наперекор судьбе, вызывая порой насмешки и оскорбления. Не поддавалась отчаянию, а словно сорная трава, чья недюжинная витальная сила позволяет пробиться сквозь асфальт, преодолевала обстоятельства, казавшиеся непреодолимыми. В моей жизни ничего не было «благодаря», все было – «вопреки». Так же, как и у любого *нормального русского человека в любую историческую эпоху*. Что и побудило меня, в конце концов, написать эту книгу.

Введение

В конце XX в. на смену дискурсу о равенстве и справедливости приходит дискурс об идентичности и признании. Идеология (категория во многом интегрирующая) уступает место идентичности, потенциал конфликтности которой существенно выше, поскольку более иррациональна природа образуемой на ее базе солидарности. Более того, сообщества идентичности способны произвольно создаваться и множиться практически любых основаниях.

Произошло это потому, что вопросы равенства и справедливости были по большому счету решены. На Западе с целью снятия угрозы социальной революции было сформировано «общество благосостояния», в котором во многом сглажена большая часть присущих капиталистической экономике конфликтов. В социалистическом лагере при меньшем товарном изобилии был достигнут гораздо более высокий уровень социальной справедливости. Вопросы самоидентификации и самовыражения оказались на повестке дня, поскольку появился досуг – свобода от тягостного труда. Другой причиной, породившей смену парадигмы политического мышления, стало отсутствие в каждой из систем реальной политической борьбы.

Как только защита идеологических убеждений сменяется манифестацией идентификационных маркеров, вопросы справедливости вытесняет проблема эффективности. И неолиберализм XXI в. для побуждения к труду совсем имеет иные механизмы, нежели социальный либерализм века XX: наличие армии маргинализованных мигрантов, готовых работать за гроши, – весьма эффективное средство блокирования профсоюзно-стачечной борьбы среди автохтонных работников.

Если третья четверть XX в. – время крушения последних колониальных империй, то в его последнюю четверть на смену антиколониальному движению приходит новая волна демократизации. Одно за другим происходят падения режимов стран соцлагеря, новая политическая элита которых переориентирует экономику на рыночные принципы.

Стержнем идентичности молодых («национализирующихся») государств в условиях крушения биполярной системы становится более или менее радикальный этнический национализм. Эта сти-

хийная попытка ускоренными темпами обеспечить то вожделенное единство, которого классические национальные государства добивались целенаправленной политикой десятки лет, – заранее обреченная на поражение реакция на реалии глобализации. Чего стоит борьба с русскоязычным меньшинством в странах Прибалтики, вынужденных сегодня принимать арабских беженцев по квоте Евросоюза?

Ключевым вопросом с точки зрения воздействия на стратегию формирования государственной идентичности в условиях «мирового беспорядка» становится проблема суверенитета. Оказалось, что главное – это не обрести собственное государство, а сохранить его, удержать контроль над территорией... В связи с этим векторы развития государственной идентичности на постсоветском пространстве приобретают причудливые направления: центростремительные (атлантизм в Грузии, европоцентризм и антисоветизм в Прибалтике и на Украине), центробежные (антиколониализм и азиациентризм в Киргизии и Казахстане). Серьезное влияние на этот процесс оказывает проблема утраченных или приобретенных территорий (в Армении, Азербайджане, Грузии, Молдове, Украине). Довольно затратный перенос столицы Казахстана на север был обусловлен желанием «навечно» закрепить территории русских поселенцев, произвольно «прирезанные» республике в советское время. В Армении кроме территориального конфликта с Азербайджаном из-за Нагорного Карабаха ключевой темой формирования государственной идентичности становится воспоминание о турецком геноциде армянского народа. Дефицит суверенитета признания затрудняет существование не только для квазигосударственных образований (Приднестровье, Южная Осетия, Абхазия), но и ограниченных и не очень автаркий (Беларусь, Туркмения, Узбекистан). Со всей очевидностью встает проблема несостоявшихся государств (Таджикистан, в какой-то степени Киргизия, теперь вот – Украина).

Достаточно трагично этот процесс сказался и на России, отказавшейся от бремени наследницы «советской империи». Если не принимать во внимание конспирологический фактор и желание части советской элиты конвертировать власть в собственность, то большего акта доброй воли, нежели проявил СССР на международной арене в конце 1980-х – начале 1990-х не было в истории челове-

чества. Хотя в российской истории были случаи благородных жестов после нанесения врагам жесточайшего военного поражения (достаточно вспомнить итоги Семилетней войны, Отечественной войны 1812 г. и др. примеры). Добровольное разоружение, вывод военных баз с контролируемых территорий, бесчисленное количество дипломатических уступок, искреннее стремление войти в мировое сообщество, разрушительные экономические реформы по рецептам МВФ позволили нашей стране в очередной раз на собственном опыте доказать, что на международной арене уважают только сильного. Этот обидный опыт, может быть, особенно ценен для нас тем, что из него должен быть извлечен окончательный исторический урок. Как бы там ни было, в 2000-е Россия изменяет внешнеполитический курс от «младшего партнера» к претензиям на статус одного из центров силы, провозгласив в качестве основы для государственной идентичности патриотизм и память о Великой Победе.

В процессе своего становления государства, появившиеся на карте мира в 1990-е, столкнулись с рядом серьезных проблем. К их числу можно отнести: проблему демократической легитимации власти, проблему устойчивости политических режимов и институтов собственности, разгул преступности, коррупцию, клановость и многие другие. В условиях утраты смысложизненных ориентиров у большинства населения молодежь захлестнула волна наркотиков, старшее поколение потихоньку спивалось; активно развернули свою деятельность различного рода религиозные радикалы, сектанты, ваххабиты, со своими рецептами простого и короткого пути к справедливости. Конфликты, имеющие социально-политическую подоплеку, нередко накладывались на «исторические обиды» и приобретали характер межэтнических.

Всплеск этнических и конфессиональных проблем, захлестнувших и нашу страну, побуждает власть финансировать разработки в данной области. В 1990–2000-е гг. в стране утверждается пул авторов, работающих на «ниве» толерантности (Л. Дробижева, А. Асмолов, Г. Солдатова, Э. Паин) и борьбы с сублимированным расизмом (В. Малахов). В результате чего длительная практика спонсирования этничности в нашей стране и традиционное отношение к ней как к биологическому феномену было дополнено не критичным заимствованием западной версии политики толерант-

ности. А поскольку наложение данной модели на российские реалии лишь усугубляет ситуацию, то тема толерантности постепенно табуируется и «выходит из моды».

В данной книге я не пытаюсь отрицать тот факт, что наше общество больно, однако не сомневаюсь в том, что западное – на грани гибели. И наш единственный шанс на спасение – аккуратно отступить от роковой черты и пойти в другом направлении. Собственным путем.

Глава 1. Итоги разрушения СССР

Прошло тридцать лет с начала перестройки и четверть века с тех пор, как СССР прекратил свое существование, назрело осмысление тех преимуществ, которые мы получили в результате реформ, оценки успешности трансформации нашего общества и адекватности уплаченной за нее цены, а также были ли в ходе нее достигнуты цели, ради которых она осуществлялась. Эта задача тем более важна, что в стратегиях развития, которые до настоящего времени разрабатывают для нашей страны либерально-ориентированные исследователи, западные страны по-прежнему представлены как некий социально-политический образец [Стратегия-2020, 2013], а любые попытки реставрации даже лучших элементов советской системы воспринимаются интеллектуальным сообществом крайне негативно [СССР, 2012]. В то время как импульс реформам придавало желание построить более справедливое (нежели наличное советское) общество. И до сих пор из года в год, по данным опросов Левада-Центра, о распаде Советского Союза сожалеют и считают, что его можно было избежать, около двух третей россиян, не сожалеют и полагают, что распад был неизбежен, – менее трети. Назрела объективная необходимость непредвзято переосмыслить советскую реальность (со всеми ее достоинствами и недостатками), чтобы наша история могла стать отправной точкой для полноценного движения в будущее.

Преобразованиям в СССР предшествовали общественные дискуссии, участники которых активно обсуждали пути усовершенствования советского общества. Данная полемика нашла свое

отражение в значительном числе публикаций, изданных в тот период [Пульс реформ, 1989; СССР, 1990]. Реформы инициировались по ряду рациональных оснований (которые были суммированы мною в нескольких ключевых пунктах), являвшихся, как показал последующий опыт, по сути своей заблуждениями.

Заблуждение 1. Плановая экономика неэффективна

«Невидимая рука рынка» была призвана наполнить магазинные полки товарами, ликвидировав ключевую примету командно-административной экономики – дефицит, и способствовать более эффективному использованию ресурсов, которые по всеобщему убеждению, будучи «ничьими», халатно растаскивались.

Проблема неэффективного распределения ресурсов при плановом хозяйственном развитии вследствие неудачно принятых управленческих решений действительно стояла, однако рынок в данном вопросе является гораздо менее «экономичной» моделью. Кризисы перепроизводства, свойственные классической рыночной экономике, и очевидные успехи в развитии СССР, начиная с 1950-х гг., даже стимулировали западных экономистов к изучению советского опыта и внедрению разумного протекционизма, элементов государственного регулирования рынка на уровне отдельных отраслей [Гранберг, 2000, с. 78–79].

Кроме того, согласно классической экономической теории (начиная с Адама Смита) для того, чтобы производитель, «преследуя свои интересы», «служил интересам общества», он должен не только «так направлять эту промышленность, чтобы продукт ее обладал наибольшей стоимостью», но и «по возможности употреблять свой капитал на поддержку отечественной промышленности» [Смит, 2007]. И классические экономические догмы относительно предложения, стремящегося удовлетворить спрос, работают, во-первых, при наличии в обществе традиционных созидательных ценностей, во-вторых, при условии, что капиталовложения для организации новых производств не слишком масштабны, в-третьих, если альтернативные возможности обогащения не более доходны. Стремительное перерождение капитализма экономического в капитализм финансовый не оставило от

классических постулатов и следа. В обществе «потребления» и финансовых спекуляций, которое в момент начала реформ уже набрало обороты на Западе, произошло выхолащивание «протестантской этики», бывшей по меткому выражению Макса Вебера «духом капитализма», что самым радикальным образом изменило поведение капиталистического производителя, который и прежде не отличался особенным гуманизмом. Однако конкуренция как внутри страны, так и на международном рынке вынуждала его заботиться о качестве продукции. Транснационализация многих производств возвела стремление к снижению издержек и повышению прибыли любой ценой в абсолют.

Бытует мнение, что СССР проиграл соревнование с западным миром экономически: вспоминают очереди за колбасой, ввоз продовольствия (в том числе зерна) из-за границы. Именно поэтому продовольственной теме мы уделим особенное внимание, хотя за последнюю четверть века в нашей стране произошла утрата множества производств и технологий. (К этому относились терпимо, в полном соответствии с теориями международного обмена, полагающими естественным, если изготовление той или иной продукции сконцентрировано в стране, где это можно осуществить с меньшими сравнительными издержками.)

Для начала замечу, что очереди и дефицит – неотъемлемая составляющая экономики фиксированных и доступных цен. Это та неденежная цена, которую в такой системе покупателю приходится уплатить. Что касается изобилия предложения и свободы выбора в капиталистической системе, то еще полвека назад Герберт Маркузе утверждал, что она иллюзорна. В полном соответствии с его трудами сегодняшний «свободный выбор между равноценными торговыми марками» в России, о котором так вождьленно мечтали, не означает свободы от «глобального наступления на потребителя» [Маркузе, 1994, с. 10], поскольку это выбор между тридцатью сортами колбасы, тем не менее исключаящий возможность покупки колбасы без генетически модифицированной сои, консервантов, усилителей вкуса и фиксаторов окраски, из свежего мяса, выращенного без применения гормонов и антибиотиков; выбор между товарами множества молокозаводов, исключаящий возможность покупки молочных продуктов, изготовленных без примеси сухого молока и пальмового жира.

Конечно, плановое администрирование в СССР было не лишено различных диспропорций. Так, например, дотирование хлебной продукции при сохранении относительно высоких рыночных цен на мясо в некоторые периоды даже приводило к тому, что на частных подворьях хлебом выкармливали свиней (тут играла роль также невозможность для частника официально закупить зерно и комбикорм). Но эти свиньи шли, в конце концов, на рынок, что давало возможность дополнительного заработка для сельских жителей. Тем не менее, нельзя отрицать относительно равномерное развитие регионов при советском строе, которые были довольно самодостаточны в плане занятости населения и обеспечения продовольствием. То зерно, которое СССР в отдельные годы импортировал, было, как правило, фуражным и использовалось для производства отечественного мяса. Сегодня же импорт продуктов питания вырос настолько, что под угрозой оказалась продовольственная безопасность страны.

«Стихия рынка» в современной России привела к ситуации, когда ее малые города и деревни брошены на произвол судьбы, благодаря сырьевой структуре экономики в столице и нескольких мегаполисах сконцентрированы все финансы, туда стремится в поисках заработка значимая часть населения страны, что провоцирует абсурдные транспортные потоки по перемещению людей и продовольствия.

На самом деле в СССР производилось достаточно качественных продуктов питания, чтобы потреблять на *необходимом* для человека уровне (хотя были вполне решаемые проблемы с сохранением сельхозпродукции). Качественных и экологически чистых продуктов питания вообще нельзя произвести много. И они обязательно будут дороги. Для того чтобы снимать несколько урожаев в год с одних посевных площадей, как это делают турецкие производители овощей и фруктов, эти площади настолько щедро насыщают неорганическими удобрениями и стимуляторами роста, что употребление конечного продукта несет угрозу для здоровья. Вообще, производить здоровые продукты, руководствуясь стремлением к наживе, нельзя, всегда будет оставаться соблазн снизить издержки, при любой цене. Качественное продовольствие (равно как и качественные игрушки, спортивные товары, экологичные предметы мебели и быта и т. п.) можно производить, только руководствуясь

иными ценностями, например, заботой о здоровье будущих поколений конкретного сообщества. Сегодняшнее «торжество изобилия» на продовольственном рынке – предложение заведомо нездоровой (насыщенной гормонами, антибиотиками, красителями и усилителями вкуса), несвежей (содержащей антиокислители и консерванты, ибо производителю выгодно, чтобы продукты хранились вечно), т. е. далеко не безвредной продукции.

Говоря об эффективности рынка, нельзя не коснуться такой неотъемлемой части продвижения товаров, как рекламные бюджеты сомнительной обоснованности и астрономической стоимости. Не говоря уже о том, что эти баснословные суммы нередко тратятся на банальную манипуляцию сознанием покупателя с тем, чтобы побудить приобрести абсолютно ненужную вещь, на которую перед этим были потрачены дефицитные ресурсы!

На самом деле действительно качественные товары и услуги сегодня, в условиях рынка, недоступны большинству населения нашей страны, отчасти по финансовой причине, отчасти вследствие отсутствия таковых. Собственники вместо того, чтобы инвестировать средства в новые экономичные и экологически чистые технологии, предпочитают эксплуатировать приватизированные за бесценок устаревшие или вредные производства, получать сверхприбыль и вывозить ее за рубеж. «Открытость» отечественного рынка привела к деградации многих производственных отраслей. Выяснилось, что на самом деле глобальный капитализм блокирует конкуренцию, даже если на начальном этапе и практикует демпинг ради захвата новых рынков. Уничтожив же отечественного производителя, мировые монополисты получают возможность максимизировать прибыль, любыми способами повышая цены и снижая издержки, в том числе и теми, что наносят вред здоровью потребителя. Что же касается производителей отечественных, то в обществе, где главным мерилom жизненного успеха являются деньги, и для них нет никаких ограничителей.

Заблуждение 2. Система распределения и присвоения общественных богатств в СССР была несправедлива

На закате существования СССР обывателя очень возмущали преференции советской элиты, хотя еще Питирим Сорокин доказал, что любое общество иерархично [Сорокин, 1992, с. 302–306]. И нормативное «уплощение» пирамиды советского общества просто несколько уравнивалось специальными магазинами и распределителями, служебными дачами, ведомственными домами отдыха и т. п. институтами. Однако трудящийся, скажем, шахтер, отработав 11 месяцев в забое, также имел возможность восстановления сил в течение месяца в санатории на юге страны. Сегодняшняя поляризация и имущественное расслоение отечественного общества ему такой возможности не оставляют. Изнуренная офисным сидением, восстанавливает силы усиленным питанием на заграничных курортах иная социальная страта. Шахтер имеет право только на причинение вреда здоровью, поскольку менеджмент экономит на технике безопасности и охране труда, получая сэкономленные средства в виде дивидендов, тратит их на предметы роскоши, зарубежный отдых или инвестирует в личную недвижимость, которая нередко просто пустует или же сдается внаем¹.

Под лозунгом «Долой иждивенчество!» в стране было демонтировано важнейшее завоевание советского периода – социальная защищенность, на деле являвшаяся формой сбережения и приумножения человеческого капитала, оставлявшая советским людям время на досуг и творческое развитие. Как только альтернативный проект был свернут, западная мысль перестала порождать теории эгалитарного либерализма подобные той, что была сформулирована в начале 1970-х гг. Джоном Роллзом.

В современном нам мире довольно многое изменилось в социальной реальности. Интернационализировалась буржуазия; благодаря роботизации и автоматизации тяжелого машиностроения и др. видов промышленности, прежде требующих скопления боль-

¹ Трагедия на шахте Северная в феврале 2016 г. в очередной раз актуализировала этот вопрос. Менеджмент выжимает из предприятий максимум доходов, собственники получают возможность вести роскошный образ жизни, а когда случается трагедия, ее последствия приходится ликвидировать государственным чрезвычайным службам. Не говоря уже о человеческих жертвах.

шого числа людей, исчез пролетариат как класс. Видоизменилась бедность. Однако сытая бедность, обрекающая людей на фастфуд и пальмовый жир, по-прежнему не оставляет бедным альтернативы. Просто их дети от невыносимых условий жизни болеют теперь не чахоткой, а диабетом и ожирением. Более того, согласно идеологии неоллиберализма бедные отныне сами виноваты в своей бедности, поскольку они бедны от того, что недостаточно креативны, целеустремленны, эффективны, образованы и т. д. Технология промывания мозгов достигла такого совершенства, что не позволяет массам осознать ужас своего положения и сформулировать программу политической борьбы. А если даже это и происходит, то в силу вступает координирование их поведения путем навязанных потребностей. К тому же сообщества идентичности настолько множественны, произвольны и текучи, что не дают возможности объединиться, осознать общие интересы и ценности и организовать системное сопротивление.

Но есть в существующем порядке вещей одно очевидное, буквально лежащее на поверхности явление, которое рано или поздно должно погубить его. Это сложный процент. Вопиющая несправедливость, от которой страдает буквально каждый, если не имеет воли воздержаться от навязанных стандартов потребления. Докапиталистическое ростовщичество – сущий гуманизм по сравнению с тем «кредитованием», исходной предпосылкой которого является установка на временную стоимость денег. Деньги должны работать! На выданные в кредит средства исчисляется сложный процент, исходя из чего определяется сумма погашения, платя которую, заемщик сегодня выплачивает в том числе проценты, многократно начисленные на проценты за распоряжение теми деньгами, которыми он предположительно будет пользоваться некоторое время, как будто это уже произошло.

С темой кредита непосредственно связана такая яркая иллюстрация несправедливости нынешней системы распределения и присвоения общественных богатств, как жилищная проблема. Поскольку потребность в жилье – одна из самых насущных и первостепенных. Эпизод про Дядюшку Тыкву и его домик из произведения Джанни Родари «Чиполлино», которое каждый из нас читал в детстве, отнюдь не сказочная аллегория, а правдивый рассказ о человеке, который много лет трудился и выплачивал ипотечный кре-

дит ради того, чтобы стать собственником малогабаритной квартиры, но состарился и лишился работы, после чего был вышвырнут на улицу суровыми судебными приставами. Что сегодня нередко и происходит, в то время как Подмосковный регион активно застраивается домами, хозяева которых бывают в них 1–2 раза в год, поскольку имеют большое количество недвижимости, в том числе и за пределами страны. В части этих домов содержится не только охрана, но и прислуга, постоянно следящая за порядком.

Как можно утверждать, что такая система более справедлива, нежели прежняя, где жилье можно было получить от государства бесплатно, в порядке очереди, с учетом состава семьи? Реформы не только создали резкую социальную дифференциацию, но и воспроизводят ее во все возрастающем масштабе: бедные становятся все беднее, поскольку вынуждены снимать жилье у собственников, которые извлекая дополнительный доход, приумножают свой капитал.

Вопросы о справедливости и эффективности современного глобального неолиберального рынка тесным образом взаимосвязаны, т. к. для него характерна тенденция, которую Борис Кагарлицкий определил как «социализация убытков, приватизация прибылей». Эта тенденция особенно ярко проявилась во время финансового кризиса 2008–2009 гг., когда государственные средства, потраченные на «спасение банков» правительствами различных стран, так и не добрались до реального сектора экономики.

Неоправданно раздутые бюджеты, гигантские накладные расходы – отнюдь не прерогатива плановой экономики. Разбухание и бюрократизация управленческих штатов – неотъемлемая черта современных трансконтинентальных корпораций, прикрытая завесой презумпции частной эффективности [Кагарлицкий, 2013, с. 49–50].

Заблуждение 3. Советская наука была далеко не самая передовая, а образование (особенно гуманитарное) оставляло желать лучшего

Есть сферы, которым коммерциализация противопоказана в принципе: это наука, культура, здравоохранение и образование. Именно в них деградация в нашей стране по сравнению с со-

ветским периодом особенно заметна. Причем проблема падения уровня культуры, низведенной до удовлетворения запросов самого незатейливого потребителя, одна из самых очевидных, буквально лежащих на поверхности. Вслед за отменой цензуры (худсоветов и т. п.) на россиян выплеснулся поток откровенной чернухи и низкопробных поделок в литературе, на эстраде, в кино... За четверть века не было создано ничего по настоящему великого. Сегодня «товаром повышенного спроса» стали советские песни и фильмы, налицо ренессанс советского в обществе, истосковавшемся по позитивному искусству, несущем в себе доброту и человечность, жертвенность во имя высокой цели, сострадание к ближнему. Советское искусство оказалось «сильнее всех ракет» (согласно словам технолога Петухова из песни Юрия Визбора), поскольку помимо перечисленных выше ценностей, унаследованных от классической русской литературы и живописи, несло в себе мощный позитивный заряд устремленного в будущее созидательного проекта. Того, чего, по словам Сергея Черняховского, нашему обществу сейчас недостает больше всего [Черняховский, 2015, web].

Реформы сопровождала общая убежденность в том, что СССР безнадежно отстает в научно-техническом прогрессе. За постсоветские годы страна потеряла огромное количество квалифицированных специалистов в результате «утечки умов», сегодня отечественные науку и образование разрушают реформой по западным стандартам.

Оптимизм фантастов XX в., полагавших, что в 2030–2050-е гг. человечество покорит межгалактическое пространство, опирался на современные им тенденции стремительного развития науки и техники. Тот научный рывок был неразрывно связан с биполярным разделом мира и соревнованием его полюсов в военной сфере, которое невольно двигало вперед науку в целом, т. к. способствовало совершению открытий в смежных областях. Единственное, в чем рыночная экономика оказалась действительно более эффективной, это применение научных открытий для производства некоторых принципиально новых товаров потребления. Однако рынок никогда не являлся питательной средой для развития научной мысли, поскольку затраты на научные исследования – инвестиции с неопределенным и непредсказуемым результатом. Ликвидация биполярной системы остановила стремительный научный рывок XX в.

А его достижения были сконцентрированы в индустрии досуга и потребления. (Нагляднее всего научно-технический прогресс проявил себя в создании средств связи и системы коммуникаций.) Более того, рыночная экономика в определенной степени блокирует научные прорывы, поскольку революционные научные открытия несут в себе недопустимый риск для уже налаженных производственно-технологических циклов, которые должны до своего морального устаревания многократно окупиться. Прерогатива рынка – мелкие усовершенствования (зачастую на уровне дизайна, но не технологий), побуждающие потребителя к покупке «новой модели» взамен недавно приобретенной и еще вполне пригодной для использования. Кроме того, массовое использование дешевого труда – путем переноса многих производств на периферию капиталистического мира – повлекло за собой даже деградацию некоторых производственных циклов. Необходимость хоть чем-то занять население высоко и среднеразвитых стран привела к неоправданному росту экономики услуг, а также породила новый паразитический «креативный» класс, сконцентрированный в основном в сфере финансового и символического капитала. Итог: в России (как и в мире в целом) по-прежнему главным субъектом инноваций остается государство (и снова в сфере ВПК), поскольку предпринимательский корпус ориентирован на скорую окупаемость. Образование на фоне невостребованности науки постепенно приходит в упадок.

Обучение в советской школе было весьма качественным, системным и всесторонним. По физике, математике, химии и многим др. предметам естественного и технического циклов здесь изучались темы, которые на Западе преподают уже в специальных вузах. Гуманитарное образование в СССР, там, где оно не было связано с задачей обслуживания существующего политического режима, будучи изолировано от насущных жизненных проблем, вынужденно специализировалось на фундаментальном и универсальном знании. Косвенным образом это способствовало тому, что советская интеллигенция получала вместе с эрудицией некий критический потенциал, который в итоге и привел к трансформации системы. Ведь если человек научился думать и разобрался в социальном устройстве нескольких обществ, хотя бы и древних, он уже не будет некритично воспринимать офици-

альную пропаганду. Кстати, многие гуманитарии – выпускники советского периода, в силу своего немозаичного типа мышления, оказались востребованы как за пределами трансформировавшегося государства, так и на рынке труда внутри страны: философский факультет Московского государственного университета дал пореформенной России не меньше эффективных бизнесменов и менеджеров, чем МВТУ им. Баумана.

Несмотря на ликвидацию идеологического диктата, рыночная атмосфера оказалась губительной не только для естественной и технической, но и для гуманитарной мысли. В обществе, где любые действия оправданы, если они приносят доход, где законы принимаются для того, чтобы легализовать расхищение общественного богатства, где квалифицированные инженеры вынуждены заниматься челночной торговлей, отсутствуют перспективы приращения научного знания. После трансформации советского образования в современное российское проблемой становится уже не монополия одной, «единственно верной», теории общественного развития, а не критичное отношение к вновь обретенным западным теориям, практическое отсутствие и неприятие альтернативных взглядов.

По мере деградации средней школы в 1990-е гг. (в результате резкой социальной дифференциации, падения статуса учителя и престижа образования) постепенно снижается уровень и высшего образования. Его коммерциализация также усугубила эту тенденцию и постепенно превратила обучение в вузе в «покупку диплома в рассрочку». Переход от традиционных экзаменов к ЕГЭ, призванный ликвидировать коррупцию на этапе поступления в вуз, «спустил» ее на уровень школ и управленцев, а также повлек за собой дальнейшее ухудшение качества школьного образования. Тесты ориентируют на примитивные решения и стандартные, единообразные, упрощенные ответы. Они могут более или менее успешно применяться в точных науках, хотя и здесь возникают проблемы. В гуманитарных науках введение тестирования означает фактический конец дисциплины как таковой.

В ходе реформы науки, предпринятой вслед за реформой образования, отечественным ученым навязали отчетность по западным критериям. Их эффективность стала оцениваться по количеству цитирований (в том числе в международных системах, где на на-

ших ученых никто не торопится ссылаться) и объему привлекаемого дополнительного финансирования. Однако грантовая система – это приговор для науки. Она была успешно применена и исчерпала свои возможности в 1990-е гг., когда западным фондам за короткий срок удалось дешево скупить отечественные разработки, бывшие результатом многолетнего труда советских ученых на базе государственного финансирования. Заявка на грант включает в себя планирование некоего гарантированного итога, тогда как подлинный научный поиск – процесс с неопределенным, подчас неожиданным или побочным результатом. Падение доходов научных работников совпало с коммерциализацией всех околонаучных сфер. Поддержание статуса ученого превратилось в весьма затратный процесс. Исследователям нередко приходится самим оплачивать расходы на стажировки, участие в конференциях, издание своих монографий, доступ к электронным библиотекам...

Даже поверхностный анализ российской эмиграции показывает, что советская система высшего образования до сих пор неплохо копируется, причем конкурентоспособность соотечественников объясняется именно широтой полученных знаний, универсальностью и методической продуманностью отечественной системы образования. Теперь ее отменяют ради свободного выбора студентов и интеграции в европейскую систему, которая имеет значение лишь в том случае, если ставится задача облегчить подготовленным кадрам возможность плавно «перетекать» на Запад. Вместо человека-творца, которого готовила система образования в СССР, нынешняя система готовит квалифицированного потребителя, чье клиповое мышление позволяет им успешно манипулировать.

В советском обществе дети из простых семей в массовом порядке становились научной и культурной элитой, даже если их родители были заняты на производстве и не имели времени, образования и необходимой квалификации для того, чтобы развивать своих детей. Сейчас в российских образовательных услугах занят значительно больший процент работоспособного населения, а результат гораздо более скромный. Вывод: советское общество смогло сделать гигантский культурный и технологический рывок не только потому, что верило в собственные силы, но и поскольку оно действительно было более справедливо устроено. И каждый талантливый ребенок в нем имел шанс на самореализацию. Сегодня

шняя коммерциализация образования, ограничивающая возможности раскрытия способностей у детей из социальных низов, это не просто недобросовестная конкуренция со стороны отпрысков псевдоэлиты. Это порядок, блокирующий способность страны к новому качественному скачку.

Падение уровня среднего и высшего образования самым непосредственным образом сказалось на качестве подготовки медицинских кадров. Если не затрагивать проблему коммерческой медицины, наживающейся на различного рода дистрибьюторстве, навязанных услугах и недобросовестном исполнении врачебного долга, которую государству так или иначе приходится все больше контролировать, остановиться только на страховой, то вопрос эффективности данной системы в процессе освоения бюджетных денег снова оказывается на поверхности.

Посредники между бюджетом и учреждениями здравоохранения – страховые компании – имеют собственные задачи в этом взаимодействии, главная из которых отнюдь не повышение качества оказываемых населению медицинских услуг, а максимизация собственной прибыли. Отсюда рост бюрократических преград на пути получения медицинской помощи, строгий надзор за обоснованностью назначений врача, сокращение объема предоставляемых бесплатно услуг, переориентация на ожидание наступления страхового случая взамен профилактики. Считать, что страховые компании конкурируют между собой, может только очень наивный человек. Несомненен лишь факт, что огромная посредническая прослойка кормится за счет бюджетных денег. И для убеждения кого бы то ни было в том, что такая система более эффективна, нежели прямое государственное финансирование медицинских учреждений, надо обладать очень большой фантазией и красноречием.

Заблуждение 4. Политическая система в СССР была недемократична

Проект либеральной представительной демократии, на который ориентировались реформаторы демократии народной, исторически принадлежит определенному времени и контексту (благодаря чему во многом иррелевантен нашей политической культуре)

и уже практически исчерпал себя. Его главная служебная роль в современном мире – это процессы демократизации, позволившие втиснуть в глобальную капиталистическую систему на периферийных условиях новые страны, которые ранее сохраняли суверенитет. И дело тут не в идеалах гуманизма. Отмена рабства в США в 1863 г. произошла вовсе не из гуманистических побуждений, а потому что развивающемуся бурными темпами промышленному северу страны были нужны свободные рабочие руки чернокожих американцев. То же с эмансипацией. Равные права женщины обрели в связи с тем, что капиталистической экономике они стали необходимы в качестве рабочих единиц.

Сегодня теория демократии наряду с теорией революции работает на хаотизацию регионов и десоверенизацию периферийных государств: под предлогом смены режима на более демократический происходит замена правительства на относительно подконтрольное мировому гегемону или же вовсе марионеточное. Запад в этих условиях выглядит островком стабильности, что позволяет ему без каких-либо издержек иметь постоянный приток финансовых, трудовых, интеллектуальных и пр. ресурсов. «Революция достоинства» на Украине 2013–2014 гг. превратила страну в европейского поставщика трудовой силы, не имеющей фенотипических отличий с принимающим сообществом. Арабская весна 2011 года и последующие события на Ближнем и Среднем Востоке обеспечили приток в Европу мигрантов разного качества, в том числе и высокообразованной сирийской, египетской и ливийской молодежи.

За последние двадцать пять лет российское общество последовательно и поэтапно пережило несколько реформ. Часть из них была принята «втихую» и прошла «незамеченной». Часть – несмотря на то, что готовилась кулуарно – вызвала широкий общественный резонанс. Граждане активно протестовали, митинговали, и в ответ последовали некие разъяснения, даже были внесены поправки в подготовленные законопроекты. Итог проведенных реформ оказался именно такой, каким его себе представляли протестующие, сбылось все то, чего как раз и опасалось население. Вывод: демократическая политическая культура у нашего народа вполне присутствует, как и умение доводить свою точку зрения до властной элиты, несмотря на различного рода теории о его «извечном рабстве». Напротив, именно «глухота» правительства и авторитарный стиль принимаемых

решений, особенно проводимых в «пожарном» режиме широкомасштабных реформ, касающихся всего населения, является главным катализатором революционных настроений.

Оставим в покое либерализацию цен, приватизацию и прочие беды девяностых. Обратимся к реформам последних десяти – двенадцати лет, когда российское общество вполне освоило демократическую культуру системного протеста.

Монетизация льгот. Реформа сопровождалась широкомасштабными общественными протестами, были предприняты попытки снизить накал народного возмущения. Даны разъяснения о том, что для жителей российской глубинки, которые не пользуются многими льготами, такая реформа будет едва ли не выгодна. Прошло несколько лет. Отъезжаем от Москвы чуть более чем на сто километров. Деревня в Калужской области. Основное население – пенсионеры. Вода – своя (колодцы, скважины), граждане ничем, кроме электроэнергии, не пользуются. Общественный транспорт отсутствует. Газ не проводят. Отопление печное. Какие существуют льготы? 150 кВт электроэнергии в месяц, оплачиваемой с 50-процентной скидкой, раз в год компенсация стоимости дров. Для начисления денежного эквивалента льготы на сберкнижку пенсионер должен нанять какой-то транспорт и приехать в районный центр, предъявить в собес копии квитанций на оплату электроэнергии, написать заявление на компенсацию стоимости дров. Если отапливаться электричеством – нужно потреблять его на порядок больше предоставляемой льготы. Дрова на зиму стоят 12 тыс. рублей, компенсируют – две тысячи...

Внедрение единого государственного экзамена. Против реформы выступали педагоги высшей и средней школы, родители, просто неравнодушная интеллигенция. Была проведена разъяснительная кампания. Главной целью ЕГЭ провозглашалась борьба с коррупцией при проведении вступительных экзаменов, уравнивание шансов на поступление в вуз выпускников школ на всей территории России. Прошло несколько лет. Все опасения протестующих сбылись. На уровнях школы, района и т. д. при проведении ЕГЭ не редкость системное очковтирательство. В действительности качество знаний выпускников резко упало. Учеба в выпускных классах деградировала до натаскивания к тестам. Вузы вынуждены на первых курсах пытаться ликвидировать пробелы

в школьной подготовке. За злоупотребления при проведении ЕГЭ снимали региональных чиновников от образования (например, в Адыгее), однако на сегодня столичные вузы плотно укомплектованы выпускниками школ Северного Кавказа, в массовом порядке имеющими 100 баллов по нужным для поступления предметам. На проведение тестирования тратятся колоссальные деньги (разработка тестов, контроль процесса и проверка работ), в том числе для оборудования видеокамерами всех школ по стране. Тогда как аналогичный контроль вступительных экзаменов в вузах обошелся бы существенно дешевле.

Реформа здравоохранения. Переход к страховой медицине не имел такого общественного резонанса, как коммерциализация среднего образования (постепенный переход к бесплатному обучению только по узкому кругу обязательных предметов), хотя природа у него та же: переложить расходы на социальную сферу с плеч государства на плечи населения, минимизировать их гарантированный объем. Прошло несколько лет. По России в целом на любом расстоянии от Москвы в районных больницах нет узких специалистов (отоларингологов, окулистов и т. п.), в лучшем случае – приезжают консультировать раз в неделю. Отъезжаем от Москвы чуть более чем на тысячу километров. Деревня в Республике Калмыкия. Основное население – пенсионеры. Обращение за медицинской помощью в середине года в районную больницу влечет за собой отказ в госпитализации. Объяснение врача: приезжала комиссия, констатировала перерасход выделяемых средств, до конца года больница не может оказывать плановую медицинскую помощь, только экстренную...

Реформа науки. Имела широкий резонанс, большей частью в научных кругах. «Разъяснительная» кампания со стороны реформаторов вылилась в дискредитацию ученых и отечественной науки. Итоги подводить пока рано, но одно – несомненно: в ходе реформы от системного развития науки перешли к точечному финансированию отдельных приоритетных направлений и проектов, существенно снизилась финансовая поддержка гуманитариев. Вместо того чтобы выработать собственные аутентичные критерии оценки эффективности отечественной науки – ей предложили вписаться в международные системы на заведомо невыгодных условиях, вместо того чтобы сформулировать собственную

аутентичную модель развития – министерство экономит на гуманитарных исследованиях, отдавая приоритет естественным и прикладным. Однако роль гуманитарных наук сложнее, чем кажется. А наши просчеты последних десятилетий в этой области и неспособность провозгласить свою повестку дня приводят к беспомощности перед информационно-пропагандистскими атаками Запада.

Если ранее государство напрямую финансировало научные учреждения РАН, то в ходе реформы распределением финансов стала руководить новая структура – ФАНО, которая, как и всякий посредник, в конечном итоге уменьшает величину средств, затрачиваемых собственно на научные исследования. Для того чтобы оправдать свое существование, данная управленческая структура обременяет научные учреждения все возрастающим объемом бумажной отчетности, перманентно устанавливает новые критерии эффективности. Ученому для того, чтобы доказать целесообразность своей работы, приходится тратить уже не 30, а 70 % рабочего времени на бумажную волокиту. Возникло огромное количество симулякров научных мероприятий – заочных конференций, печатающих труды «участников» любого качества при предоставлении документов об оплате, с последующей регистрацией в системе РИНЦ. Таким образом, процесс поддержания научного статуса оказался вовлечен в сферу оплачиваемых услуг, слабо коррелирующую с содержательной ценностью публикуемых работ.

Итак, мы можем констатировать, что на сегодняшний день в России подготовка любых реформ (особенно противоречащих интересам абсолютного большинства населения) проводится кулуарно. Осуществление их проходит в «авральном» порядке, без пилотного апробирования, без оставления «путей к отступлению». В том случае, если инициативы власти не прошли незамеченными и вызвали широкий общественный резонанс, добавляется проведение «разъяснительной» кампании, внесение косметических поправок в законопроекты. При этом наблюдается полное отсутствие самокритики: неудачи реформ не анализируются, ошибки не исправляются, виновные награждаются. В современной «демократической» России в порядке вещей ничуть не менее авторитарная культура осуществления властных полномочий, направленная к тому же (в отличие от СССР) на ликвидацию остатков социального государства.

Заблуждение 5. Советское общество было идеологизированное, а государство – полицейское

Эти две масштабные темы объединяет сопряжение с категорией свободы, стремление к которой части советской интеллигенции придало реформам мощный импульс.

Отказ от коммунистической идеологии и провозглашение свободы в 1990-е гг. одной из ключевых ценностей нашего общества произошли с опорой на классиков либеральной демократии и без учета того, что в реальной действительности в капиталистическом мире она к этому времени уже деградировала исключительно в свободу потребления. Безграничное удовлетворение возрастающих потребительских запросов стало главным импульсом общественных трансформаций, а ценности потребления вытеснили ценности созидания. Однако позволить себе высокий уровень потребительских запросов на фоне симуляции трудовой деятельности может только «золотой миллиард» за счет определенным образом установленной системы глобального неравенства (имеющей военный, финансовый, имиджевый и др. аспекты). Соответствие тем стандартам потребления, которые выдаются за образец желаемого, для всего мира невозможно – на это просто не хватит планетарных ресурсов. Система перекачивания материального, финансового, человеческого и др. капитала продолжает «работать» несмотря на этот очевидный факт, поскольку есть желающие любой ценой пополнить ряды «благословенного человечества». Наличие подобных кандидатов обеспечивают навязанные ценности и искусственно сформированные (по западным образцам) потребности, без удовлетворения которых люди вполне могут жить, однако при этом реально чувствуют себя несчастными!

Для того чтобы общество могло успешно развиваться, оно должно осознавать цель или смысл своего существования, а его члены – иметь желание трудиться на общее благо и быть довольны своей судьбой и тем уровнем благосостояния, который они имеют. В традиционном обществе проблема удовлетворенности жизненным уровнем успешно решалась за счет жесткой социальной стратификации: каждое сословие занимает свою социальную нишу, выполняет свою социальную роль, не претендуя на потребление и привилегии «высших» слоев общества. Сегодня это также до-

стижимо в рамках сообществ самоограничения, объединенных на базе иных идеалов и ценностей, нежели предлагает нам западная либеральная демократия. Вот почему российскому обществоведению необходимо переходить к проективной политологии. Развивать собственную теорию, обогащать практику преподавания, предлагать свои социально-политические разработки. Иначе мы обречены на вращение в замкнутом круге истории: заимствовать чужие формы (западные политические институты), наполнять их своим содержанием (российскими людьми) и сетовать в дальнейшем по поводу результата (почему отечественный аналог отличается от иностранного идеала?)!

Развенчание догм марксизма-ленинизма в отечественной социально-гуманитарной мысли сочеталось с некритичным заимствованием в качестве «объективного знания» ничуть не менее идеологизированных западных наработок. Это сопровождалось трудностями выживания интеллектуалов в 1990-е, когда им нередко приходилось спасаться благодаря иностранным грантам. Что и определило ту ситуацию в отечественном обществознании, которую Александр Дугин назвал «эпистемологической оккупацией» – полную концептуальную зависимость от мирового гегемона, своего рода либеральную интеллектуальную диктатуру [Дугин, 2014, web]. Однако говорить об этом напрямую – значит обрезать себя на статус политического маргинала [Вафин, 2011].

Констатация итогов российских реформ, обусловленная как внутренними, так и глобальными тенденциями, неутешительна: внедрение дорогостоящих избирательных процедур породило иллюзорную политическую конкуренцию. Устранение волюнтаризма советской системы привело не к построению правового государства, а к разрастанию бюрократического аппарата и падению его эффективности. Доступность судебной системы, призванной законным путем разрешить возникающие споры и защитить нарушенные права, для рядового гражданина сомнительна. Экспертное сообщество юристов сконцентрировано на обслуживании тех, кому принадлежит власть и капитал.

Неисчислимо умножилась коррупция на фоне утраты свободным печатным словом своей силы, а наказанием – неотвратимости. Выросла преступность: в «полицейском государстве» дети свободно бегали по улицам, а в современной России, уже поборовшей

разгул бандитизма 1990-х гг., тем не менее, в каждой школе дежурит охрана, а родители за руку водят детей по улицам вплоть до совершеннолетия. Правоохранители нередко являются кураторами различного рода теневых структур.

Ликвидация собственной идеологии привела к ценностному кризису, утрате смысла существования, скатыванию в пропасть общества потребления, торжеству неолиберализма. Социалистический проект, отказавшись от стремления добиться справедливости в мировом масштабе (т. е. победить капитализм), предлагал иные высокие смыслы: созидательно трудиться, любить Родину, беречь природу, служить людям, растить детей и проч. Сегодня государство вынуждено «возвращать» многие прежде осмеянные ценности советского периода.

Советскую геополитическую систему упрекали в неразумной международной политике. В гонке вооружений, подрывавшей экономику. В обременительной практике субсидирования лимитрофов. Вадим Цымбурский в 1990-е создал большое количество печатных работ, посвященных циклам «похищения Европы» в российской внешней политике. Призывал сконцентрироваться на внутреннем развитии далеко не он один. Однако постсоветская история подтвердила старую истину: «Хочешь мира – готовься к войне», согласно которой государству, чья независимость не подкреплена военным потенциалом, никто не позволит свободно и суверенно развиваться. Сброс бремени ответственности за судьбу буферных государств приводит к их включению в зону недружественного геополитического влияния, а лимитрофами становятся уже части собственной территории.

Отказ государства от контролирующих функций с целью свободного развития частнособственнической инициативы повлек за собой выброс на рынок огромного количества фальсификата и просто некачественной продукции, чему ранее успешно препятствовали СЭС, ОТК, народный контроль и т. п. институты. Предприниматели уклонялись от уплаты налогов любыми способами, в том числе путем выплаты зарплат «в конвертах», с которых не начисляли взносы в Пенсионный фонд и фонды социального страхования. Это повлекло за собой переход к накопительной схеме пенсий. Таким образом людей пытались побудить самих позаботиться о своей старости, как будто легальное начисление

зарплаты – это сфера ответственности работника, а не работодателя. Сегодня вопрос встал уже о повышении пенсионного возраста, до которого граждане и так частенько не доживают. Выходит, что патерналистское советское государство не только репрессировало население, но и вносило немалую лепту в его гуманитарную и социальную защиту.

Вывод. Объективная оценка двух социально-политических систем по ряду ключевых параметров показывает, что опыт СССР, как правило, оценивается небеспристрастно. У каждой общественной модели есть свои достоинства и недостатки. В ходе трансформации советской системы наше общество хотело обменять недостатки собственной модели на достоинства западной. В итоге потеряло завоевания советского периода и приобрело многие издержки рыночного либерализма, которые теперь еще только предстоит преодолевать.

Глава 2. Движение к новой России

Гибкой природе идентичности в условиях поздней современности, когда она становится результатом саморефлексии и самоактуализации индивида, посвящено немало исследований [Identities, 2007; Труфанова, 2010; Политическая идентичность, 2011–2012; Гуревич, Спирина, 2015], во многих из них подробно раскрывается, как индивид формирует ее в течение своего жизненного пути [Giddens, 1994, p. 74–80]. Ценности и установки, социальные ожидания, стремления у членов культурных групп со временем изменяются. Человек вполне способен совершить эволюцию от представителя статистически доминирующей в государстве культуры к члену культурного меньшинства или наоборот. Нередки «возвращения к корням», к идентичности одного из своих далеких предков [Marcus, 1992, p. 315–319]. Произвольно выбирается религиозная идентичность, ранее прививавшаяся в семье и, как правило, остававшаяся неизменной в течение всей жизни индивида. Кроме того, идентичность – многосоставный феномен, отдельные элементы которого актуализируются личностью в различные моменты времени. В общественных дискуссиях за последние сорок лет (на фоне борьбы против дискриминации) в разряд культурных идентичностей попали этнические, религиозные, расовые, гендерные, сексуальные и многие другие отличия.

Бывает и так, что какая-то идентичность является доминирующей достаточно продолжительный период (религиозная, этническая, гендерная, социальная (например, трудовой мигрант),

профессиональная (врач), семейная (мать) и пр.). Чем гибче, множественнее и сложнее структура личности, тем выше ее «толерантный потенциал», поскольку для такого индивида не составляет труда найти некую общую идентичность, которая позволяет ему солидаризироваться с *Другим* и снимает потенциал конфликтности. Даже убежденный «великоросс», настороженно относящийся к представителям этнических меньшинств, иноэтничным трудовым мигрантам, как правило, при просмотре спортивных соревнований «болея» в качестве патриота за Россию, желает победы в том числе и отечественным борцам и боксерам, которые большей частью являются выходцами из республик Северного Кавказа. Или, испытывая гордость за достижения российской науки, не принимает во внимание, скажем, «еврейскую» фамилию какого-то видного российского ученого и т. д. В данном случае формирование солидарности осуществляется на основе общей гражданской идентичности – принадлежности к одному государству (Российская Федерация): «болеют» за «россиян», а не за «кавказцев», гордятся достижениями советской или российской науки. В предельном варианте у нас есть общечеловеческая идентичность (все мы – люди), которая может иметь сильный или слабый потенциал для проявления установки на толерантность.

История становления российской идентичности

Вести речь о такой идентичности, как «россиянин», мы можем лишь начиная с 1991 г. – после подписания Беловежского соглашения и распада СССР. Россия – единственная из бывших советских республик – предприняла попытку построить гражданскую, а не этническую государственность. Несмотря на то, что новая Россия провозгласила себя правопреемницей СССР, поначалу ее идентичность была радикально антисоветской. Однако ни одно государство не может существовать без «связи времен», и для восстановления памяти о прошлом новые власти обращаются к дореволюционной России. Это выразилось в возвращении дореволюционного флага, герба, строительстве Храма Христа Спасителя и др. символах. В то же время реально восстановить связь с прадедовским поколением немислимо. Невозможно построить государственную идентичность и на отрица-

нии предшествующей истории [Кожин, 2000, с. 43–52]. Тем более, что «советский народ» – по сути – это и была первая гражданская, а не имперская идентичность в нашей стране. И тот факт, что музыка советского гимна сохранена в новом гимне России, а стихи к нему написаны тем же поэтом, имеет немаловажное значение для преемственности между советским прошлым и российским настоящим.

Демократической российской идентичности в противовес советской не получилось по многим причинам, прежде всего, потому что реформы в стране были авторитарной трансформацией. Даже сам факт подписания Беловежского соглашения противоречил итогам референдума 1991 г., во время которого абсолютное большинство населения высказалось за сохранение Советского Союза.

Девальвация рубля, лишившая сбережений десятки миллионов граждан, практический отказ государства от выполнения социальных гарантий, введение частной собственности, а затем и ее перераспределение путем залоговых аукционов, когда государство за государственный же кредит передавало особо приближенным к власти лицам практически все важнейшие отрасли экономики, и все это на фоне невыплаты пенсий, социальных пособий и заработной платы, а также массовой безработицы – в итоге породили криминальный капитализм, до сих пор не легитимированный в общественном сознании.

К 2000-м гг. уже стало ясно, что нашему государству нельзя строить свою идентичность исключительно с опорой на западные идеалы. Но к этому времени было воспитано целое поколение молодых граждан, которому настойчиво прививался стыд за собственную историю.

Шутка о том, что Россия – страна с «непредсказуемым прошлым», не лишена горького смысла. Действительно, история в нашем государстве только в XX в. переписывалась несколько раз. Вскоре после Октябрьского переворота весь имперский период развития окрашивается в мрачные тона. Однако начиная с 1930-х гг. в рамках политики по формированию единой гражданской советской нации многие события и ключевые фигуры российской истории «реабилитируются» (Александр Невский, А.В. Суворов, Петр I и т. д.).

В последующие годы в преподавании истории практиковался все более взвешенный подход при обязательном сокрытии неблагоприятных для режима фактов и наличии идеологических интер-

претаций. Одним историческим фигурам (Степан Разин, Емельян Пугачев, Салават Юлаев) приписывалось чуть ли не классовое сознание, деяния других замалчивались или очернялись (генерал Ермолов, П. Столыпин и др.). Справедливости ради заметим, что данная тенденция была характерна не только для СССР, но и для антагонистической ему системы. Прогрессистские интерпретации истории на Западе отличались лишь тем, что венцом развития человеческого общества виделся не коммунизм, а либеральная демократия. Так, в США, по свидетельству Майкла Паренти, в 1980-е гг. «учебники для начальной и средней школы и даже для колледжей редко упоминают – и то лишь вскользь – историю борьбы трудящихся и роль американских корпораций в эксплуатации и отставании стран “третьего мира”. Почти ничего не говорится о борьбе закабаленных служащих, рабочих-иммигрантов латиноамериканского, китайского и европейского происхождения, мелких фермеров. История сопротивления рабству, расизму и экспансионистским войнам в США практически не преподается. Зато каждый на зубок заучивает, что в “холодной войне” винить должно Советский Союз. Во многих штатах закон требует включать в учебные планы изучение “зол коммунизма”... Профессора, преподаватели и даже студенты колледжей, проявляющие инакомыслие и склонные к политической деятельности, подвергаются дискриминации: они получают отрицательные отзывы и оценки, их лишают поощрительных стипендий, средств на научные исследования и работы» [Паренти, 1990, с. 68–69]. «Новый» (по терминологии Х. Арендт) деспотизм на Западе, в отличие от «старого» на Востоке, отдает приоритет экономическим методам установления контроля над поведением человека. «Разница методов обуславливает разницу форм сопротивления и степеней их эффективности. Абсолютно нельзя себе представить, чтобы “новый деспотизм” рухнул от “гласности”, от доведения до сведения общественности, скажем, факта геноцида индейцев Оклахомы ради рационализации нефтедобычи или округления территории США благодаря самой беззастенчивой агрессии против Мексики и ее последующего расчленения. “Гласность” тут не сработает, ибо все эти факты давно “доведены”, но либо вообще не “восприняты” огромным большинством, либо “восприняты” как пусть прискорбные, но “естественные” факты истории, которые уже не изменишь». В то же время, в

СССР «доведение до сведения общественности фактов сталинских (и позднейших) злодеяний, которые тоже “уже не изменишь” были “восприняты” миллионами людей, превратившимися на несколько лет в политически озабоченную и читающую публику, и она оказалась готовой действовать ради изменения режима» [Капустин, 1998, с. 241–242].

В тот момент, когда СССР исчез с политической карты мира, учителя истории не знали, что говорить ученикам на уроках, как им преподавать свой предмет, т. к. вся пресса пестрила разоблачительными, да и просто скандальными статьями. Для сознания советского человека, привыкшего верить печатному слову, это был страшный мировоззренческий удар. Учебники, особенно по новейшей истории, издававшиеся в 1990-е гг., большей частью демонстрировали негативное отношение к собственному прошлому, некоторые были написаны наспех, часто детям преподносились еще не «устоявшиеся» концепции. Советские дети были твердо уверены, что их Родина – самая справедливая страна в мире, которая никогда не вела захватнических войн и, в конце концов, всегда побеждала, поскольку правда была на ее стороне. Теперь их создание непоправимо деформировалось.

В 2000-е гг., одновременно со стабилизацией политической системы, стала заметна некоторая обратная «патриотическая» тенденция: учреждена Комиссия при Президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России, из списка рекомендованных в школах учебников истории исключены пособия, изданные благодаря поддержке западных фондов (например, Фонда Сороса по программе «Обновление гуманитарного образования в России») или написанные авторами, излишне критично относящимися к некоторым фактам отечественной истории (например, учебник по отечественной истории XX в. И. Долуцкого).

В таком повороте событий нет ничего удивительного. После сознательного разрушения советской идентичности новую российскую общегражданскую еще нужно было построить. А с ней немедленно стали конкурировать множество других: «глубинных» и «природных» или новых, в том числе привнесенных извне и искусственно сформированных. Произошел некий всплеск исключительного в ущерб всеобщему. Прежде всего, в данном ряду речь

идет об этнических и религиозных, местных и локальных идентичностях, что отнюдь не способствовало укреплению общегосударственной.

Сторонники теории распада Советского Союза как «последней империи» в результате «борьбы угнетенных народов за независимость» часто говорят о дискриминируемом положении нерусских народов, культура и идентичность которых подвергались насильственной деформации ради реализации официальной концепции «слияния наций» и конструирования единого «советского народа». Их оппоненты акцентируют внимание на том, что финансовые средства в СССР распределялись в ущерб российской глубинке, направлялись на развитие национальных республик. Во всяком случае, не приходится отрицать, что именно при советской власти отдельные (статистически наиболее крупные) этносы получили свою псевдогосударственность (союзные и автономные республики) и сделали солидный шаг на пути модернизации. Этничность (национальность в советской терминологии) была мощным инструментом межгрупповой конкуренции и получала систематическую поддержку со стороны государства.

Как отмечает В. Тишков, ни одна из российских республик не пожелала отказаться от части территории ради этнической гомогенности населения. Все они захотели сохранить ресурсный потенциал, а в своих декларациях о суверенитете и в конституциях республик объявили основой государственности и источником суверенитета и власти живущий в них народ [Тишков, 1999, с. 46]. Однако «этническое» понимание термина «народ» в общественном сознании привело к дискриминации новых республиканских «меньшинств».

Помимо резкой актуализации этнической идентичности, россияне стали активно вовлекаться в лоно одной из традиционных религий, увлекаться эзотерикой, становиться членами нетрадиционных сект.

Россию спасло то, что она в своей истории переживала уже подобную ситуацию не раз. На самом деле наша страна первой в мире на практике столкнулась с проблемой вхождения в бесконечно плюралистическую ситуацию [Капустин, 1993, с. 61–62], в которую другие государства входят лишь теперь, в эпоху постмодерна. Та социальная ткань («многообразие народов»), из которой

формировалось российское общество, изначально представляла собой различные нормативные системы, не способные к самопроизвольному сращиванию. Поэтому условием их целостности стала российская государственность, легитимность которой была обусловлена единственно сохранением порядка (как антитезы локализму и хаосу), подразумевающего соединение разнородных традиций и культур. Государственность в качестве нормативного порядка совмещалась в российской истории с деспотизмом.

В ходе трансформации режима в начале 1990-х гг. остро встал вопрос о выборе путей дальнейшего развития России, при рассмотрении которого правящей элите не удалось преодолеть дихотомию империи и европейской либеральной государственности, поставить вопрос о выборе «третьего пути». Однако сам факт отсутствия либеральных традиций на постсоветском пространстве вносил коррективы в осуществление реформ, и в 2000-е происходит «возвращение государства» в форме политики по укреплению вертикали власти.

Социологические исследования первой половины 1990-х убедительно демонстрировали, что категория терпимости в России воспринимается не как терпимость между индивидами, а в качестве терпимости государства по отношению к группам. Б. Капустин и И. Клямкин писали тогда, что «ценность толерантности в строгом смысле слова российскому обществу еще не близка», поскольку частные и групповые интересы в нем еще не дифференцировались; «проблема толерантности, как и проблема равенства (и даже в большей степени, чем проблема равенства) – это для России проблема не столько настоящего, сколько будущего» [Капустин, Клямкин, 1994, с. 39–75].

В сознании разных групп и слоев на сегодняшний день по-прежнему реальными и обязательными выглядят взаимоотношения с государством, общий запрос на социальную справедливость и сохранение традиционных ценностей: «ценностно-нормативная система россиян, независимо от их этнической принадлежности, в настоящее время устойчиво базируется на традиционалистских основаниях», «доля этатистов-державников не только составляет более половины всего населения (59 %), но и в разы превышает в этом случае долю последовательных либералов, которые вообще в настоящее время находятся в явном меньшинстве в российском обществе (8 %)» [Российское общество, 2015, с. 323–324].

Таким образом, базой для формирования российской идентичности не смогла стать и западная «религия прав человека». Во-первых, нельзя строить собственную идентичность с опорой на привнесенные извне идеалы. Во-вторых, нельзя не учитывать такой важный фактор, доставшийся России в наследство от СССР, как позитивизм в правоведении, правоприменительной практике и обыденном мышлении. Естественно-правовая традиция у нас практически отсутствует по настоящее время. И хотя советские юристы протестовали против юридического позитивизма, их подход к праву, по сути, оставался позитивистским. Принцип: «Запрещено все, что не предписано», бытующий и сегодня, ведет к разбуханию законодательных актов, но не решает проблемы. Возможно, это объясняется коррумпированностью судов, слабой эффективностью службы судебных приставов и др. препятствиями на пути реализации имеющихся прав. К тому же, в-третьих, официальные декларации о демократии и правовом государстве настолько не соответствовали фактическому положению дел в стране, что западные идеалы и ценности в самом скором времени были дискредитированы.

Серьезную проблему для становления общегражданской российской идентичности представлял тот факт, что среди ученых и руководства страны не было единства по части употребления таких терминов, как «национальное государство», и средств, с помощью которых его следовало построить, а также понятий «российская нация» и «российский народ». Кто-то, говоря о том, что Россия сегодня впервые в истории имеет шанс стать национальным государством, понимал этот термин в узкоэтническом смысле [Никонов, 2002, с. 86]. Другие предлагали «озаботиться разработкой российского проекта», считая, что, придавая стране русское лицо, руководство страны столкнется с отсутствием политической лояльности части населения [Малахов, 2002, с. 152]. Третьи (и автор согласен с ними в этом) настаивали на важности употребления термина «российский народ» вместо «народы России», поскольку множественное число ослабляет легитимность государства, образованного российским демосом [Тишков, web], и ставит законный вопрос: единство какого народа мы празднуем 4 ноября?

Основная масса российских граждан принадлежит к одной культуре, не похожей как на Запад, так и на Восток, совместно возвращенной в течение нескольких последних столетий, в том чис-

ле и в советский период российской истории. Задача государства, в данном случае, состоит в том, чтобы не потворствовать этническим предпринимателям, спекулирующим западными категориями толерантности и прав человека, и пресекать искусственное культивирование традиционных этнических сообществ из тех граждан России, которые уже прошли фазу вхождения в российскую культуру, сами стали ее носителями. «Современный традиционализм – это ориентация на такие практики, которые в массовом сознании общепризнанны и разделяются большинством сообщества. А это могут быть в равной мере как досоветские практики, так и советские, утвердившиеся в общественном сознании как “нормальные и естественные”, и принятые массовыми слоями уже в постсоветский период. В таком понимании общая для всех... опора на традицию (как общепринятое) отнюдь не противоречит этнокультурному разнообразию конкретных традиций, но предполагает в качестве общероссийской ценности уважение к сложившимся традиционным основам образа жизни и практикам социального взаимодействия на различных территориях России» [Российское общество, 2015, с. 324].

Итак, «новая» российская идентичность за последние 25 лет отнюдь не оставалась постоянной величиной. Если в начале и середине 1990-х она включала в себя отмежевание от советского опыта и наследия, то затем недавнее прошлое реанимируется, а несомненные достижения советского периода становятся предметом национальной гордости. Мы полагаем, что для формирования в России «гражданской нации, объединенной узами солидарности», важна не только «прочность горизонтальных гражданских связей» [Пешкова, 2009, с. 30], но и выполнение государством своих обязательств по «вертикальному контракту». В частности, без полноценных сбережений граждан в национальной экономике нет возможности осуществлять инвестиции с опорой на внутренние резервы. Но в начале 1990-х гг. государство фактически отказалось от выполнения обязательств перед своими гражданами: произошел резкий инфляционный скачок, вызванный тем, что сначала были отпущены цены, а потом проведена приватизация, а не наоборот. Вместо того чтобы дать возможность реально поучаствовать советским гражданам в приватизации, их сбережения, бывшие результатом многолетнего труда, уничтожили с помощью инфляции

в ходе либерализации цен. Скорее всего, что пока живы люди, на личной судьбе которых непосредственно сказалась эта реформа, уровень сбережений в российской экономике будет довольно низким, предпочтение будет отдаваться личному потреблению, вкладам в недвижимость и валюту, вывозу капитала за рубеж и т. д. И в целом это имеет большое значение для самоассоциации граждан со своим государством, отрицательно сказывается на лояльности ему.

Взаимоотношения российской власти и гражданского общества

В новейшей российской истории гражданское общество, к сожалению, имеет только одну традицию – как борец с государственным монстром. Оно выступало и выступает только в этом неконструктивном качестве. Всесилие российской бюрократии только подогревает антигосударственную направленность всевозможных правозащитных организаций, которые чаще всего являются филиалами международных структур или напрямую финансируются западными фондами и нередко используются теми в своих целях (Московская Хельсинкская группа, Международная Амнистия, Правозащитный центр «Мемориал», Международная правозащитная ассамблея и др.). Подобные организации нередко слепо защищают общечеловеческие принципы, не принимая во внимание, что в ряде случаев их деятельность нарушает элементарные права российских граждан.

Кто же является подлинным субъектом российского гражданского общества: союзы потребителей, ратующие о жестком государственном контроле за качеством продуктов в торговых сетях и предприятиях общественного питания, или предприниматели, с пеной у рта отстаивающие свободу конкуренции; общества защиты прав животных, пекущиеся об охране бездомных собак, или покусанные граждане, этих собак отстреливающие; брокеры от культуры, требующие от государства субсидий и преференций для «своей» этнической общности, или движения против иммиграции; автомобилисты, отстаивающие свободу на парковку в нужном месте, или пешеходы, защищающие право на свободное передвижение; те, кто просят у государства поддержки и помощи, или те, кто

готов справляться самостоятельно; те, что ведут борьбу конституционными и парламентскими методами, или те, чьи протесты носят разрушительный характер?

Одна из важнейших задач, которая в этой связи стоит перед отечественной гуманитарной мыслью – переосмысление понятия «гражданское общество» применительно к российской действительности, поскольку простое заимствование ее либерального содержания навсегда погружает нашу страну в «бездну авторитаризма»: по западным меркам мы обречены оставаться негражданскими и недемократическими. Придется «переоткрывать» не только «демократию», как предлагал Б. Капустин в 1990-е, но и «гражданское общество», многие другие ключевые категории, о чем неоднократно заявляли авторитетные авторы [Пантин, 2007], бережно вычлняя те моменты российской истории, когда гражданские или протогражданские тенденции имели реальный политический вес.

Пытаясь определить суть этого понятия на современном этапе, Б. Капустин убедительно доказывает несостоятельность чисто прескриптивного (Д. Козн, Э. Арато, Ю. Хабермас) и чисто дескриптивного подходов к «гражданскому обществу», которые не позволяют ни адекватно отразить сущность феномена, ни четко отделить его от бюрократической машины. «Гражданское общество», словно улыбка Чеширского кота, лучится отовсюду и вместе с тем остается неуловимым. Нормативное предвосхищение делает понятие исторически иррелевантным и бесполезным для познания общественной жизни, а политико-социологическое описание имеющейся действительности наполняет термин избыточным содержанием. Капустин убедительно доказывает, что не только в России, но и на Западе гражданское общество «становится известным в основном по своему отсутствию или неполноте», и в конечном итоге определяет его как «форму нормативно мотивированной политической практики, предполагающей самоорганизацию общественных сил и нацеленную на самоизменение общества» [Капустин, 2010, с. 28, 41].

Такое определение помогает нам избежать как антагонизма в отношениях гражданского общества и государства, характерного для отечественной традиции, так и ассоциаций гражданского общества со слепой защитой общечеловеческих принципов. Итак,

прежде всего, необходимо уяснить тот факт, что гражданское общество сегодня не противостоит государству. И не надо его противопоставлять! Напротив, гражданское общество может и должно направлять современное российское государство, тем самым помогая ему осуществлять свои функции наилучшим образом.

Гражданское общество рождается в тот момент, когда частные интересы снимаются ради общего блага. Как только субъект перестает решать свои проблемы в одиночку и включается в борьбу за то, чтобы изменилось положение многих, – его частный интерес вырастает до всеобщего. Такое превращение, как правило, бывает неполным и неокончательным и происходит в ущерб сиюминутной личной выгоде из-за потери временных, финансовых, имиджевых и прочих ресурсов. Приобретения же, которые оно сулит, часто иллюзорны, строго некалькулируемы и достаются иным поколениям. Таким образом, правозащитник, чья работа заключается в отстаивании «незыблемых» прав и свобод, например животных, может вовсе и не являться актором гражданского общества, в особенности, если защищает свой реальный интерес – конкретную сумму, выделяемую, скажем, Правительством Москвы на стерилизацию каждой бездомной собаки. В то же время чиновник от образования, последовательно выступающий против губительной для системы российского образования реформы, вместо того чтобы благополучно «пилить» выделяемые на реформирование средства, – таковым субъектом являться-таки будет.

Тогда каковы же могут быть сегодня пути продуктивного взаимодействия российского государства и гражданского общества?

Первое, и стратегически главное для нас, – это *предложить миру свой, альтернативный, вариант развития*. Причем сделать это силами гражданского общества (вначале – силами интеллектуального сообщества), которое в истории политической мысли всегда формировалось в ответ на какие-либо вызовы (защита собственности, свободы и т. п.). Силами государства Россия уже пыталась предлагать альтернативный проект в веке XX. Преуспела или нет – вопрос спорный, поскольку западный вариант общества благосостояния – во многом и наша заслуга. Кто знает, не будь альтернативного варианта общественной системы, стал ли бы капитализм столь уступчив к требованиям профсоюзов и социал-демократических сил.

Опыт XX в. доказал, что реализация такого проекта (проекта «общества цели») на государственном уровне неизбежно приводит к усилению авторитарных тенденций. Именно поэтому предлагать иной вариант развития нужно с опорой на гражданское общество, менять сознание, используя Интернет, сетевые каналы взаимодействия и пр., постепенно увлекая новой идеей власть.

Предлагать альтернативный вариант развития нам нужно в тех условиях, когда «старые» идеологии (либерализм, консерватизм, социализм с коммунизмом) стремительно утрачивают свой мобилизационный ресурс. И не случайно российские партии настолько деидеологизированы. В какой-то степени потенциал мобилизации сохраняется у национализма как политической идеологии. Подлинную же актуальность приобретают совершенно другие проекты: исламский фундаментализм как одна из форм протеста против западной рациональности, из относительно позитивных – альтерглобализм, включая различные экодвижения.

В глобальном обществе, где риск непредсказуем, нелокализуем, где он настигает незаслуженно даже тех, кто ведет самый благоразумный образ жизни, нам нужно сформировать свою повестку дня. Учитывая глобальный кризис существующей мир-системы [Закат империи США, 2013], вряд ли это может быть модель автохтонного капитализма – стратегия, которая позволит России в целом по-прежнему оставаться в западной логике развития, но идти несколько отличным путем. Скорее, это должна быть собственная модель цивилизационного развития. Некий эколо-экуменистский проект, включающий в себя как православно-христианскую составляющую, так и проект альтернативного ислама. Кстати сказать, возврат к традиции в эпоху «Нового Средневековья» (по выражению Г.И. Мирского) не является чем-то противоестественным. О необходимости развития в данном направлении писал, например, покойный Александр Панарин, считавший, что именно Россия, имеющая уникальный опыт синтеза своей православно-славянской и тюрко-мусульманской компонент, сможет предложить новую этикоцентристскую «повестку дня» для будущего развития мира [Панарин, 2006, с. 223–333]. А историк Вадим Кожинов убедительно доказал, что Византия, чьей наследницей (равно как и монгольской империи) он признает Россию, была альтернативной Западу линией цивилизационного развития [Кожинов, 1997, с. 40–52].

Действительно, нарождающееся российское гражданское общество просматривается именно в лоне традиционных религий² и экологических общественных движений. Проблемы терроризма и экологии – серьезные вызовы, затрагивающие базисные человеческие ценности. И в ответ на них вполне может укрепиться российское гражданское общество. Причина проста: любое увеличение стандартов потребления становится неактуальным, если страдает качество жизни, под вопрос ставится само ее продолжение: сегодня доля условно здоровых детей лишь треть от общего их количества, а среди подростков 14–17 лет уже 70 % страдают хронической патологией [Кравчук, 2003, с. 109].

Второе, весьма существенное, – российскому гражданскому обществу *надо не только посылать сигналы, направляя государство, имеющее слабое представление о реальном положении дел в обществе, но и поставить власть под контроль общества*. Как это сделать в условиях, когда возможности оказывать реальное влияние на итоги выборов крайне ограничены, – вопрос непростой. Но подлинное гражданское общество рождается не только в момент самоорганизации для борьбы с лесными пожарами и их последствиями, но и тогда, когда вынудит нести ответственность тех, кто создал предпосылки для разгула стихии, а также внести законодательные и структурно-управленческие коррективы с целью недопущения подобной ситуации в будущем.

Власть, и особенно власть российская, устроена так, что подминает под себя все, что не оказывает должного сопротивления. Не случайно Э. Геллнер определял гражданское общество как «набор разнообразных неправительственных институтов, достаточно сильных для того, чтобы быть противовесом государству и, не препятствуя ему исполнять роль стража мира и арбитра между основными группами интересов, не позволять ему доминировать над “остальным обществом” и атомизировать его» [Геллнер, 1995]. Главное, чего недостает сегодня российскому гражданскому обществу, – это реальной политической силы. И до тех пор, пока оно эту реальную силу не обретет, российское государство будет чаще оставаться глухим к сигналам со стороны общественности.

² Что неудивительно, т. к. исторически религиозная община – одна из форм гражданского общества.

Гуманитарное образование как ключевой фактор формирования гражданской идентичности

Российская либеральная революция наряду с несомненным, огромным, многое перевешивающим плюсом, а именно возможностью для гуманитария отныне публично мыслить и творить далеко за пределами марксистско-ленинской догматики, имела и ряд негативных последствий в сфере образования, для осознания которых потребовалось некоторое время. А «дикий» капитализм 1990-х нанес настолько серьезные удары системе подготовки новых специалистов-гуманитариев, что оправиться от них она, во многом, не может до сих пор.

Первый удар – это *разрушение общественной морали*, самым негативным образом сказавшийся как в стенах средней школы, так и на университетских кафедрах, в залах заседаний ученых советов. Конечно, в СССР имелись и более четко верифицируемые рычаги общественного контроля поведения личности, например угроза исключения из комсомола (партии), существенно осложнявшего человеку перспективу на получение высшего образования, успешную профессиональную карьеру и т. п., однако общественная мораль оставалась одним из самых значимых. Советское общество было крайне неиндивидуалистским. В нем не существовало «высоких заборов приватности», напротив, всем и до всего было дело. Соседи реагировали на неблагополучные отношения в семье, трудовой коллектив осуждал факт супружеской измены и пр. А если мораль³ не справлялась со своими функциями, то любой прохожий мог сделать замечание, «призвать к порядку» нарушителя общепринятых правил поведения.

Специфика нашего государства заключается в том, что в нем в какой-то момент времени (конец 1980-х – начало 1990-х гг.) «отменили» общественную мораль. Прежняя (моральный кодекс строителя коммунизма) была развенчана и осмеяна, а новой стал, по выражению академика А. Гусейнова, «долларовый тоталитаризм». В России эпохи перестройки девочки вырастали, мечтая о карьере

³ Автор определяет ее как социальный институт, механизм действия которого, в отличие от права и политики, осуществляется на индивидуальном уровне в процессе принятия осознанного или неосознанного решения о следовании одобряемым обществом нормам.

элитной проститутки, а мальчики – рэкетира. Дети называли в качестве своей будущей профессии не моряка, летчика, учительницу или врача, а продавца коммерческого ларька. «Новые русские» не осознавали своей ответственности перед обществом, не понимали, что счастливая жизнь даже очень богатого человека невозможна среди нищих и несчастных сограждан. В стране выросло целое поколение аморальных и асоциальных людей, ее захлестнули проблемы социального сиротства, бытового алкоголизма и общественно-равнодушия. И эти проблемы отнюдь не достигли своего апогея. Когда поколения советских людей, которым активно прививались нормы общественной морали, окажутся в абсолютном меньшинстве или вообще уйдут с исторической сцены, социальная ткань российского общества может совершенно разрушиться.

Любой режим нуждается в «опорах», в нерелексируемых установках, заимствованных из той ценностной матрицы, что является традиционной для данного общества⁴, а мораль советская с ее жертвенностью во имя великой цели и пренебрежением к материальному благополучию очень хорошо коррелировала с традиционной для России православной этикой.

Новая атмосфера оказалась губительной для гуманитарной мысли, полезность которой невозможно непосредственно вычислить в денежном эквиваленте.

«Шоковая терапия», осуществляемая в ходе первого этапа рыночных реформ, породила *резкую социальную дифференциацию*, ставшую вторым серьезным ударом для всего гуманитарного блока. В Советском Союзе, где степень допустимого социального неравенства жестко регламентировалась, статус учителя и авторитет школы поддерживались на достаточно высоком уровне. Несмотря на невысокие доходы, научные сотрудники и преподаватели вузов и училищ были признанной интеллектуальной элитой. В 1990-е между членами российского общества возникает огромный социальный разрыв. Нищенская зарплата, выплачиваемая с длительными задержками на уровне галопирующей инфляции, исчезновение прежних регуляторов общественной жизни приводят к стремительному падению ста-

⁴ Эта тривиальная на сегодня мысль постулировалась многими консервативными авторами: в XVIII в. – Эдмундом Берком – критиком Великой французской революции, в XX в. – Йозефом Шумпетером в работе «Капитализм, социализм и демократия» и др.

туса учителя, а позднее – и преподавателя вуза, научного сотрудника. В школе для детей из обеспеченных семей становится возможным все, вплоть до площадной брани в адрес учителя. Администрация в таких случаях, как правило, принимала сторону ученика и его родителей (оказывающих, например, регулярную спонсорскую помощь школе). Педагогический корпус начинает выживать доступными ему способами: от репетиторства до получения взяток за повышение оценок (чему косвенно способствует учет аттестата зрелости при поступлении в вуз). Иногда эти виды деятельности смыкаются: нельзя получить высокую оценку, не взяв дополнительных уроков у своего школьного преподавателя. Использование учительского корпуса при проведении выборов, результаты которых нередко фальсифицировались, роняет моральный авторитет педагогов. Как может сеять «разумное, доброе, вечное» человек, преступивший закон?

По мере деградации средней школы в 1990-е постепенно снижается и качество высшего образования. Во-первых, сказывается уровень подготовки самих обучающихся, многие из которых благодаря родительским деньгам имеют завышенные аттестаты и приходят на студенческую скамью также за взятку. Нельзя сказать, что в советских вузах не было абитуриентов, поступивших туда с помощью связей своих родителей или же денег, но их было качественно меньше. А преподавателям было легче проявлять принципиальность и требовать со всех студентов одинаковой самоотдачи в учебе. В 1990-е в группах и на факультетах уже не единицы таких «блатных», а единицы тех, кто поступил благодаря своим знаниям. И если раньше неучи постепенно подтягивались на уровень группы, то в новой ситуации талантливые и подготовленные дети начинают деградировать на общем уровне. Постепенно, особенно по мере ухода старой советской профессуры, повсеместной становится практика покупки зачетов и экзаменов. А в гуманитарных вузах и на факультетах это происходит с гораздо большей легкостью, нежели в технических, естественных и медицинских, т. к. изучаемые предметы «менее конкретны». В настоящее время это уже привело к тому, что и за преподавательской кафедрой нередко стоят недостаточно квалифицированные специалисты-гуманитарии.

Третий удар – *коммерциализация образования*. Отметим и еще одну особенность, характерную для СССР: все образование, в том числе и высшее, было бесплатным. В вузы приходили лучшие вы-

пускники школ, отбиравшиеся в ходе вступительных конкурсных экзаменов⁵. Техникумы и профессиональные училища комплектовались школьниками с более слабой подготовкой. Внедрение коммерческого образования привело к парадоксальным результатам. Студент и его родители полагают, что раз они платят за образование – это делает факт отчисления невозможным даже при наличии академической неуспеваемости по нескольким предметам, нарушении дисциплины и т. п. Редкие российские вузы решаются отчислять студентов, обучающихся на коммерческом отделении. В их числе МГУ, МГИМО и др. ведущие учебные заведения, заботящиеся о своей репутации. Однако и в них неучи, как правило, восстанавливаются на следующий год либо переводятся в вузы рангом ниже и в результате все-таки получают диплом о высшем образовании.

В конце 1990 – начале 2000-х гг. в стране было открыто большое количество кафедр и специальностей (опять-таки, в массе своей – социально-гуманитарных), поскольку вузовского возраста достигли дети, рожденные во время последнего в СССР «пика рождаемости». Так, если в 1993/94 учебном году в Российской Федерации насчитывалось 626 высших учебных заведений, из них 548 государственных и муниципальных, то в 2005/06 учебном году – уже 1068 вузов, из них 655 государственных и муниципальных. Количество студентов на 10 тысяч человек населения также выросло: со 176 в 1993/94 учебном году до 495 в 2005/06. В целом число студентов на 10 тысяч человек населения возросло за 10 лет в 2,8 раза, для государственных и негосударственных вузов этот рост составил соответственно 2,45 и 15,2 раза [Очкина, 2007]. Пока рынок реагировал на повышение спроса и шел процесс расширения системы высшего образования, в абитуриентский возраст вступили дети эпохи «демографической ямы» начала 1990-х. После чего последовало снижение конкурса для поступающих в вуз, грозившее в перспективе превратить высшее образование во всеобщее. Несмотря на то, что в процессе аккредитации и лицензирования Министерство образования и науки вынужденно закрывает вузы и региональные филиалы, процесс обучения в которых является профанацией, эта угроза сохраняется и сегодня.

⁵ Существовали квоты для «национальных кадров» – представителей этнических меньшинств, сирот, инвалидов, воинов, только что демобилизовавшихся из рядов Советской Армии, и некоторых др. категорий абитуриентов.

Коммерциализация всех сфер общественной жизни привела к тому, что в России за небольшие деньги стало возможно не только заказать в специальных фирмах контрольную, курсовую, дипломную работу, но и даже оплатить труд научного работника среднего звена по написанию диссертации на соискание ученой степени. В 1990-е гг. в России появилось значительное количество политиков, бизнесменов и государственных чиновников, имеющих степень кандидата или даже доктора наук по одной из социально-гуманитарных специальностей просто для повышения престижа, чтобы добавить строчку на визитную карточку. Когда эти люди нашли время для написания диссертации, остается непонятным. Высшая аттестационная комиссия, контролирующая деятельность ученых советов, постоянно ужесточает требования к процедуре защиты диссертаций, предпринимает иные меры, чтобы «отделить зерна от плевел», но пока эти меры нельзя назвать эффективными.

Четвертый удар – *реформа по западным стандартам*. С 2002 г. в России проводится эксперимент по внедрению Единого государственного экзамена (ЕГЭ), повторяющего системы выпускных экзаменов в США, Израиле и других развитых странах. С 2009 г. этот экзамен становится основной формой аттестации выпускников средних учебных заведений. Сторонники новой формы контроля уровня знаний приводят в защиту реформы большое количество веских аргументов. ЕГЭ призван был устранить субъективизм в выставлении оценки, ограничить возможности для коррупции на этапе поступления в вуз, обеспечить равный доступ к высшему образованию, независимо от материального положения и удаленности проживания абитуриентов от университетских центров. Но эти цели если и достигаются, то за счет резкого ухудшения качества образования. Уже на протяжении нескольких лет и учителя, и университетские преподаватели безуспешно доказывают чиновникам, что система тестов, вводимая вместо традиционных экзаменационных вопросов, является совершенно губительной для образования.

Такая система, типичная для американских колледжей, давно является мишенью для критики в Европе и даже в США. Именно ее традиционно считают одной из причин того, что уровень американского массового образования оставляет желать лучшего (несколько элитных университетов не в счет). Отчасти поэтому Соединенные Штаты постоянно нуждаются в притоке специали-

стов из других стран (от Западной Европы и бывших советских республик до Индии), где обучение студентов основано на иных принципах [Кагарлицкий, web].

В гуманитарных науках итоги введения тестирования особенно губительны. Тесты по русской литературе с ее глубокой философичностью предполагают заучивание случайных деталей, по которым экзаменатор должен проверить не понимание идейной или эстетической сущности произведения, а читал ли его школьник. ЕГЭ по истории предполагает знание дат и имен – ничего другого при подобной методике усвоить невозможно. А если и задаются смысловые вопросы, то они предполагают наличие одного заранее известного ответа, исключая всякие самостоятельные оценки и собственные размышления. Новая система сводит к минимуму произвол экзаменатора – но достигается это за счет еще более жесткого подавления личности экзаменуемого. И тот, и другой становятся винтиками единой бюрократической машины, отстраиваемой на месте системы образования. В любую эпоху школьный курс истории составлялся исходя из требований господствующей идеологии. Но даже весьма тенденциозные советские учебники оставляли возможность для размышления и самостоятельных выводов, которыми школьники не всегда делились с экзаменаторами. Ориентация на тестирование убивает саму суть исторического знания, его смысл. А факты, заучиваемые для тестов, позднее успешно стираются из «оперативной памяти» любого нормального человека как ненужный хлам, востребованный один раз в жизни и не имеющий никакой самостоятельной ценности. Высокие баллы по ЕГЭ не могут свидетельствовать также и о знании русского языка. Никогда еще российские преподаватели не сталкивались с таким потрясающим феноменом, как абсолютное игнорирование большинством студентов элементарных правил воспроизведения слова на письме, как в последние годы. Что явилось причиной этого? Думается, здесь целый комплекс проблем. Но прежде всего сказалось бездумное натаскивание старшеклассников на тесты ЕГЭ. Вставлять буквы в напечатанный текст, отмечать галочками правильный ответ – эти навыки далеки от практики собственно письма, воспроизведения текста [Николаева, web].

В 2003 г. Россия присоединилась к Болонскому процессу, взяв на себя обязательства к 2010 г. достичь заявленных странами-участницами весьма пространных целей. Это было сделано без

учета того, что российская система высшего образования складывалась в течение XX в. относительно самостоятельно, ориентируясь на потребности советского общества, прежде всего на потребности ускоренной модернизации страны.

Программа нашей средней школы была задумана так, чтобы человек получил достаточное общее образование и профессионализировался в вузе. Кроме того, в школах, особенно в старших классах, получили большое распространение специализированные программы. Возникает вопрос: если человек уже подготовлен к специализации, зачем его опять четыре года учить по общей программе с элементами специализации? Получается, что бакалавриат – вообще лишнее звено в российской образовательной системе!

Реформа по Болонской системе привела к сокращению количества часов, выделяемых российскими вузами на преподавание философии и других гуманитарных дисциплин. Однако без гуманитарного образования нельзя достичь полноценного формирования мировоззрения молодого поколения. Вариативность, модульная система обучения (когда студент сам формирует свою нагрузку и выбирает наставников, которые будут помогать ему в этом процессе) не согласуются с дискусионностью многих проблем, с сосуществованием разных, порой противоречивых научных школ и концепций. Нужно очень хорошо знать содержание профессии, суть квалификационных и профессиональных требований, разбираться в предлагаемых для изучения предметах, чтобы самостоятельно составить учебную программу. Для того чтобы быть готовым к такому типу обучения («кредитная» система, возможность формировать программу по личному выбору и т. п.), нужно быть зрелой личностью, уже имеющей за плечами вуз и опыт работы. Подобный вариант подходит для России лишь в качестве профессиональной переподготовки. К тому же в стране уже есть огромное количество людей, имеющих диплом о полном высшем образовании, что сразу же поставило серьезный вопрос о конкурентоспособности бакалавров на рынке труда.

Перспективы развития гуманитарного образования в России не могут обеспечиваться в отсутствие собственной философии в этом вопросе. Многие российские проблемы в данной области носят весьма специфичный характер, поэтому специфичным должно быть и их решение. Успешное развитие страны невозможно в усло-

виях отказа от собственной идентичности. Нельзя даже надеяться на какие-то прорывные технологии в отсутствие аутентичного проекта развития, а также спокойного и взвешенного отношения к своей истории. Такой стране, как Россия, нельзя жить, довольствуясь некритичным заимствованием западного опыта. Подобная перспектива лишает нашу страну смысла существования, обрекая ее на окончательное расчленение и превращение в сырьевой придаток: ни естественные, ни технические науки успешно развиваться в этих условиях не смогут. Тем более, что современный Запад находится в глубоком мировоззренческом кризисе и никак не может быть примером успешного развития.

Выводы. В идеале российская идентичность должна стать значимой для большинства людей, проживающих на территории Российской Федерации, и объединить их в единое сообщество. В первую очередь это относится к российским гражданам и требует от государства четкой и грамотной политики, оставляющей этничность в приватной сфере, отдающей приоритет общегражданским качествам и смыслам. Политики, важную роль в которой играют выверенность терминологии, социальное проектирование, в первую очередь в сфере образования, характер взаимоотношений государства и гражданского общества и т. д. Имеет отношение данная политика и к легально проживающим на территории РФ трудовым мигрантам, и здесь важную роль играет их социальная адаптация, а также интеграция в российскую культуру.

Проблема социальной справедливости в целом имеет большое значение при формировании общегражданской российской идентичности. Речь идет о справедливой социальной политике по отношению ко всем гражданам, а не о практике покупки лояльности этнических элит, которой, как правило, отдается приоритет. Необходимо внедрение прогрессивной шкалы налога на доходы физических лиц, налога на сверхдоходы. Осуществление государственного выкупа по справедливым ценам пустующего инвестиционного жилья, с последующим предоставлением нуждающимся в качестве социального. Гламур и роскошь должны стать постыдными, а не возводиться в образец социально одобряемого.

Образовательной политике и взаимоотношениям государства и гражданского общества мы посвятили отдельные структурные элементы данной главы, ввиду того что *грамотная политика в*

области гуманитарного образования является ключевой для формирования общегражданской идентичности. В особенности это касается преподавания школьного курса истории. На сегодня есть новые, глубоко доказательные концепции ранней российской истории, например Вадима Кожина, резко отличающиеся от устоявшихся, вроде «трехсотлетней борьбы русских против татаро-монгольского ига», которые преподносят развитие нашего государства как уникальное в своем роде симбиотическое сосуществование культур. Их-то и надо включать в школьную программу.

Что касается школьного курса обществознания (представляющего из себя азы философии, политологии, правоведения, экономики, психологии и социологии, которые дети изучают с 5 по 11 класс), то в настоящее время необходима его жесточайшая ревизия, ибо многие либеральные догмы относительно преимуществ рыночной экономики, тоталитарного режима в СССР и т. п. уже внедрены в учебники и тесты ЕГЭ.

Часто приходится слышать, что гуманитарные дисциплины не совсем «научны» в привычном для физиков или математиков смысле слова. Но именно этим они и важны для общества. Их изучение необходимо для формирования мировоззрения, для развития личности, ее способности к компетентному самостоятельному суждению. *Они призваны сделать из обывателя гражданина.* Ибо суть социогуманитарного знания составляет не набор фактов, а понимание процессов.

Одно только повышение роли гуманитарного образования как фактора формирования российской идентичности является недостаточным, необходимо так же сконцентрироваться на *преодолении ключевых пороков российской государственности.* Ни для кого не секрет, что на Северном Кавказе у нас фактически идет война. Гибнут мирные граждане, представители власти (в первую очередь, сотрудники милиции). Во многом это следствие слабости государства, его кланово-клиентарной природы, особенно ярко проявляющейся в этом регионе. Уверена, что существующие на сегодня проблемы можно решать. Можно конкурировать с ваххабитскими проповедниками, можно бороться с коррупцией, опираясь на молодых людей из тех родов, которые не имеют отношения к ключевым северокавказским кланам, т. е. именно на тех, кто лишен перспектив и с кем в первую очередь работают вербовщики

будущих террористов-смертников. Однако для этого государство должно иметь как идеи-ограничители бюрократического произвола, так и идеи, сообщающие смысл его существованию.

Для того чтобы сформировать лояльность российскому государству у трудовых мигрантов, их самоассоциацию с государством проживания, тоже необходимо не так много усилий. Во-первых, переориентация российского государства на сохранение человеческого капитала (включающее в себя, кстати, совершенно иные масштабы поддержки российских многодетных семей).

Работа с семьями мигрантов, их социальная и правовая поддержка, опять же, образовательная политика, воспитание патриотов-россиян из тех новорожденных, от которых гражданки стран СНГ, не имеющие условий для содержания и воспитания ребенка, отказываются в роддомах. Многие из вышеперечисленного, кстати, делается структурами гражданского общества. А вот чиновничий аппарат демонстрирует радикально либеральную инерцию мышления. При рассмотрении ходатайств о предоставлении российского гражданства от семей из стран – бывших советских республик приоритет отдается тем, которые предположительно будут сами себя обеспечивать, а не претендовать на социальную поддержку. Тогда как семьи с малолетними детьми, хотя и нуждаются в поддержке на первых порах, в перспективе, благодаря тому что дети получают российское образование и приобретут навыки социализации в нашей стране, дадут РФ новых полноценных граждан.

Вряд ли общероссийскую идентичность удастся сформировать без *налаживания диалога между государством и гражданским обществом*. Без контакта с гражданским обществом российская власть парит в воздухе, не ощущая реальной почвы под ногами и рискуя превратиться в фантом. В то же время гражданское общество, не стремясь к конструктивному диалогу с этой властью, а предпочитая митинговать на Болотной и предъявлять к ней заведомо невыполнимые требования (отставка Владимира Путина и т. п.), постепенно вырождается в фарс.

Глава 3. Противоречия демократизации

В конце 1980-х гг. на фоне политики гласности (обнародования неприятных для коммунистического режима фактов), доходящей до самообличения и самобичевания, и позднее – в 1990-х гг. – под скрепы российской идентичности был заложен ряд мин замедленного действия, которые периодически детонируют до сих пор. Остановимся на двух взаимосвязанных моментах, имеющих непосредственное отношение к рассматриваемому предмету, а именно: очернении российской истории (в особенности ее советского периода) и репрессивности прямого заимствования чужого категориального аппарата в гуманитарной сфере вообще и в частности – той классификации современных политических режимов, что некритически принята в западном мире до сих пор практически повсеместно.

Шаги, предпринимаемые в направлении взвешенного осмысления собственной истории, выглядят на сегодня пока что недостаточными. Для иллюстрации данного положения можно вспомнить нашумевшее дело профессоров МГУ А. Вдовина и А. Барсенкова, когда их вполне умеренное в своих оценках учебное пособие по истории России было подвергнуто идеологической порке, похлеще всяких агитпроповских разносов. Демонизация советской истории выглядит в какой-то мере политически оправданной в некоторых странах постсоветского пространства, переживших период радикального этнического национализма, продолжающих отмежевание от советского прошлого, ибо у них нет иных оснований для по-

строения государственной идентичности. Что касается России, то такая политика для нее носит, несомненно, разрушительный характер. Многие в этой «покаянной логике» обусловлено репрессивностью прямого заимствования чужого категориального аппарата в гуманитарной сфере.

Фетишизация демократии

О репрессии через гипостазируемые понятия, навязанные угнетаемым группам через ложные ценности и цели, авторами, пишущими в парадигме неомарксизма, антиколониализма, антиглобализма, феминизма и т. п. сказано на сегодня достаточно. Политика политкорректности для преодоления структурного неравенства нередко носила более или менее абсурдный характер, доходя до попыток изъять из обращения некоторые понятия. Вплоть до таких основополагающих, как «отец» и «мать» или «Эпоха Великих географических открытий» и др. И если предложение представителей сексуальных меньшинств заменить традиционные семейные роли безликими «родитель № 1» и «родитель № 2» пока не возымело успеха даже в либеральнейших США, то протест стран Азии и Африки против того, что их «открыли» европейцы, неоднократно оформлялся в научные труды, воплощался в конкретных учебных программах.

Ступив на путь демократизации и либерализации, российская власть отбросила ценности советского периода и стала активно насаждать западные, прежде всего такие как «демократия», «рынок» и «гражданское общество». Последнее и было тем флагом, под которым осуществлялись реформы. Однако сама власть этих ценностей не разделяла (даже ценностей «рынка» и сопутствующей ему конкуренции, в том числе политической). Что же касается «демократии», то события развивались следующим образом. Новой «демократической» элите удалось прийти к власти во многом потому, что она смогла сформировать антисоветский консенсус. То, что входившие в нее были антисоветчиками, было важнее идеологических разногласий. На первом этапе общество поддержало либеральных «демократов» – Б. Ельцина, партию «Демократический выбор России». Но уже в декабре 1993 г. после расстрела Верховного Совета, несогласного с усилением исполнительной

ветви власти, «Демроссия» проиграла на парламентских выборах, а Ельцин потерял общественную поддержку. Победа лидера коммунистов Г. Зюганова на президентских выборах 1996 г. была неминуема. Благодаря мощнейшему использованию административного ресурса и активной PR-кампании под лозунгом: «Не допустим реставрации коммунизма», произошла не смена власти, а дальнейшее «ужатие» демократии. Затем – введение института преемника и т. д. Гражданское общество в этих условиях становится помехой в проведении очередного «нужного курса» реформ. Оно (ввиду своей разрозненности и разномастности) все реже успевает осмыслить и прореагировать (консолидироваться и организовать общественный протест) на властные инициативы.

В продолжение темы демократии как ценности и демократии как политического режима вернемся на уровень теории. В политологии на сегодня есть некая условность, общее место, подкрепленное трудами классиков (Х. Арндт, Ф. фон Хайек, Р. Арон и др.) и почти что приравненных к ним современников (З. Бжезинский, С. Хантингтон, Д. Росту, Р. Даль и др.). Речь идет о классификации политических режимов на демократические, авторитарные и тоталитарные. Причем в качестве бесспорных примеров последних приводятся лишь сталинский СССР и гитлеровская Германия (и то нередко с оговорками). Российские учебники иногда расширяют список, добавляя в него Италию времен Муссолини, Португалию времен Салазара-Каэтано, Испанию времен Франко [Гражданское общество, 2009, с. 168]. Теория тоталитаризма практически не подвергается серьезной критике, несмотря на то, что если заняться поиском различий, а не сходства между фашистскими и коммунистическими режимами, то различий отыщется гораздо больше, нежели сходных черт. Главное отличие – в тех ценностях, на основании которых консолидировались эти общества. В этом вопросе у автора немало единомышленников в исследовательском сообществе [Гладилин, 2011, web].

Что же касается режимов демократических, то в современных либеральных теориях политики есть различные процедуры демократической легитимации власти. Есть шумпетерианский «минималистский» вариант, есть совещательная (делиберативная), есть агонистическая модель. Не говоря уже про огромное количество трактовок демократии как классических (прямая, представительная), так

и современных (плюралистическая и элитарная, коллективистская и партиципаторная, полиархия, общественная, делегативная и т. п.). И в зависимости от позиции исследователя, а также тех критериев демократичности, которыми он оперирует, нередко один и тот же режим в один и тот же отрезок времени классифицируется одними авторами как демократический, другими – как авторитарный⁶.

Термин «демократия» применительно к той или иной стране обрастает прилагательными не случайно. В настоящее время сложно говорить о реальной политической конкуренции, являющейся неотъемлемой частью демократического соревнования за власть, даже применительно к развитым странам либеральной демократии (тому мешают и предельная бюрократизация избирательного процесса, и безграничные возможности масс-медиа по манипулированию волей избирателя и пр.). Хотя научные коллективы и предлагают различные многомерные модели, призванные оценить место государства в демократической «системе координат»⁷, тем не менее нам очевидна недостаточность любой, даже претендующей на относительную объективность модели, в которой оценивается состояние государственно-политических и общественно-гражданских институтов внутри стран и не принимаются во внимание глобальные тенденции.

А реальность такова, что даже в большинстве развитых стран в настоящее время наблюдается тенденция «сворачивания» демократии, обеднение и «вымывание» ее главной опоры – национального среднего класса (малопроизводительного и много потребляющего с точки зрения глобального международного правящего класса «новых кочевников»).

Кроме того, есть несколько соображений здравого смысла, которые «все понимают», но о которых почему-то не принято говорить. Во-первых, существующая классификация (демократия, авторитаризм, тоталитаризм) не воспринимается как цен-

⁶ Так, Гильермо О'Доннелл «оправдал» некоторые латиноамериканские режимы, объяснив, что это просто такой тип демократии – делегативная, когда президенту в момент избрания делегируется за пределами большой объем полномочий.

⁷ Некоторое время назад коллектив МГИМО вместе с Институтом общественного проектирования реализовал проект под названием «Политический атлас мира», оценив существующие политические режимы (объект исследования 191 государство – члены ООН) путем исчисления 6 показателей, один из которых – индекс процедурно-институциональной демократии.

ностно-нейтральная. Тоталитаризм – это «страшное зло», авторитаризм – «зло большое». Такая логика сама, по сути, является тоталитарной.

Согласна с тем, что в исследованиях, имеющих отношение к теме демократии, есть нормативная и есть эмпирическая плоскость. Но даже институционально наисовершеннейшая демократия не может быть абсолютной ценностью, тем более во всем мире. Демократическим путем к власти пришел Гитлер, сегодня – приходят радикальные исламисты. Если речь идет не о формальной стороне вопроса, а о содержательной, т. е. если демократию понимать как учет *мнений* большинства населения, то она, естественно, ценность. Но не безусловная. Особенно если речь идет не об антично-христианской культурной традиции. Кстати, и в этом случае поздний СССР был куда демократичнее современной России. А если вести речь об учете *интересов* большинства, то многие автократии справляются с этим гораздо лучше демократических государств. Существенно большей ценностью, нежели демократия, может быть в определенных условиях государство или стабильность политического режима. В нашей стране, пережившей в свое время Гражданскую войну и иностранную интервенцию, это должны понимать как нельзя лучше. Особенно в свете судеб сегодняшних «несостоявшихся государств» вроде Афганистана, Ирака, а также падения авторитарных режимов на Ближнем Востоке, хаотизация которого ничего хорошего не принесла не только всему населению переживших революции стран, но и той его малой части (изрядно разбавленной бузотерами, выступающими против любого порядка), которая стремилась к демократизации существующих режимов.

В ситуации, когда демократия трактуется как одна из безусловных общечеловеческих ценностей, а ее недостаток является поводом для вооруженного вмешательства вплоть до бомбардировок мирного населения, многим становится ясна опасность вариативности и размытости демократических критериев. А также двойных стандартов, при которых для оценки режима в одном случае во внимание принимается «фасадная» демократия (формально декларируемая в нормативных документах, т. е. институты), а в другом – реальная (процессы и процедуры, т. е. то, как эти институты фактически работают). Вот почему мы

предлагаем отказаться вовсе от существующей классификации государственных режимов как от исчерпавшей свои возможности или хотя бы на первом этапе дополнить ее типологизацией государства и общества по иным ключевым признакам, перейдя таким образом к двух- или трехмерной модели «государство–общество». Государства, например, можно классифицировать как идеократические (регулируемые преимущественно с помощью комплекса идей) и номократические (регулируемые правовым путем), возможно, также и на этократические (от греч. “*etos*” – обычай) [Кожин, 1997, с. 51]. Современные общества легко подразделяются, например, на «общество ценностей» (процедурное, регулируемое преимущественно законодательным способом) и «общество цели» (мобилизационное, регулируемое преимущественно волюнтаристскими методами), возможно, даже и на «общество веры» (исламский мир). Хотя аналитики предлагают и другие понятия в отношении данного региона в рамках принципиально иных объяснительных моделей: например «контрмодерн» (С. Кургинян) или говорят о конгломерате (вкраплениях традиционного общества в современное – А. Богатуров). Я отдаю себе отчет в том, что любая классификация – упрощение, что были и будут некие смешанные (с точки зрения «идеальных») типы. Предлагаемая классификация мыслится как ценностно-нейтральная, в итоге оценка режима зависит от того, какие цели и какие ценности провозглашаются в качестве ключевых. Если гуманистические – то почему, собственно, «общества цели» не имеют права на существование?

Каждый тип, доходя до каких-то крайностей в развитии, демонстрирует свои недостатки. Когда в обществе действует принцип: «Цель оправдывает средства», – последствия могут быть ужасны. В то же время, если относительные ценности воспринимаются как абсолютные и навязываются иным обществам в качестве таковых, мы наблюдаем не менее чудовищные результаты. Вот почему желательный проект будущего видится нам как самодостаточное «общество смысла», способное формулировать новые цели, продуцировать новые ценности, в чем, собственно, и состоит на сегодня задача гражданского общества в его обновленном понимании. На этом пути российскому социуму еще предстоит осуществить нравственную оценку реформ последних десятилетий.

Тупики десталинизации

Во времена идеологического противостояния СССР и антагонистической ему системы советская демократия противопоставлялась буржуазно-либеральной как подлинно народная. После того как идеологический ракурс был смещен на прямо противоположный, появилось огромное количество печатных работ, в том числе отечественных, в которых проводились параллели между сталинским и гитлеровским режимами, осуществлялось приравнивание коммунизма к фашизму⁸. Дискредитация отечественной истории к настоящему моменту вылилась во множество дипломатических следствий вплоть до различных переинтерпретаций итогов Второй мировой войны. С одной стороны, на государственном уровне мы видим стремление противостоять данным тенденциям [Партитура второй мировой, 2009; Нарочницкая, 2010], с другой – в стране не так давно была проведена вот уже четвертая по счету десталинизация, проводимая по аналогии с денацификацией в Германии. Но нацистский режим просуществовал исторически недолго, и немцы имели опыт донацистской жизни, кроме того нацизм был и остается мировым злом, стремившимся к порабощению других народов и побежденным во Второй мировой войне. В нашем случае речь идет о более чем семидесяти годах – жизни трех поколений, в том числе поколения-победителя. Невозможно одновременно каяться в преступлениях тоталитарного режима и гордиться его достижениями.

Первая десталинизация – хрущевская – осуществлялась частично с целью дополнить харизматической легитимностью легальное избрание на пост генерального секретаря, частично – с целью переложить на Сталина ответственность за собственное участие в репрессиях (об этом подробно пишет историк А. Вдовин в цитируемом в работе источнике). Горбачевская десталинизация проводилась в рамках политики гласности, ельцинская – демократизации. Однако вопреки всему (а, возможно, и благодаря этому) Сталин и сегодня популярная и позитивно оцениваемая массовым сознанием россиян политическая фигура, что было подтверждено результатами электронных голосований на различных полити-

⁸ Одно из самых известных сравнительных жизнеописаний – «Гитлер и Сталин» Алана Буллока – вышло на русском языке в издательстве «Русич» (Смоленск), первый том в 1994 г. второй – в 1998.

ческих и исторических ток-шоу (которых было особенно много в год сталинского юбилея – сто тридцать лет со дня рождения). Что касается медведевской «модернизации сознания», то ее логика была примерно такова: общество не может начать уважать себя и свою страну, пока оно скрывает от себя страшный грех – семьдесят лет тоталитаризма, когда народ совершил революцию, привел к власти и поддержал античеловеческий, варварский режим. Некоторые политические аналитики (например, С. Кургинян) прямо называли Дмитрия Медведева Горбачевым № 2 и говорили о проекте Перестройки-2, призванном окончательно разрушить наше государство. Действительно, с помощью подобного политического камлания можно добиться лишь одного: заставить народ потерять последние остатки самоуважения. Признание 70 лет советской власти «страшным грехом» тождественно уничтожению согласившегося на такое признание народа. Ведь этот народ почему-то такое совершил?! Причины начинают искать в досоветской истории. За последние двадцать пять лет было издано немало работ об извечной авторитарности России. В итоге и Александр Невский, и Иван Грозный, и Петр Первый трактуются как предтечи Сталина. В подобных заявлениях и работах утверждается, что история России – сплошной дефект и неполноценность, история ошибок и правовых преступлений. «Страшным грехом» вдруг оказывается наполнено все наше прошлое. Как и почти сто лет назад, в адрес русских людей выдвигаются абсурдные обвинения в колониализме, в обществе периодически вбрасывают некие антирусские бренды (тот же «русский фашизм»), а также уже порядком потрепанные клише о неполноценности, незрелости русской цивилизации, ее отсталости, лени и пьянстве русских людей, извечном воровстве. Мощная негативная струя в изображении отечественной истории не иссякает.

С другой стороны, выходили и выходят научные и научно-популярные труды (хоть и не в таких объемах), в которых делаются попытки непредвзятой оценки российской истории. Работы В. Мединского следует упомянуть здесь в первую очередь, не столько ввиду их особой значимости, сколько по степени влияния на массовое сознание. Но они далеко не единственные. В монографии И. Фроянова «Грозная опричнина» дается, как мне кажется, вполне объективная оценка эпохи правления Ивана Грозного как весьма непростого периода отечественной истории, причин,

породивших опричнину и т. д. В свое время В. Кожин писал о том, что Иван IV был ничуть не свирепее своих европейских «коллегов» и некорректно оценивать его политику согласно моральным критериям нашего времени. Предпринимаются попытки «отстоять» и Петра I, **который победил шведов, совершил огромные территориальные завоевания, создал совершенно новую армию и, сломав сословные перегородки, открыл новый канал вертикальной мобильности для общества.** Петр не просто «стриг бороды», а перераспределил возможности, отняв их у бояр и отдав прогрессивным на том этапе группам (прежде всего дворянству). Создал свою базу поддержки в виде так называемых «потешных полков». «Смерды» при нем были системно введены в элиту феодального общества. Вошли в новую элиту и нужные царю старообрядцы, готовые развивать индустрию, и часть боярства (Ромодановский, Шереметев и др.). Опять же раздаются здравомыслящие голоса, которые объясняют некорректность оценки монарха периода просвещенного абсолютизма с позиций сегодняшних этических норм. Впрочем, Петр I – фигура, в большей степени демонизируемая почвенниками, сторонниками особого русского пути. Он осуждается ими как европеизатор, историческая фигура, «искажившая» аутентичное российское развитие. Так, по мнению В. Мединского, Петр уничтожил демократический уклад российского общества, отбросив страну на два столетия назад [Мединский, 2008, с. 467–468]. Алла Глинчикова выдвигает аналогичные обвинения в адрес другого российского монарха – Алексея Михайловича Романова [Глинчикова, 2008].

Высказываясь по поводу современных баталий в отношении осмысления российской истории, Сергей Кургинян в телепередаче «Суд времени» утверждал, что Россию «приговорило» мировое сообщество, а демонтаж нашей истории был затеян ради демонтажа народа и страны. Вынесенный коллективный вердикт, с его точки зрения, был продиктован тем, что мир перестраивается определенным образом. А тот, кто отстаёт (в частности ослабленная либеральными реформами Россия), выпадает из системы. Современное мировое «разделение труда» создает четкое членение мира на экономические макроструктуры – в зависимости от «модернизированности» экономики и места в глобальном сообществе. Высокоразвитый богатый «Север» (он же «Запад» плюс Япония),

экономически и политически доминирующий, вступает в стадию «постиндустриальной культуры», в которой главным предметом производства являются высокие технологии, идеи и т. д. Место промышленного лидера переходит к «новому Востоку», азиатским, прежде всего тихоокеанским странам, пережившим и переживающим «экономическое чудо». «Юг», расположенный преимущественно по Индоокеанской дуге, испытывает муки провалившейся модернизации или же проедает естественные ресурсы, прежде всего нефть.

Я присоединяюсь к тем авторам, которые полагают, что нам нет необходимости говорить о модернизации России, потому что это – позавчерашний день в нашей истории [Черняховский, 2012], и предлагаю вести речь об *аутентичном развитии*. Действительно, модернизация в чистом виде, как переход от доиндустриального общества к индустриальному, у нас невозможна, поскольку в России нет социального вещества (традиционного общества), которое можно «бросить в топку модернизации». Мы уже пережили модернизацию, жили в индустриальном обществе и подошли к постиндустриальному уровню. Последние двадцать пять лет в чем-то отбросили нас далеко назад. На вопрос «Кто же в этом случае мы?» ответить непросто, поскольку в нас всего понемногу. С одной стороны, у России пока еще не утрачен советский интеллектуальный потенциал, чем она выгодно отличается от новых индустриальных стран (того же Китая, который успешно копирует чужие разработки, но пока не имеет культуры создания принципиально нового). В чем-то этот потенциал деградирует, в чем-то развивается, но он пока не утрачен. Произошедшая деиндустриализация и потоки мигрантов из стран постсоветского пространства делают нас похожими на постиндустриальный «Северо-Запад». Сырьевая зависимость приближает к «Югу». Развитие отверточной сборки в последнее время – к «Востоку». А в общем и целом, с точки зрения геополитики и мировой экономики мы опять «сами по себе».

Основной период модернизации (и момент, когда в государстве действительно сформировалось современное общество) пришелся в нашей стране на XX в. И конкретно – большей частью на сталинскую эпоху. Ускоренная догоняющая модернизация осуществлялась после Гражданской войны и иностранной интервенции

перед лицом угрозы Второй мировой, затем – в военных условиях, в период послевоенного идеологического противостояния, в кратчайшие сроки жесточайшими методами. Невозможно оценивать данный период российской истории с позиций сегодняшних моральных критериев, поскольку речь шла о сохранении государства, время было иное, когда ценность человеческой жизни воспринималась совершенно иначе, нежели сейчас (люди массово гибли от голода и болезней, и это было обыденной реальностью). Советское общество сформировалось как «общество цели», ради достижения которой оно было готово идти на многие жертвы. К тому же в оценках того периода до сих пор присутствует много подтасовок. Это касается, в частности, репрессий, масштаб которых нередко преувеличивается. А.И. Вдовин приводит следующие данные: за 1936 г. по делам НКВД были приговорены к расстрелу 1118 человек. В последующие два года «большого террора» было репрессировано: в 1937 г. – 353 074 человек; в 1938 г. – 328 618 человек. Это много, но это гораздо меньшие цифры, чем те, что называют обычно в полемическом задоре. Доля оправдательных приговоров достигала 15 %, регулярно проводились амнистии политических заключенных, в то время как сейчас оправдательные приговоры составляют от 1 до 3 %. Репрессии 1936–1938 гг. были обусловлены страхом перед надвигающейся войной и возможностью появления «пятой колонны» из числа старых большевиков или завербованных агентов из Германии [Вдовин, 2010, с. 124–132].

Еще один «камень преткновения» – так называемые «депортации народов». Расистские стереотипы мышления, феномен коллективной ответственности, помещение в концлагерь были обычными политическими практиками первой половины XX в. Вот только некоторые примеры, имеющие отношение не к гитлеровской Германии, а к странам либеральной демократии. В 1922 г. Верховный суд США принял постановление, согласно которому иммигрантам монголоидной расы запрещалось давать американское гражданство. В 1938 г. когда Германия захватила Судеты и оттуда побежали враги Гитлера, Канада согласилась принять три тысячи немцев, но только шесть еврейских семей. Госсекретарь Блэйр сказал тогда: «Даже один еврей – это слишком много!». А Сталин принял отвергнутых Западом беженцев. В 1941 г. в США было создано 10 концлагерей для 120 тысяч японцев, про-

живающих на территории страны и являющихся ее гражданами [Полторанин, 2011, с. 500]. Советский Союз был построен по принципу коллективных прав, а такое мышление, доведенное до своего логического предела, оборачивается коллективной ответственностью, в рамках которой репрессии против группы в целом вполне легитимны. Именно поэтому, когда значимое количество индивидов, «приписанных» к этнической группе, сотрудничало с фашистскими оккупантами [Осли, 2008, с. 310–320], вся группа утрачивала доверие, и у высшего руководства не возникало и тени сомнения в том, что выселять надо всех. В воспоминаниях переживших депортацию людей часто указывалось на тяжелые условия перевозки в ссылку. Однако время было военное, когда не хватало вагонов даже для перемещения людей и грузов к линии фронта. И армия, и труженики тыла тоже находились в нечеловеческих условиях. И было бы странно, если бы депортированным предоставляли более комфортные условия. Прошло время, люди были реабилитированы, вернулись в родные места, получили компенсации за утраченное имущество. Пора бы закрыть эту проблему. Тем более что с тех пор появилось немало других «кровоочащих» тем, более современных, в частности мирный и не очень исход представителей иных этнических групп из республик ранее репрессированных народов⁹. Бесконечное педалирование темы репрессий провоцирует ответную реакцию. В итоге в ответ на, скажем, тему «Сталинского геноцида крымско-татарского народа» будет возникать тема «Ответственности крымских татар за угнанных в полон и проданных в рабство русских людей», что контрпродуктивно.

Осуждая Сталина за насильственную коллективизацию, не принимают во внимание обстоятельства, в которых в тот момент находилось молодое советское государство. Разруха, полное отсутствие денег, насущная необходимость индустриализации, низкая производительность крестьянина-единоличника и перспектива новой войны. Финансовые способы стимуляции увеличения производства продовольствия были испробованы в период НЭПа и результатов не дали. Пытались «выжать» из крестьянина боль-

⁹ Так, Сергей Маркедонов в цитируемом в работе источнике говорит о 220 тыс. русских беженцев из Чечни и 21 тыс. убитых (без учета потерь во время военных действий) в первой половине 1990-х гг.

ший объем продовольствия с помощью «ножниц цен» (диспаритета стоимости продовольственных и промышленных товаров). Крестьянин начинал мастерить все для себя сам. Ввиду тягостности крестьянского труда единоличник мог производить лишь небольшой излишек (если год выдался урожайным), но и в этом случае предпочитал получше кормить семью и скотину, нежели напрягаться для страны. Помещики умудрялись выжимать из хозяйствующих по старинке крестьян зерно на экспорт, но это время безвозвратно ушло.

В разоренной стране, понесшей колоссальные человеческие потери, стояли на повестке дня две взаимоисключающие задачи: увеличение производства продовольствия и ускоренная индустриализация. Для этого какая-то часть крестьян должна была оставить привычный быт, уйти в города и наняться на заводы и фабрики, а оставшееся в деревне население в разы увеличить производительность труда. Коллективизация была единственным способом решения этой дилеммы. Коллективные хозяйства можно было обеспечить сельскохозяйственной техникой, удобрениями, вести в них при помощи государства селекционную работу. Механизация увеличивала производительность и облегчала труд. Применение комбайнов давало возможность сразу получать готовое зерно, что не шло ни в какое сравнение с ручной жатвой и обмолотом при помощи цепов. В хозяйственный оборот вовлекались плодородные земли, которые ранее не использовались ввиду их удаленности от населенных пунктов. Повышалась урожайность из-за более качественной обработки почвы.

Конечно, были перегибы на местах. Крестьяне сопротивлялись непонятным для себя переменам, съедали скотину перед тем, как вступить в колхоз. А у правительства не было времени ждать, когда преимущества нового метода хозяйствования станут всем настолько очевидны, что массовая коллективизация станет охотной и добровольной. К тому же местные активисты, занимавшиеся раскулачиванием, нередко просто сводили счеты [Краснов, web]. Какой смысл говорить в данном контексте о негуманности методов? Если бы Сталин думал и действовал как Николай II, мы бы сегодня не рассуждали о будущности России.

Чем больше Сталина разоблачают – тем он становится популярнее. Причем ответ на вопрос, почему это так, несмотря на несколько разоблачительных кампаний, – лежит на поверхности.

Во-первых, политика и сегодня не делается в белых перчатках. И зачастую политическому деятелю приходится выбирать из нескольких зол даже не меньшее, а оптимальное. Во-вторых, сталинский СССР – как бы парадоксально это ни звучало – это «свой» проект. Аутентичный. Незападный. О сворачивании Сталиным большевистского проекта «мировой революции» и разворачивании «построения коммунизма в отдельно взятой стране» подробно описано в монографии «Подлинная история русских. XX в.» [Вдовин, 2010, с. 70–224]. Вот почему этот исторический персонаж (как и многие другие, способствовавшие российскому величию) столь ненавидим на Западе. По этой же причине долгое время был неприемлем для мирового сообщества вполне умеренный режим А. Лукашенко, при котором Республике Беларусь удалось сформулировать государственную идентичность на основе переосмысления, а не отрицания советской истории. Мотивы такого отношения подробно разбирал В. Кожин, анализируя западные нелицеприятные характеристики роли Византии в истории. Главный из них: неприятие конкурирующего проекта, альтернативной Западу цивилизации, – тоталитарная по своей сути логика. Очернительство российской истории проводится в рамках борьбы с геополитическим конкурентом с целью разрушения его идентичности. А лучшим подтверждением истинности данного утверждения является то, что трансформация российской политико-экономической и идеологической системы 1990-х отнюдь не отменила противостояния России и Запада.

В-третьих, в материальном смысле (несмотря на чудовищный технологический износ) мы до сих пор живем в стране, построенной или, по крайней мере, задуманной, заложенной в основном при Сталине. Дороги, каналы, мосты, плотины, дома... Страна была дважды полностью воссоздана из руин – после Гражданской и Великой Отечественной войн. Конечно, СССР не стоял на месте и при последующих руководителях. При Хрущеве массово решался жилищный вопрос в городах, при Брежнев – развивалась советская деревня. Но как «эффективный менеджер» Сталин до сих пор не знает себе равных, хотя и заплачено за эту эффективность большой ценой. В-четвертых, свою роль играет запрос на социальную справедливость: российское общество истосковалось по руководителям, которые способны думать не только о

том, как бы «урвать» для себя и своей семьи. В общем, «спрос на Сталина» создает поразительная беспомощность и корыстолюбие современной российской власти. В-пятых, Сталина не оставляют в покое его идеологические противники. Как в советское время некоторые возникающие проблемы объясняли неизжитым наследием царского режима, так и сегодня в собственных просчетах и ошибках до сих пор обвиняют «рябого грузина» [Делягин, 2011, с. 49–71].

Россия современная как наследница византийского и советского проектов вполне может предложить глобальную альтернативу мироустройству, в котором есть постмодернистский Запад, модернистский Восток и контрмодернистский Юг. Выдвинуть нечто новое и одновременно узнаваемое, укорененное в российской действительности. Такая новизна может быть создана только на основе переосмысления нашей истории, в том числе советского опыта.

Футурологи говорят о том, что мы не можем идти путем красной авторитарной модернизации (Китай, Вьетнам), либеральной полу авторитарной модернизации (Индия) или националистической авторитарной модернизации (Сингапур, Южная Корея и т. д.). Что классический модерн ушел на Восток, куда бежит капитал, жаждущий в огромном количестве молодых, дешевых, дисциплинированных рабочих. Постмодерн как отказ от индустриализма, переход на оказание проблематичных финансовых, управленческих, информационных и прочих услуг, демонтаж классической морали, размывание национальных государств, втягивание в себя огромных масс мигрантов как дешевой и неассимилирующейся рабочей силы, – стал уделом Запада. России, не вошедшей ни в Запад, ни в Восток, они предрекают участь жертвы Юга, который (не без помощи Запада) на основе радикального ислама движется в контрмодерн (сознательный отказ от развития и связанных с ним ценностей) и в оформление нового Средневековья. Принесение в жертву России позволит отодвинуть во времени необходимость перестройки глобальной финансово-экономической системы, находящейся сегодня в глубочайшем кризисе [Петухов, 2011; Калашников, 2010, с. 448]. Я полагаю, что все не так однозначно, хотя опасность стать «жертвой Юга» для России действительно существует, и именно поэтому она вынуждена была принять участие в Сирийском конфликте.

Авторов, предлагающих отечественные проекты развития, на сегодня немало: как публицистов (Максим Калашников), так и ученых (Сергей Глазьев, Сергей Черняховский), а также и тех и других в одном лице (Михаил Делягин, Виталий Аверьянов). Многие из них вошли в 2012 г. в состав Изборского клуба (под председательством Александра Проханова), члены которого считают осуществление «сверхмодернизации» России, превосходящей западные инновационные достижения, единственным шансом, сохраняющим за нашей страной перспективу выживания в геополитическом соперничестве. Несмотря на то, что образовательные реформы в нашей стране успешно противодействуют появлению людей с системным мышлением в будущем, пока еще в ходе текущей реформы не разрушена окончательно система Российской академии наук и не заменена на «исследователей при университетах»¹⁰ (а это случится довольно скоро), мы действительно имеем некий шанс на научный прорыв.

Для успешности будущего российского рывка очень важно ответить на вопрос: почему же аутентичный российский (советский) проект деградировал и рухнул? Нам думается, что любой мобилизационный проект может «работать» только в течение определенного и весьма ограниченного времени. К тому же цели, сформулированные в нелегких условиях становления советского государства, были в основном достигнуты. А затем в отсутствие гражданского общества, которое бы реально участвовало в формировании повестки дня, элитой формулируются ложные и чуждые нашему обществу цели: 1) догнать и перегнать Америку (при Хрущеве); 2) удовлетворение возрастающих потребностей советского человека (при Брежневе). Мы фактически перестаем отличаться в этом вопросе от той системы, которой себя противопоставляем, только имеем для достижения поставленных целей гораздо меньше ресурсов и механизмов (в отсутствие частного предпринимательства), чем заранее обрекаем себя на поражение. Об ограблении метрополиями колоний сказано еще в советское время столько, что нет нужды повторяться. О потерях и разрушениях, которые понес

¹⁰ В основу данного подхода положен американский принцип при полном игнорировании того факта, что подобная система работает лишь до тех пор, пока имеет возможность переманивать научные кадры из стран, где наука и образование основаны на иных принципах.

СССР в военные годы, знает каждый. Помимо человеческих жертв захватчики разрушили или сожгли 1710 городов, более 70 тыс. сел и деревень, уничтожили 6 млн зданий, 31 850 промышленных предприятий... Об экономических способах закабаления бывших колоний, применявшихся в послевоенные годы, механизмах консервации отсталости «третьего мира» («свою» часть которого СССР, напротив, развивал, тратя дефицитные ресурсы), применяемых и сегодня мировыми экономическими лидерами и ТНК, достаточно написано неомарксистами и антиглобалистами.

Войны и революции в нашей стране в XX в. сопровождались потерей как финансового (речь идет о «царском золоте», «золоте партии», современном «бегстве капитала»), так и социального капитала (мы пережили несколько волн эмиграции, в том числе утечку советских «умов»).

На закате существования СССР в стране уже было немало критиков системы (диссидентское движение и т. п. общественные силы). При невозможности для гражданского общества принять реальное участие в формулировании целей ими ставится одна главная – разрушение СССР. Цель, которая с успехом была достигнута во многом из-за идеализации Запада, а также вследствие негибкости политической системы, топорности идеологической пропаганды. В 1960-х гг., еще до студенческих революций, в случае пересмотра старых марксистских догм с опорой на труды фрейдомарксистов, самым известным из которых тогда был Г. Маркузе, у СССР был реальный шанс получить импульс идеологического обновления и стать лидером мирового протестного движения. К сожалению, той политической элите было невозможно осознать имеющиеся потенции, а после подавления Пражской весны шанс уже был упущен и страна, «где так вольно дышит человек», дискредитирована в глазах мирового сообщества.

Вообще тех фундаментальных открытий, что были сделаны отечественной наукой еще в XX в., даже при точечном внедрении хватило бы для того, чтобы изменить человеческую жизнь в лучшую сторону. Но этого не происходит. А многие из тех зол, что мы имели при советском режиме (например, бюрократизм и коррупция), напротив, неисчислимо умножились. Во многом это связано со спецификой нашего государства (о чем пойдет речь дальше). Одно несомненно: укрепление общероссийской идентичности и

консолидация российского общества невозможны без *принятия* общественным сознанием отечественной истории. Почему, собственно, в истории Англии смутное время государственного переворота по свержению Якова II Стюарта носит название «Славной революции», а в России момент фактического рождения гражданского общества – Смута? Взвешенно переосмыслить свою историю, принять ее такой, какая она есть, – вот первый и наиглавнейший шаг на пути к обретению коллективной идентичности.

Ключевые особенности государства

В России сложилась своя, специфическая политическая система, которую мне придется анализировать в рамках устоявшихся в политологии критериев, поскольку предлагаемые мною выше по тексту новации пока носят дискуссионный характер. Одно из главных составляющих отечественной политической системы – это *идеократическое* государство, которое неизменно присутствовало в досоветский, советский и постсоветский периоды, просто в каждом из них была своя властная идея: великодержавие с опорой на православие, социализм (вначале коммунизм) с опорой на марксизм-ленинизм, либеральная демократия. Каждый комплекс идей, пришедших к нам извне (начиная от православия и заканчивая либеральной демократией), был на этапе заимствования радикализован, а затем существенно преобразован, приспособлен к российской почве. В процессе стабилизации российской политической системы после реформ 1990-х, на новом витке развития, произошла реставрация ряда черт, присущих режиму советскому. С одной стороны, степень допустимой свободы стала несравнимо больше во всех сферах, включая политическую, хотя в последней она и присутствует в гораздо меньшей степени. С другой – появились новые рычаги воздействия и ограничения этой свободы, присущие странам либеральной демократии.

Важный фактор, на сегодня препятствующий полноценному диалогу субъектов гражданского общества с государством – то, что демократический способ легитимации власти не успел «укорениться» на российской почве. Наоборот, произошел возврат к устоявшимся принципам устройства «Русской системы»¹¹.

¹¹ Термин историка А.И. Фурсова.

Максом Вебером были выделены харизматический, традиционный и рационально-легальный типы господства, каждый из которых имеет различные способы легитимации¹². Демократический способ легитимации политической власти, ее подотчетность должны были, по мысли Вебера, предохранять общество от всевластия современной рационально-легальной бюрократии. Применительно к Китаю и России Вебером был описан патримониальный тип бюрократии, который вообще-то был свойственен на определенных этапах развития многим обществам, но в этих укрепился и задержался. Мы полагаем, что такому положению вещей способствовал именно идеократический характер данных государств. В Китае комплексом регулятивных идей выступало конфуцианство, в Российской империи – православие. И хотя основу власти патримониальной бюрократии образует присвоение чиновниками должностей и связанных с ними привилегий и экономических преимуществ, однако «правлящая идея» такого государства случит более или менее надежным ограничителем окончательной «приватизации» государства.

На особый тип российской власти обращали внимание и многие современные авторы, в том числе Ричард Пайпс, который считал, что вотчинный (или патримониальный) тип власти сохранялся и в СССР. Его ключевыми признаками являются слияние власти и собственности [Пайпс, 2000, с. 211], а также снисходительное отношение к нарушению формальных законов (широкое «поле терпимой противозаконности» [Фуко, 1999, с. 117–119], невозможное в государстве с устойчивыми институтами собственности). Сегодня Михаил Афанасьев в своих монографиях говорит о клиентарной бюрократии, расширяя границы явления далеко за пределы российской почвы. Немало исследований подтверждают тот факт, что мы в этом вопросе не одиноки даже на европейской части постсоветского пространства [Пролеев, Шамрай, 2008, с. 41–55], не говоря уже о странах Латинской Америки и других регионов мира.

Действительно, для российского чиновничества характерно сохранение и воспроизводство кланово-корпоративных, патрон-клиентских отношений, в частности: произвольное назначение по принципу личной преданности, а не ради служения долгу, которое в итоге приводит к вырождению власти в привилегию, в апроприа-

¹² Процедуры, с помощью которых власть становится легитимной.

цию должности, когда обязанности чиновника выполняются лишь в расчете на вознаграждение. Личностный, а не формально-правовой характер взаимоотношений пронизывает всю систему, начиная с взаимоотношений между главой государства и высшими чиновниками и заканчивая любым министерством, агентством, ведомством. Строгость и необязательность исполнения российских законов всегда играли и играют значительную роль в общей спаянности системы, основанной на постоянном нарушении законов и способной произвольно покарать отступника.

После Октябрьской революции руководство в СССР осуществляла номенклатура с опорой на рационально-легальную бюрократию. Тот факт, что номенклатура в послесталинский период стала самодостаточной, а выборы в СССР имели «фасадный» характер, несколько сглаживался идеократическим характером советского государства, имевшим как достоинства, так и существенные слабости. Именно в силу данной специфики СССР (как и Российская империя) рухнул в одночасье, как только были дискредитированы его основополагающие идеи. Сегодняшнее всевластие бюрократии во многом объясняется тем, что современное российское государство (во всяком случае, декларативно) пытаются на западный манер превратить в *номократическое*, в котором бы господствовал закон, а не идея. В итоге данной irrelevantной российской политической культуре реформы никак не удастся построить правовое государство, а напротив, происходит в худшем случае приватизация государства в личных целях высшего чиновничества, в лучшем – вырождение государства в этакое, в государство-для-себя, что тоже противоречит интересам гражданского общества.

На самом деле побороть чиновничий произвол не такая уж сложная задача: можно выровнять уровень доходов в частном и государственном секторах, устранить произвол в назначениях (сегодня аттестационные комиссии полностью подконтрольны руководителям, которые комплектуют службы лично лояльными людьми, а доходы чиновника состоят из микроскопического оклада и множества надбавок, которых он может быть лишен по решению руководства), закрепить предсказуемость чиновничьей карьеры (когда госслужащий точно знает, что, проработав определенное количество лет без взысканий, он поднимется на следующую ступеньку карьерной лестницы), запретить заниматься иной оплачиваемой

деятельностью (часто приобретающей характер закамуфлированной взятки), ужесточить санкции за злоупотребления. Но это означает посягнуть на систему, которая комплектуется и функционирует именно таким, патрон-клиентским способом.

Положение усугубляется тем, что ограничитель, зафиксированный Вебером, у нас не работает: для того, чтобы быть легитимной, российская бюрократия не нуждается в подотчетном политике, избираемом путем плебисцита. Напротив, политик, как правило, получает свою легитимность благодаря патримониально-бюрократическому, а не демократическому способу легитимации. Это потом ему «подращивают харизму» с помощью политических технологий.

Видимо, для того чтобы стать устойчивым, любой способ легитимации власти, в том числе и демократический, должен стать «традиционным». На ранних этапах становления сословной демократии, клановой или партийной автократии и т. п. опора на харизму является необходимым дополнением для нового типа легитимации. Потом, когда новый способ становится «традиционным», а политическая система – стабильной, харизма ликвидируется за ненадобностью. Спрос на харизматиков иногда возрождается в кризисные для политической системы моменты. В доперестроечном СССР последним харизматиком был Хрущев, которому пришлось развенчать культ «вождя народов» для обоснования легитимности решения о собственном избрании, принятого Политбюро ЦК КПСС.

Однако в условиях постсовременности (сжатия пространства и времени) установившийся режим не имеет времени на то, чтобы новый способ легитимации власти утвердился и, радикально нуждаясь в устойчивости, реанимирует прежде присущие способы легитимации. Так, например, в условиях тяжелейшего кризиса власти в азербайджанском обществе становится востребованной харизма Алиева-отца, ему наследует сын уже в силу традиции: «так было всегда» – клан Алиевых находился у власти на протяжении длительного временного периода.

Демократической форме легитимации в России не удалось стать «традиционной». Для того чтобы это произошло, надо было пережить несколько смен власти. (А это создавало риск передела собственности вплоть до пересмотра итогов приватизации.)

Что же произошло? Произошел, напротив, возврат к патримониально-бюрократическому способу легитимации, устоявшемуся в СССР. Но без возврата к идеократии. В таких условиях современное российское государство попадает в некий порочный круг, когда провозглашенная борьба с коррумпированным чиновничеством еще больше подкрепляет мандат доверия к политической власти, увеличивая объем полномочий для борьбы с явлением, являющимся неотъемлемой частью системы, уменьшает подотчетность, – и все это в отсутствие идеи-ограничителя. Избирательные процедуры в данном случае предназначены лишь для внешнего потребителя: это необходимое зло, с которым приходится мириться.

Фактически единственными свободными выборами в нашей стране были первые президентские выборы – Ельцина, что, кстати, убедительно доказывает несовершенство демократического выбора. Его же переизбрание на второй срок сопровождалось мощным применением административного ресурса. Затем появился институт преемника, которому присуща обратная закономерность: человек назначается на высокий государственный пост, затем его рейтинги поднимают, используя всю мощь государственной пропагандистской машины. Опять же, отсутствие реальной политической конкуренции влечет за собой необходимость не просто победы на выборах, а победы с подавляющим большинством голосов. Как следствие – дальнейшее укрепление институтов управляемой демократии или электорального авторитаризма, в том числе пресловутого административного ресурса. Мини-модель, на которой такие технологии были опробованы, – российские регионы в 1990-е гг.

«Недемократическая консолидация российской власти» [Гельман, 2008, с. 7–18] отчасти объясняется полученным негативным опытом. Демократизация российских регионов, раздача суверенитетов по принципу «кто сколько сможет проглотить» в свое время привела к чудовищному произволу. На уровне республик мы получили вырождение региональных демократических движений в этнонационалистические, режимы региональных баронов, которые федеральная власть была вынуждена позднее «обуздывать».

С одной стороны, политика укрепления «вертикали власти», покусившаяся на республиканские административные полномочия, по-видимому, противоречила демократии и федерализму.

Хотя этот процесс должен был привести – и отчасти привел – к равной реализации всеми российскими гражданами (безотносительно их этнической принадлежности) либеральных прав и свобод. Правда, реформаторский импульс быстро угас. Стабильность и предсказуемость сложившихся региональных режимов значили для федеральных властей гораздо больше, чем формальные нарушения прав человека и демократических процедур, финансовые злоупотребления, коррупция и пр. При выборе из двух «зол»: 1) поставить институты «управляемой демократии», укрепившиеся к 2000 г. в России на уровне регионов, на службу федеральной власти, или 2) пережить демократическую смену «наместников», а с нею, возможно, и передел собственности, – победа осталась за первой альтернативой. Наиболее одиозных региональных баронов потом сменили, но уже гораздо менее демократическим путем. Главная причина такого развития событий кроется в том, что институты собственности для того, чтобы закрепиться, нуждались в стабильности режима в целом на общедоказательном уровне. Сказать, что они в итоге закрепились, означало бы погрешить против истины. Наспех проведенная российская приватизация (чтобы не было пути назад), до сих пор не легитимирована в общественном сознании. И вряд ли ее легитимация возможна по такому «облегченному» сценарию, как предлагал, находясь в заключении, Михаил Ходорковский – через однократно взимаемый налог на неосновательные доходы от благоприятной конъюнктуры [Ходорковский, 2010, с. 41–42]. Скорее всего, с учетом нарастания имущественной поляризации российского общества, идеи полной или частичной национализации еще долго будут достаточно популярны. Сегодняшнее бегство капиталов из России – следствие как растущих опасений подобного развития событий со стороны обеспеченного меньшинства, так и банального отсутствия у него веры в будущность России.

Понять и принять

Вызовы постсовременности ставят перед российской политической системой две противоположные задачи: устойчивости и динамичности. Устойчивости требуют интересы самосохранения,

динамичности – вызовы глобализации. Одним из таких вызовов является дефицит суверенитета признания: когда законными считаются только те режимы, которые отвечают неким критериям демократичности. Так вот, реализация интересов устойчивости нашей политической системы с неотвратимостью приводит к тому, что для западного мира мы в ближайшей перспективе так и останемся недостаточно демократичными. И тот факт, что во всем мире сегодня происходит сворачивание демократии, ничего не меняет.

У нас просто нет времени на то, чтобы пройти в короткие сроки путь, который Запад проходил в течение столетий: пережить, например, эпоху первоначального накопления капитала, «дикий» капитализм и прочие издержки становления. Тем более что переживать это придется в мире, где утвердились определенные стандарты прав человека, в том числе и социальных. Ошибкой было бы пытаться догнать западные стандарты, в то время как сам Запад радикально меняется и давно уже далек от тех идеалов демократии, которые он декларирует. Мы уже предприняли такую попытку в начале 1990-х гг., и данный опыт, кстати, отрицательно повлиял на утверждение демократического типа легитимации власти, вообще на восприятие российским массовым сознанием демократии как ценности.

Главный российский парадокс заключается в том, что либеральный вектор развития сохраняется в нашей стране только благодаря недемократическому характеру власти, игнорирующей общественные протесты против монетизации льгот, реформ здравоохранения, образования, науки и т. п. Нормой является прямой обман избирателей: правящая партия сразу же после окончания избирательной кампании, проходившей целиком под социальными лозунгами, может начать пакетами принимать радикально либеральные законопроекты. Если же у нас будет реальная демократия, то она будет явно не либеральной.

В этом отношении феномен советского общества пока теоретически беспристрастно не осмыслен. Мы просто приняли навязанные нам клише: «тоталитарный режим» (сталинский СССР), «авторитарный режим» (Советский Союз после XX съезда КПСС), «командно-административная экономика» и т. д. Наиболее ценностно-нейтральные термины, которые отечественные авторы употребляют применительно к данному периоду российской ис-

тории: «социализм советского типа», «некапиталистический путь развития». Между тем, в советском государстве присутствовали различные демократические процедуры и способы воздействия на власть, а борьба с инакомыслием всегда была присуща и странам рыночного либерализма. Формальное наличие избирательных процедур (в иных разновидностях имеющихся и в СССР) в истории всегда соседствовало со стремлением «обойти» их. Все имеющиеся для этого инструменты, которые мы с успехом наблюдали на российских просторах за последние двадцать пять лет: джерримандеринг (перекройка избирательных округов с тем, чтобы обеспечить на выборах победу действующему губернатору), подкуп, различного рода диффамации и пр., хорошо известны в первую очередь из истории либеральной демократии, которой присущи как клановость, клиентелизм и отсутствие реальной возможности альтернативного выбора при формальном наличии избирательных процедур, так и семейно-наследственная передача власти.

Непредвзятая оценка отечественной истории тем и важна для общества, чтобы борьба с несовершенством режима не приводила к разрушению государства, как это уже было дважды в отечественной истории XX в. Отказаться от революционного типа преобразований в пользу эволюционного, несмотря на то, что особенности российского общества и государства являются определенным препятствием на данном пути, можно только путем принятия собственной истории такой, какая она есть. Ибо другой нет, а если этого не сделать, то может и не быть.

Глава 4. Моральный консенсус и условия терпимости

Конфликт ценностей

Ценность как философская категория, имеющая универсальный характер, вошла в философию в 60-х гг. XIX в. благодаря работам немецкого философа Г. Лотце, трактовавшего ценности как надындивидуальные сущности особого рода, бытие которых подчинено особым законам, отличным от законов бытия материального мира. Философы Баденской (В. Виндельбанд, Г. Риккерт и др.) и Марбургской (Г. Коген и др.) школ неокантианства, развивая эту тенденцию, используют кроме понятия «значимость» понятия «долженствование» и «ценность». Весь реальный мир подразделяется ими на бытие (действительность, существование) и ценности, которые не существуют, находятся вне и над бытием, по ту сторону и объекта и субъекта, являясь для последнего лишь объективной, общеобязательной значимостью и долженствованием. Задача философии, по В. Виндельбанду, постигать «общезначащие ценности», образующие общий план всех функций культуры, рассматривая их не как факты, но как нормы [Виндельбанд, 2000, с. 474]. Сущность ценностей как раз и «состоит в их значимости, а не в их фактичности». Генриха Риккерта порой характеризуют как творца теории ценностей, который возвел «ценность» в ранг системо- и смыслообразующей философской категории. Согласно Риккерту, «самый акт познания может состоять только в признании ценности чувства, а отсюда следует: познавание есть процесс признания или отвержения... Собственно логическое зерно суждения, процесс утверждения или отрицания, одобрения или неодобрения,

есть отношение к ценности» [Рикерт, 1998, с. 5, 83]. Познание должно быть направлено на трансцендентный мир ценностей, выступающий конечной, но вечно недостижимой целью человеческого познания и практической деятельности. Таким образом, люди при оценке конкретного предмета действительности могут руководствоваться только ценностями.

Социология (в первую очередь ее структурно-функциональное направление), озабоченная проблемой поддержания социальной гармонии в обществе, интересуется, главным образом, интеграционной способностью ценностей. Наиболее проработано понятие ценности в структурном функционализме, в центре внимания которого находится способность ценностей регулировать поведение личности и связывать ее с системой социальных значений, т. е. нормативная функция ценностей. Заслугой этого направления является установление важной роли ценностного сознания в социальной организации.

Объяснение порядка и сплоченности в обществе является основной задачей социальной теории, в рамках которой существует несколько подходов. Влиятельными проповедниками идеи ценностного консенсуса в социологии являлись Эмиль Дюркгейм и Талкот Парсонс. Согласно Парсонсу социальный порядок зависит от существования общих, разделяемых всеми людьми ценностей, которые считаются легитимными и обязательными, выступают в качестве стандарта, посредством которого отбираются цели действия. Парсонс определяет ценности как общепринятые представления о желательном типе социальной системы – прежде всего об обществе в представлении его собственных членов [Парсонс, 1972, с. 360–378]. «Ценности занимают ведущее место в том, что касается исполнения социальными системами функции по сохранению и воспроизводству образца, так как они суть не что иное, как представления о желаемом типе социальной системы, которые регулируют процессы принятия субъектами действия определенных обязательств» [Парсонс, 1998].

Через институционализацию системы ценностей, которая является составной частью и социетальной, и культурной систем, происходит культурная легитимация нормативного порядка общества. Затем выборочные ценности, являющиеся конкретизациями общих ценностных образцов, становятся частью каждой конкрет-

ной нормы, интегрированной в легитимный порядок. Основания культурной легитимации на социетальном уровне выступают в виде ценностных приверженностей, отличительной чертой которых является их большая независимость от соображений цены, выгоды или убытков, от потребностей социума или окружающей среды. Как правило, приверженность ценностям предполагает обязанность совершать конкретные действия по их реализации. Особенно если ценностная система имеет «активистский» характер. Так, ценностные системы включают в себя категорию обязательств перед «ценностно-обоснованными объединениями», солидарность в рамках легитимных коллективных взаимодействий и предприятий.

Например, универсализм является значимой ценностью современного общества, тогда как партикуляризм – традиционного. Согласно Э. Геллнеру, развившему структурно-функциональный метод, структурные изменения, происходящие при переходе от традиционного общества к индустриальному (в системе ролей и позиций, составляющих общества), влекут за собой культурные и ценностные трансформации. В аграрном обществе население разделено на не соприкасающиеся друг с другом ячейки, а государство заинтересовано в поддержании культурного многообразия, которое удерживает людей в их нишах и способствует поддержанию порядка. В процессе перехода от традиционного общества к современному потребности индустриализации в мобильной и взаимозаменяемой рабочей силе диктуют необходимость в единой культуре, эгалитаризме и универсализме как принципах и главных ценностях общественного устройства [Геллнер, 2002, с. 153].

У родоначальников советско-российской социологии А.Г. Здравомыслова и В.А. Ядова ценностные компоненты включены в мотивационную структуру личности, где побудительные мотивы человеческой деятельности выстраиваются в своеобразную цепочку: потребности, преобразованные в интересы, в свою очередь, «превращаются» в ценности [Человек и его работа, 1967, с. 46]. При преобразовании потребностей в интересы на первый план выходят те характеристики деятельности, в которых проявляется отношение к социальным институтам. Здесь стимулом человеческой деятельности является не то, что безусловно необходимо, а то, что выгодно с точки зрения материальных условий бытия. При преоб-

разовании интересов в ценности также меняется предмет отношения. Ценностные представления затрагивают личность, структуру самосознания, личностные потребности. Здесь на первый план выходит то, что соответствует представлению о назначении человека и его достоинстве, те моменты в мотивации поведения, в которых проявляются самоутверждение и свобода личности. Следовательно, ценностное восприятие действительности – это такое ее видение, которое опосредуется социальными чувствами и развитыми формами духовного творчества и которое возвышается над миром непосредственных потребностей и интересов. Данное представление о ценностях активно используется в современных социологических исследованиях в силу своей продуктивности для изучения мотивации, т. к. возможно построение логической схемы исследования, некоего шаблона (потребность, интерес, ценность) по отдельным явлениям общественной жизни, например, в сфере труда.

Целостность системы ценностей отнюдь не означает принципиальной невозможности возникновения в рамках одной культуры противоречий и даже ценностных конфликтов, которые проявляются в различных формах. Так, художественные ценности при строительстве дома очень часто вступают в конфликт с экономической целесообразностью. Политические ценности обеспечения стабильности государства – с экономическими ценностями развития конкуренции как средства достижения более высокой эффективности и прибыльности производства. Преодоление последнего конфликта осуществляется на базе нравственных ценностей. Если в обществе приоритетны не свобода, самостоятельность индивида, а идеи равенства между людьми, социальной защиты, то соответствующие политические ценности будут брать верх над экономическими.

Немалыми различиями могут характеризоваться системы ценностей социальных слоев, классов, групп общества. Эти специфические черты выражают особенности социальных функций, выполняемых той или иной социальной группой, в них представлены желательные для ее представителей варианты общественно-го устройства, социальных отношений и т. д.

В рамках любой культуры и общества встречаются социокультурные различия между поколениями, существуют контркультуры. Важно учитывать, что в принципе целостность культу-

ры – состояние, далекое от однообразия. Целостность обеспечивается через многообразие субкультур, в ее недрах формируются и развиваются новые элементы, а вместе с этим возникают и существенные различия, которые могут привести к противоречиям, конфликтам. Целостность культуры достигается не автоматически, а предполагает усилия, обеспечивающие синтез общего и специфического начал, поиск компромиссов ценностей в рамках единой культуры, преодоление конфликтов. Западники как сто лет назад, так и сегодня «воюют» со славянофилами, коммунисты – с либералами и т. д. В наличии конфликта ценностей нет ничего сверхъестественного и необычного. Хотя нахождение общества в стадии обновления системы ценностей резко увеличивает его конфликтность.

В стабильных обществах конфликты ценностей, как правило, решаются в рамках имеющейся культуры. При этом «вечными» остаются споры эгоистов и альтруистов, возникают «вечные» проблемы с ценностями, которые несут новые поколения. Общество живет, развивается его культура, сохраняя при этом свою целостность. Для поздней современности вследствие высокой мобильности человеческого капитала характерно смешение двух конфликтующих систем ценностей, которые условно могут быть названы «традиционной» и «современной». В первой высокая ценность рода (этнической группы), она базируется на клановости, восприятию должности (статусной позиции) как источника повышения материального благосостояния («власть как собственность», «должность как доходное место»). Для достижения высокого статуса и разрешения возникающих конфликтов в такой системе принята практика «бакшиша», укрепляющая институт клановости. Вторая (или «современная») система ценностей опирается на безличные законы, декларирует равный доступ к статусным позициям и требует от занимающих таковые служения закону и исполнения долга. Эти системы остро конфликтны. Благодаря феномену коррупции традиционная система ценностей разрушает современную, а в ходе модернизации традиционных сообществ происходит обратный процесс.

Для определения того, что мы понимаем под традиционным и современным обществом, воспользуемся моделью Эрнеста Геллнера, которую он использовал при описании «пришествия нацио-

нализма» [Геллнер, 2002, с. 146–161]. Традиционное – это агрописьменное общество, основанное на стабильной статусной организации. По всей видимости, такие общества, хотя и несколько модифицировавшись в направлении большей (чем это описано у Геллнера) культурной однородности, существуют и в современном мире, в основном, в Азии и Африке. Мы относим, например, к таким обществам даже среднеазиатские государства – бывшие республики СССР, где положение человека определяется его родством (принадлежностью к определенному клану). Современное общество – это, пользуясь терминологией Эрнеста Геллнера, «развитое индустриальное общество» со стандартизированной системой культурных знаков, универсализмом и эгалитаризмом в качестве основополагающих принципов функционирования. (Хотя культурная однородность такого общества постепенно подрывается процессами глобальной трудовой миграции.)

Эта классификация является идеально-типической, несколько устарела и может быть использована весьма условно. Во-первых, и современное общество пронизано своеобразной системой статусов, все реже индивид в нем принадлежит к элите благодаря своим заслугам, а не вследствие факта рождения в определенной семье (что обеспечивает более высокий уровень жизни и образования, ускоренное продвижение по карьерной и/или политической лестнице и т. п.). Во-вторых, процессы глобализации все сильнее сказываются на традиционной семье даже в странах третьего мира. И хотя мужчины, являющиеся пионерами трудовой мобильности, пытаются сохранить воспроизводство традиционного образа жизни, оставляя жен на родине и высылая им денежное содержание, однако матери не всегда в состоянии подобающим образом воспитать детей в отсутствие авторитета отца.

В традиционном обществе женщина замкнута в рамках домохозяйства. Выходя замуж, она приобретает новый статус жены и матери семейства, который, хоть и зависит целиком от статуса ее мужа, но все же почти всегда выше, нежели в том случае, когда она остается в доме родителей. Такое положение дел обусловлено тем, что в традиционном обществе высока ценность сохранения рода, воспроизводства группы и групповой культуры, которое обеспечивается благодаря домашнему воспитанию. Именно поэтому деторождение в традиционной семье весьма почетно и всячески

одобряется общественным мнением, женщина в традиционном обществе получает общественное признание, выполняя свою биологическую роль.

Обсуждая причины снижения рождаемости в развитых странах, как правило, упускают из виду то символическое насилие, которое осуществляется в нем над женщинами, несмотря на высокую степень социальных гарантий материнства. Женщине, для того, чтобы реализовать ту функцию, для которой она предназначена природой – стать матерью, в современном обществе приходится смириться с (временным) понижением статуса. (Ибо статус матери много ниже, чем статус бизнесмена, политика, квалифицированного работника, ученого и др.) А потом всю жизнь разрывать между карьерой и материнством. Или ей придется заточить себя в рамки приватности, а понижение статуса станет постоянным. Современные индустриальные и постиндустриальные общества забывают о том, что создавать и воспитывать для них полноценных граждан – сложнейший труд, требующий высочайшей квалификации. Они привыкли черпать трудовые ресурсы из иных обществ, что в итоге приводит к серьезным социальным конфликтам в принимающих сообществах и постановке вопроса о самой возможности их дальнейшего существования.

Поиски системы ценностей, объединяющей нынешнее поколение россиян, которые были предприняты после тотального разрушения прежней, советской системы ценностей, до сих пор не дали значимых результатов. В середине 1990-х гг. такими поисками занималась целая комиссия при Борисе Ельцине, которая так и не смогла сформулировать внятной национальной идеи. В настоящее время проблема «духовных скреп» осознается и озвучена на самом высоком уровне. Ключевой ценностью российского общества (уставами Президента РФ) провозглашен патриотизм, слабо разделяемый интеллектуальной и бизнес-элитой общества, отдающей приоритет космополитическим ценностям.

Индивидуальная гонка за успехом в потребительском мире – это не столько идеология, сколько образ жизни современного горожанина, жителя мегаполисов, индивидуализированного, часто лишенного социокультурных корней, этнической и государственной идентичности. Огромные социальные контрасты, ранее разрывавшие Россию, сегодня воспроизводятся практически в преде-

лах каждого региона, каждого крупного города. Межэтнические противоречия и конфликты сегодня практически однотипно проявляются повсюду. Рост социального неравенства сопровождается перемалыванием локальных субкультур, но это, как ни странно, делает неравенство особенно нетерпимым. В сложно стратифицированном кастовом или сословном обществе социальные различия и привилегии терпимы, поскольку легитимируются традицией, однако на постсоветском пространстве такие традиции не сложились. Богатый, преуспевающий человек – он такой же, как и все, только ему больше повезло, и это кажется несправедливостью.

Догоняющая модернизация в качестве официальной идеологии 1990-х гг. сделала ситуацию еще более драматической, т. к. в ее ходе социально поощряемой моделью поведения стала установка на крайнюю индивидуализацию жизненных алгоритмов, на спасение с тонущего корабля российской субъектности в одиночку. Однако неоконсервативная тенденция в российском обществе, наметившаяся с 2000 г., существенно изменила основные парадигмы массового сознания. Пережив глубокую ломку, связанную с попытками форсированной модернизации по догоняющему типу, общество на уровне ценностей начало адаптировать перемены к своей социально-исторической органике. Мы видим появление достаточно массового запроса на идеологию социального консерватизма.

В России периодически предпринимаются попытки реализации различных западных универсалистских проектов без учета того обстоятельства, что значимые сегменты ее граждан являются приверженцами традиционной ценностной матрицы. Кроме того, структуры иммиграции сегодня сложились таким образом, что происходит постоянная «поставка» рабочих рук из традиционных сообществ (государств Средней Азии, Китая и т. д.). В таких условиях не действуют, например, принятые в Европе меры борьбы с коррупцией. Слишком многие в обществе считают практику «бакшиша» «законной», справедливой¹³.

Кроме того, для приверженцев традиционной ценностной системы не важна ценность государства как такового, сам факт сохранения российской государственности. Стереотипы поведения

¹³ В России издавна существовало два определения для феномена взяточничества: издоимство и лихоимство. Причем первое воспринималось как легитимное.

«младшего брата», как правило, выражены в стремлении прикнуть к наиболее сильному игроку на мировой политической арене и использовать те преимущества, которые дает патернализм мощного государства, на благо группы. Речь идет как о политическом патернализме, так и о социальном: когда этническое спонсирование «государства благоденствия» принимается группой, но не добавляет ее членам лояльности этому государству.

Всякое изменение целей и структуры общества влечет за собой переоценку ценностей: благодаря этому человек получает возможность действовать в новых социальных условиях. Карл Манхейм сформулировал два парадокса, которые происходят в ценностной сфере современного общества расширяющихся контактов. Он обратил внимание, что метод перевода ценностей из одной системы в другую может заставить систему ценностей функционировать еще раз. Иногда этот прием приводит к парадоксальной ситуации: ценности неожиданно превращаются из инструмента социальной справедливости в инструмент эксплуатации. Так случилось со всей системой оценок, сгруппированных вокруг идеи собственности. В обществе мелких крестьян и независимых ремесленников это была справедливая и творческая система, защищающая орудия труда, человека, делающего общественно полезную работу. Смысл этой системы полностью изменился в мире крупной промышленной технологии. Здесь сам принцип частной собственности на средства производства стал подразумевать право эксплуатации большинства меньшинством [Манхейм, 1994, с. 430]. Аналогичная ситуация происходит на наших глазах сейчас, когда ценности западной цивилизации пытаются представить в качестве универсальных во влиятельных международных миротворческих организациях. Внутри западного мира эти ценности выполняют регулирующую функцию, а на международной арене они становятся средством подавления. Второй парадокс связан с принципиальным изменением процедуры оценки в современной культуре. Если в традиционных обществах, основанных на обычном праве, люди принимали систему ценностей благодаря древней традиции и вере в то, что такова воля божья, то сегодня создание новых ценностей и их принятие основаны на сознательной и разумной оценке либо на идеологическом манипулировании, внедрении ценностей.

Эрих Фромм отметил, что существует значительный разрыв между тем, что современный человек считает своими ценностями, и действительными ценностями, которыми он руководствуется и которые им не осознаются. В демократических странах официально признанными осознанными ценностями являются гуманистические и религиозные: индивидуализм, сострадание, любовь, ответственность, милосердие. Вместе с тем бессознательные ценности – собственность, потребление, общественное положение, влечения – служат непосредственными мотивами поведения большинства людей. Разрыв между осознанными и неэффективными ценностями, с одной стороны, и неосознанными и действенными – с другой, приводит к девальвации ценностей, опустошает человека и общество [Фромм, 1993, с. 287].

В конце XX в. возник феномен двойного конфликта ценностей: внутри каждой культуры и между ними. Парадоксальным образом ситуация разрядилась благодаря взрыву глобальных проблем. Казалось, уже ничто не сможет вернуть человечество к прежнему пиетету перед ценностями, так глубоко релятивизм подорвал устои культуры. Неожиданным образом это делает страх.

Во время Второй мировой войны, когда общим врагом был фашизм, возникло широкое поле взаимодействия и сближения его противников на базе общих антифашистских ценностей. Начали действовать невиданные раньше психологические, политические и институциональные силы, поскольку возникла реальная потребность в интеграции разных культур. Человечеству необходимы мощные объединяющие цели, которые бы действовали столь же реально, как и присутствие фактического врага.

Сегодня такие цели обозначились в виде преодоления глобальных проблем современности – угрозы терроризма и экологической катастрофы. Для того чтобы эти угрозы превратились в мощный интегрирующий фактор, а конфликт разных систем ценностей перестал быть трудноразрешимой проблемой, необходимы сознательные усилия интеллектуалов разных культур по переводу страха в русло гуманитарного диалога. К сожалению, эти усилия нередко сводят на нет те политики и спецслужбы, которые ради ослабления геополитических конкурентов или сохранения господствующего положения в финансово-экономической сфере прямо способствуют росту глобальных угроз, в том числе напрямую финансируя террористов.

Моральный консенсус

Моральные ценности – не единственный компонент ценностного содержимого культурной системы. Существуют другие, например эстетические, познавательные или религиозные ценности. Однако *мораль* является одним из конституирующих общество институтов регулирования общественной жизни (без морали ткань социальности буквально расползается), имеющим пересечения как с правом, так и с политикой. В процессе кодификации мораль нередко перетекает в право, от которого ее отличает, прежде всего, императивный характер требований. Если мораль строго заповедует «не убий» (и нарушение заповеди чревато муками совести), то право четко различает, чем умышленное убийство отличается от убийства в процессе самозащиты, в состоянии аффекта или по неосторожности. Право может определить размер вины конкретного убийцы и назначить ему степень наказания, хотя не каждый приговор суда ведет к торжеству справедливости, даже если соблюдены все законные процедуры. Но в любом обществе когда-то поднимается вопрос о несправедливости закона (должного с моральной точки зрения быть воплощением справедливости), политическим путем (в рамках «малой» политики) происходит отмена старого, несовершенного законодательного акта и принятие нового, а иногда, путем совершения бесчисленного количества несправедливостей (в рамках «большой» политики), происходит пересмотр и всего государственного устройства¹⁴. Что касается права обычного, то оно гораздо теснее связано с моралью конкретного сообщества и может иметь серьезные расхождения как с официально декларируемой общественной моралью, так и с кодифицированным правом. В рамках обычного права возможно такое явление, как попустительство, терпимое отношение к нарушению законодательных норм. Оно возникает, если те, на защиту которых направлена норма, не представляют серьезной политической силы или не могут защищать свои права, или если законодательные инициа-

¹⁴ «Малая» и «большая» (трансформационная) политика – понятия, введенные Б.Г. Капустиным в работе «Моральный выбор в политике». «Малая» политика, по сути своей, – администрирование и управление, политический торг. «Большая» политика – это «коллективное историческое творчество» [Капустин, 2004, с. 15].

тивы проистекают из желания заимствовать успешный зарубежный опыт, а не из общественных настроений, когда не общество в целом, а наиболее деятельная и просвещенная группа «торопит» преобразования.

В России существует немало прогрессивных ограничений, оказывающих слабое влияние на поведение российских граждан. Законодательный запрет на употребление спиртных напитков в общественных местах, ограничения для курильщиков или владельцев собак совершенно игнорируются на бытовом уровне. Поскольку в общественном сознании отсутствует восприятие подобных действий как аморальных, к неукоснительному соблюдению запретов можно только принудить. Либо же те, в интересах которых была принята законодательная норма, должны активнее защищать свои права.

Трансцендентность морали заключается в том, что в отдельные переломные моменты истории человеческого общества она как бы «даруется свыше», являясь, по сути, единственным шансом на продолжение развития – «способом спасения»: человек «пытается найти “нечеловеческий” источник морали для того, чтобы утвердить фундаментальность нравственного принципа» [Разин, 2009, с. 127]. Так, новозаветная мораль приходит на смену ветхозаветной, в рамках которой были допустимы инцест, содомия. А «религия» естественных прав человека на определенном этапе своего расширения изымает содомию из разряда грехов. Что касается инцеста, то, несмотря на законодательные ограничения близкородственных браков, санкции за подобные практики в большинстве либерально-демократических государств сегодня могут наступить лишь на основании нарушения принципа свободы (например, в случае насильственного вовлечения или малолетства вовлеченного).

Говоря об условиях терпимости в структуре общественной морали, я должна отметить, что вообще-то общественная мораль как целостный феномен по сути своей нетерпима, что представляет серьезную трудность для моральных теорий толерантности и описано в литературе как «парадокс терпимости». Дело в том, что любая моральная норма претендует на общеобязательность. Поэтому моральный субъект, имеющий собственную систему ценностей, норовит приписать всему человечеству некоторый «правильный» путь. Парадокс заключается в том, что толерантность утверждает

отказ терпимого человека от распространения на всех людей тех норм, которые он сам искренне считает обязательными для всего человечества. Однако такой «моральный субъект» по определению не является моральным субъектом.

Терпимость – маргинальное явление, возникающее на стадии разложения очередной моральной системы. Необходимыми условиями терпимости являются многосоставность, конгломеративность общества и его моральный плюрализм. Достаточным условием – невозможность доминирующей в обществе группы навязать единую мораль при сохранении некоего минимального общественного консенсуса в моральной сфере. Толерантность по сути своей – не только «ускользающая» [Heud, 1998, p. 3], но и вынужденная добродетель, востребованная тогда, когда в границах одной политической или социальной системы присутствуют сообщества с различными моральными принципами. В то же время терпимость никогда не бывает безграничной. Терпимо лишь то, что включено в рамки общественного консенсуса по вопросам терпимого, которые расширяются путем политической борьбы. И толерантность не может простираться дальше границы, за которой терпимость к многообразию общественных элементов начинает угрожать единству этого многообразия. Суть толерантности состоит в том, чтобы максимально расширять общественное многообразие при соблюдении базисных правил, гарантирующих сохранение жизнеспособности общества.

Терпимое отношение к группам практикуется лишь тогда, когда исчерпаны ресурсы их подавления. Вполне возможно, что концепция либеральной терпимости не была бы сформулирована Дж. Локком, если бы в XVII столетии протестанты могли уничтожить католиков (или наоборот). Современная риторика терпимости в отношении ранее маргинализованных групп (трудовых мигрантов, иных видов культурных и/или социальных меньшинств) обусловлена невозможностью большинства в высокоразвитых странах игнорировать их возросшее экономическое и политическое влияние.

У терпимости на любом этапе исторического развития есть четко очерченные условия: вхождение в состав единой империи (и лояльность императору), исповедование христианства (терпимыми становятся доктринальные и обрядовые различия), лояльность национальному государству, признание в качестве основополагаю-

щих ценностей прав и свобод человека. При этом нередко то, что было терпимо на одном этапе развития, на следующем – попадает в разряд нетерпимого.

Майкл Уолцер отнес империи к толерантным режимам на том основании, что их бюрократия чаще всего нейтрально относилась к различиям в образе жизни культурно-религиозных групп, существовавших в этих государствах «на правах автономных или полуавтономных образований» и осуществлявших «самоуправление по значительному числу видов своей жизнедеятельности» [Уолцер, 2000, с. 29]. Какой бы характер ни носили эти автономии, стоящий над ними режим всегда был автократичен, однако зачастую именно благодаря этому устоявшееся имперское правление характеризовалось толерантностью по отношению к инаковости групп. В то же время совершенно очевидно, что подобная автономия замыкает индивида в рамках его родного сообщества, навязывая ему однозначную этнически-религиозную идентичность. Лишь в столице и торговых центрах империй, куда стекались инакомыслящие, еретики, космополиты и т. п. маргинальные личности, социальное пространство, как правило, виделось состоящим из отдельных людей [там же, с. 31]. Основной причиной терпимости к меньшинствам в многонациональных империях чаще всего является глубочайшее безразличие метрополии к чужеродному образу жизни. В демократических государствах никогда не удастся добиться такой же степени толерантности, поскольку введение всеобщего избирательного права и другие демократические институты неизбежно влекут за собой достаточно сильный ассимиляционный тренд.

Терпимость у Локка – категория более узкая. Фактически речь у него «идет о нравственно-религиозном единстве христиан вопреки всем доктринальным, обрядовым и прочим различиям между ними, предстающим... несущественными» [Капустин, 1994, с. 13]. Классифицируя «мнения и поступки» людей, Локк признает имеющим «абсолютное и всеобъемлющее право на терпимость» то, что он обозначает как «спекулятивные мнения и вера в Бога» [Локк, 1988, с. 67]. Описание объекта «совершенной терпимости» выглядит у него следующим образом: люди могут иметь собственные религиозные убеждения, самостоятельно выбирают место, время и способ поклонения Богу, не терпя в этих делах «препон и вреда» от

других. Основная идея Локка состоит в том, что правитель не может навязывать подданным религиозных убеждений и, более того, призван ограждать их от какой-либо нетерпимости в этой сфере.

Право на толерантное отношение не распространяется на мнения и вытекающие из них действия, ведущие к беспорядкам и приносящие обществу больше вреда, чем пользы, как и на все, что возмущает покой людей и создает угрозу миру в государстве. То, что запрещено государственными законами для всех граждан, не может быть объектом терпимости по отношению к какой-то одной категории людей.

Вот почему из сферы терпимости исключены те, с кем невозможен (по тем или иным причинам) общественный договор. С точки зрения Локка, ненадежны и не заслуживают доверия три категории людей: 1) атеисты, отвергающие Бога, как первоисточник закона, для которых по этой причине не могут быть святы ни верность слову, ни договоры и соглашения, ни клятвы; 2) паписты – т. е. католики, признающие лишь политическое верховенство папы Римского и считающие, что не следует соблюдать слова, данного еретикам (т. е. всем остальным христианам); 3) а также магометане, как служащие «другому государю» (Оттоманскому султану) [там же, с. 124–125], которые, по сути, исключены за то же, что и католики – за неразделимость их частной и публичной ипостасей. Фактически католиков в конце XVII в., по Локку, можно было терпеть лишь в той мере, в какой они становились неистинными католиками, т. е. отказывались от признания высшего авторитета папы в публично-политических делах.

В дальнейшем пространство либеральной терпимости неуклонно расширялось. Дж. С. Милль в своем эссе «О свободе», критикуя устаревшие английские законы, убедительно доказал, что атеисты вполне заслуживают доверия, а также выразил протест против притеснения нехристиан (в частности, индусов). Отказ атеистам в доверии на том основании, что клятва человека, не верующего в Бога и будущую жизнь, не имеет цены, по утверждению Милля, равносителен признанию человека лжецом за действия, свидетельствующие о его честности. Поэтому, исходя из предположения, что все атеисты – лжецы, английские суды абсурдно допускали к свидетельству тех атеистов, которые в самом деле лгали, и не допускали тех, которые честно заявляли о своих убеждениях

[Милль, 1900, с. 248–249]. Ничем иным, кроме как фанатизмом и нетерпимостью к индусам и магометанам (которые, впрочем, были спровоцированы восстанием сипаев), Милль не смог объяснить призывы английских политиков о недопущении нехристиан к общественным должностям в английских колониях Индии, пояснив при этом, что категория веротерпимости – отнюдь не только взаимная терпимость христианских учений [там же, с. 251–252].

Американская и Французская революции, установив режимы народного суверенитета, передали власть, которой обладал монарх, «нации». Сформировался новый вид коллективного взаимодействия, означавший общность индивидов, которой приписывалась способность мыслить и действовать сообща. Во многих, самых разных социальных кругах стали считать, что для того, чтобы выполнять некие коллективные действия, суверенный народ должен представлять из себя единство в культурном, историческом и языковом отношении, за политической нацией должна стоять предшествующая ей культурная нация [Тэйлор, 2002, с. 11–15].

Для получения вожаемого единства, для того, чтобы члены политического сообщества могли доверять друг другу, общество нередко подвергалось «переплавке» жесткими и бескомпромиссными мерами. Так рождалась *политика ассимиляции* как продукт Нового времени, закономерный результат демократии западного образца и идеологии национализма. В нем национальное государство демонстрирует нетерпимость к тому, что было вполне терпимым в рамках империи, постепенно подменяя терпимость равенством прав.

Джон Роллз рассматривает в «Теории справедливости» толерантность в соотнесении с равной свободой совести. Этот вопрос у него вне компетенции государства, обязанности которого ограничены гарантиями условий равной моральной и религиозной свободы и защиты «отступничества» (свободы выбора продолжения членства). Терпимость, по Роллзу, не выводится из практических потребностей или интересов государства, единственным основанием для отрицания равных свобод он считает предотвращение еще большей несправедливости, еще большей потери свободы [Роллз, 1995, с. 192–193]. Фактически терпимость у него превращается в нейтральность государства по отношению к конкурирующим проектам «благой» жизни.

Невозможность в условиях постсовременности этнической или культурной гомогенности общества отнюдь не отменяет необходимость общественного консенсуса по вопросам морали. Нейтральность либерального государства и доктрина радикального правового равенства работали только в условиях устойчивого морального соглашения между членами общества относительно перечня вопросов, стоящих на повестке политической дискуссии. Миграционные потоки последних десятилетий приводят к тому, что общества пополняются членами, у которых отсутствует чувство общности истории, единые нравственные идеалы и т. п. Растет разочарование в универсальных принципах, веру в которые нам принесло Просвещение. В одном сообществе находятся люди с традиционной и современной ценностной матрицей, поскольку современный мир, с точки зрения А.Д. Богатурова, – конгломерат, состоящий из анклавов «традиционного» и «современного» [Богатуров, 2002, с. 131–132]. Для интеграции инोकультурных элементов была изобретена политика мультикультурализма, возникшая в 1970-е гг. в классических иммигрантских странах – Австралии и Канаде, а затем получившая распространение также и во многих «национальных» государствах.

Сейла Бенхабиб собрала богатый эмпирический материал под рубрикой «Мультикультурная защита и уголовное право» о том, как в странах с прецедентным уголовным правом на волне мультикультурализма большое распространение получил аргумент защиты, вроде: «Меня заставила сделать это моя культура», благодаря которому происходило оправдание или смягчение приговоров для обвиняемых в самых жестоких преступлениях против личности [Бенхабиб, 2003, с. 103–107]. В процессе «культурной защиты» убийство может трактоваться как «смывание позора, который навлекла на подсудимого неверная жена», изнасилование – как традиционный способ выбора невесты. Надо ли говорить о том, что суды, пытаясь проявить справедливость (ставя действия обвиняемых в контекст соответствующей культуры), потворствуют преступникам, спекулирующим своей культурной идентичностью, умаляя при этом права жертвы.

В данном ряду можно упомянуть также практики нанесения ритуальных увечий, иные формы членовредительства, чрезмерную жестокость и истязания детей в процессе домашнего воспитания у

приверженцев некоторых сект, т. е. такие культурные проявления, которые несовместимы с основными ценностями либеральной демократии. Несмотря на устное осуждение и уголовную наказуемость подобного рода домашних практик, общество, как правило, «не замечает» домашнего насилия. Во Франции, например, по свидетельству М. Уолцера, внутри иммигрантских африканских общин негласно процветает публично осуждаемое ритуальное уродование половых органов новорожденным девочкам [Уолцер, 2000, с. 77–78]. Так же «вполне терпимым» является домашнее истязание собственных и усыновленных детей среди членов ряда религиозных сект в США. Общественность периодически узнает о том, что происходит «за высоким забором приватности», тогда, когда дети погибают или получают жестокие увечья, а их личность непоправимо травмируется. Причина такой терпимости, как мы полагаем, проста: дети не представляют группы, которая борется за свои интересы. Кроме того, согласно либеральной традиции, дети (в отличие от женщин) еще не достигли «нравственной зрелости» и не способны к автономии или самозаконодательству. (В тех государствах, где практикуется высокая степень социальной защищенности материнства и детства, присутствует иная крайность: нередко изъятия детей из вполне благополучных семей на основании подозрений в «недолжном» с ними обращении.)

Возникает парадоксальная ситуация, когда некоторые представители сообщества вынуждены жить по нормам, которые они не признают в качестве «своих». Другая («современная») часть общества постепенно утрачивает свои нравственные ориентиры, поскольку их мораль действительна лишь до тех пор, пока ее питают нерелефлексированные установки, заимствованные из традиционной для данного сообщества морали. Подобное утверждение легче всего проиллюстрировать на примере института семьи (переживающем сегодня серьезный кризис), поскольку именно семейные ценности веками воспринимались как нравственные, семья была важнейшим институтом социализации в традиционном обществе и т. д. Однополая любовь, с точки зрения традиционного сознания, была аморальной, поскольку подрывала жизнеспособность общества, в котором главной задачей семьи было общественное воспроизводство. Сегодня, благодаря возможности искусственного оплодотворения, «выращивания детей в пробирке», суррогатного

материнства и проч. однополая пара вполне может иметь детей. Но семья и в настоящее время является первичным институтом социализации. Ребенок, воспитанный однополыми родителями, очевидно, будет иметь иные стандарты брачного поведения, нежели тот, что был рожден и воспитан гетеросексуальной парой.

Детальный разбор некоторых непримиримых столкновений культурных особенностей отдельных групп с нормами либерального демократического общества позволил С. Бенхабиб сформулировать три нормативных условия, соблюдение которых, с точки зрения исследовательницы, позволяет совместить «плюралистические структуры» с «универсалистской моделью совещательной демократии». Эти условия: эгалитарная взаимность, добровольное самопричисление к группе, а также свобода выхода и ассоциации [Бенхабиб, 2003, с. 23]. Однако на начальных этапах жизни индивида, когда формируются его ценности и жизненные установки, членство в культурной группе для него вынужденное. Да и впоследствии сообщество может оказывать сопротивление добровольному выходу из него: сегодня в Европе убийства турецких девушек их родственниками за «неисламское» поведение давно стали обычной реальностью.

Когда Дж. С. Милль, бывший последовательным сторонником женского равноправия, на основании определенным образом понятого им принципа свободы терпимо относился, например, к образу жизни, который практиковали в его время мормоны, позиции института семьи были незыблемы. Однако, оправдывая факт существования многоженства среди «цивилизованных» людей свободным выбором женщины (которая предпочла «быть одной из многих жен одного мужа, чем вовсе не быть женою») [Милль, 1900, с. 377], Милль проложил путь для той безграничной свободы в приватной жизни, которая является благодатной почвой для насилия в семье и появления разного рода семейных извращенцев, процессы над которыми так часты в последнее время в Европе и США. Кроме того, остается вопрос: а свободно ли выберет подобную форму брака девочка, воспитанная в семье мормонов?

Вряд ли Милль, рассуждая о свободе и терпимости, предполагал возможные последствия предельного развития своих идей. Свободные граждане у него – это определенным образом образованные граждане, поскольку свободная дискуссия возможна лишь

с тем, кто принимает правила проведения «честного спора» [там же, с. 294]. Терпимость Милля – это терпимость для употребления очень узким кругом хорошо воспитанных людей. Именно поэтому его свобода, в основании которой заложена общественная польза (выраженная в максимизации счастья или минимизации страданий), в изменившихся условиях подрывает сам этот основополагающий принцип. Отсутствие диктата общественного мнения (особенно остро ощущаемое в современном мегаполисе, куда иммигрируют люди, прошедшие социализацию при весьма различных обстоятельствах) приводит к тому, что «атомизированные индивиды» не имеют авторитетов. Представители традиционного общества, которые привыкли уважать мнение стариков, соседей, просто членов общины, сталкиваются с полной анонимностью большого города. Отсутствие моральных «оков» порождает вакханалию вседозволенности.

Современный кризис капитализма тоже объясняется утратой тех традиционных моральных установок, которые изначально породили данный феномен. Одно из ключевых понятий капитализма – конкуренция – возможно лишь в обществе жестко дифференцированном (сословном, классовом). Для того чтобы сохранялась этика наемного труда, низы, по выражению Е.В. Беляевой, «должны осознавать свою “низость”, расценивать ее как естественную и справедливую» [Беляева, 2009, с. 110]. В противном случае классовый антагонизм неизбежен. Не случайно начиная с XIX в. в английской классической литературе можно встретить суждения персонажей по поводу того, что стало невозможно найти хорошую прислугу.

Перерождение протестантской морали в «гедонизм» постсовременного общества потребления уничтожает саму возможность дальнейшего развития капиталистической экономики. Эффективную моральную замену трудовой этике протестантизма смогли дать, пожалуй, только китайское и японское общества.

Что касается российского общества, то оно в настоящее время ищет альтернативные источники общественной морали, в том числе и религиозные, вплоть до политики укрепления позиций традиционных религий, разного рода символических жестов в поддержку этноцентричного мышления. Общественная мораль – не тот институт, который можно насадить в течение короткого временного отрезка. Разрушение советской морали, имевшей нерелигиозный характер,

с неизбежностью повлекло за собой необходимость апеллировать к каким-то иным, «глубинным» или «природным» идентичностям, которые, кстати сказать, находятся в серьезном противоречии с либерально-демократической «религией прав человека».

По зрелом размышлении я вынуждена присоединиться к консервативной точке зрения Джона Грея относительно преимуществ толерантности ввиду того, что она, в отличие от рациональных проектов по переустройству мира, не борется с заблуждениями [Грэй, 2003, с. 45–48]. Толерантность как добродетель, свойственная людям, осознающим свое несовершенство, далека от требований по закреплению неких предпочтений с помощью особых прав или привилегий, а также от попыток привить всем некий образ жизни. Она просто позволяет уживаться друг с другом тем людям, которые могут умерить свои требования и терпеливо сносить различия. Политика постсовременной толерантности – это не политика требований по реализации мнимых прав, а практика взаимных уступок и компромиссов в процессе достижения соглашений, подходящих на сегодня, а не на все времена. Однако терпимость возможна лишь там, где присутствует хотя бы минимальный ценностный консенсус по вопросам общественной морали, единство цели в делах общества, которое вполне возможно и без единства убеждений: толерантный субъект, отстаивая свои ценности, считая их «истинными», а убеждения другого – заблуждениями, должен осознавать, что ценности настолько многообразны, что они не могут быть идеально согласованы друг с другом, и оценивать свою истину ниже свободы другого самостоятельно осуществлять свой выбор.

Сегодня быть терпимым – одно из требований общественной морали «цивилизованного» человечества. Воспитанному и образованному индивиду демонстрировать проявления нетерпимости просто неприлично. Но идиллическая картина толерантности нарушается тогда, когда толерантный субъект сталкивается с «истинным» моральным субъектом, с его традиционно замкнутым, целостным и потому нетерпимым моральным сознанием.

Фактор миграции

В рамках неолиберализма практикуется допущение о естественности и неизбежности тех глобальных миграционных тенденций, которые существуют в современном мире [Малахов, 2014]. Для получения возможности развития в каком-то ином качестве, нежели ресурсно-сырьевой придаток Запада, нам необходимо сформулировать альтернативу наличной западной социальной модели, давно утратившей связь с протестантской этикой и ориентированной на мигрантский труд со всем сопутствующим комплексом социальных проблем. Такая задача стоит, прежде всего, для пресечения паразитических настроений. В вопросах, имеющих отношение к проблеме эксплуатации, я во многом солидарна с марксистом Андреем Баллаевым. Однако категорически не принимаю его рассуждений по поводу «проклятья труда» [Баллаев, 2015, с. 336], поскольку полагаю труд наивысшей ценностью в отличие от развращающей праздности. Конечно, это должен быть не отупляющий и изнуряющий труд, а труд достойный и творческий, который, кстати, возможен в любых, даже самых пролетарских специальностях. Но именно труд, а не другие формы самовыражения и самореализации. Используя легальный и нелегальный мигрантский труд, сообщество отвыкает работать, превращается в нацию посредников, перекладывающих реальное исполнение трудовых задач на мигрантов, снимая при этом свою маржу за симуляционные перераспределительные услуги тех средств, которые оно может аккумулировать на глобальном рынке благодаря своим недрам или финансовым институтам, иным конкурентным преимуществам. Такое сообщество становится нацией потребителей. А его главным спутником (поскольку граждане не заняты реальным делом) – скука. Потребителя надо развлекать. Это могут быть как достаточно интеллектуальные развлечения (путешествия, чтение книг, посещение театров и музеев), так и спорт, хобби, вплоть до бессмысленного времяпровождения за просмотром ток-шоу или компьютерными играми, псевдообщения в социальных сетях, деструктивного поведения или наркотиков, различного рода извращений.

Трудовая иммиграция как основной способ воспроизводства трудоспособного поколения не имеет альтернативы только в том случае, если мы заимствуем западную модель, с ее ориентацией на

нетрадиционные семьи и стремлением жить ничем себя не утруждая, в том числе и рождением и воспитанием детей. Общество, остановившее свой выбор на подобной практике, в долгосрочной перспективе обречено. Привлечение трудовых иммигрантов из менее развитых стран выглядит привлекательным только на первый взгляд, а за стремление бизнеса получить готовые рабочие руки, согласные на любые условия труда, за его нежелание стимулировать сограждан к репродукции со всеми социальными гарантиями материнства и детства рано или поздно приходится расплачиваться всем налогоплательщикам. В том числе нести затраты на интеграцию новообращенных членов сообщества и их репродукцию. И привлекать рабочую силу для обслуживания тех, кто ранее въехал в страну в качестве таковой.

Что касается альтернативы, то она есть всегда. Возьмем для примера советский опыт. Многие виды работ выполнялись в форме общественной нагрузки. Все мы помним субботники, а также дежурства по подъезду или классу. Никому и в голову не приходило нанимать для этой цели уборщицу. Жильцы (ученики) в порядке очереди убирали общую территорию. Это в разы понижало желание мусорить и повышало бдительность окружающих в отношении тех, кто этим занимался. В стране, где любой труд почетен, студенту считалось незачем подрабатывать дворником, а не проводить время в ночных клубах. В ходу было привлечение горожан, студентов, школьников на сезонные сельскохозяйственные работы.

Сегодняшняя российская политика в отношении миграции очень напоминает иллюзии по поводу регулятивной функции свободного рынка начала 1990-х, когда начитавшиеся примитивных западных учебников реформаторы гайдаровской команды решили пренебречь трудоемким процессом экономического планирования, понадеявшись на законы спроса и предложения. Отпустим цены, решили они, а свободный рынок сам все отрегулирует! А теперь целый институт штампует печатные труды, пытаясь оправдать и обосновать задним числом те глупости и предательства, которые удалось совершить Е. Гайдару со товарищи. Аналогичный подход сегодня практикуется к миграциям, причем нередко на самом высоком правительственном уровне. Во внутренних миграциях видят тот волшебный инструмент, который непостижимым образом отрегулирует все имеющиеся в государстве диспропорции. Зачем

губернаторам осуществлять стратегическое планирование и развитие регионов? Миграции все отрегулируют! Рабочие руки перетекут из трудоизбыточных регионов в трудодефицитные, надо только изменить подход к институту регистрации населения на более либеральный.

«Стихия рынка» в нашей стране привела к ситуации, когда значимая часть работоспособного населения страны работает вахтовым методом. При этом нередко рушатся семьи, а дети воспитываются, не видя своих родителей. Амбициозная молодежь уезжает из регионов в столицу, где находит работу, оплачиваемую по сравнению с провинцией несопоставимо высоко. Пенсионеры сдают им квартиры и перебираются на дачу (или снимают жилье в ближайших к московскому региону областях), сохраняя все московские льготы и надбавки, превращаясь в рантье. Молодые семьи, отдавая одну зарплату за съём жилья и проживая на вторую, вынуждены отказывать себе в стремлении иметь детей или перекладывать их воспитание на нянь, детские сады и школы (куда иногородним без официальной регистрации невозможно устроить детей, и даже при наличии таковой льготы для многодетных семей на них не распространяются). В итоге этих тенденций Москва превратилась в город, в котором сконцентрированы не только все деньги и люди, но и все автомобили и болезни. Московская власть борется с пробками, строит детские сады, школы и поликлиники, поскольку общероссийская недостаточно развивает малые города и деревни России, иную (несырьевую) структуру экономики, в которой работоспособные могли бы работать рядом с домом, а не тратить на дорогу к рабочему месту и обратно по нескольку часов в день, а подрастающее поколение – расти на чистом воздухе и потреблять свежие продукты питания, произведенные в близлежащем хозяйстве.

Что касается миграций внешних, то я вынуждена напомнить о том, что «братские» народы соседних государств самоопределились и выбрали свою судьбу. Изгнали неугодных, которые «выкачивали богатства» из недр и «съедали сало». Однако этим народам не удалось построить эффективные государства. Более того, вдруг оказалось, что русскоязычные «колонизаторы» не столько грабили, сколько развивали и строили. За это их еще больше надо ненавидеть! По-прежнему жить за их счет, не важно, речь идет о

поставках газа или переводах денежных средств, доходах от продажи собственной продукции на российском рынке и т. д. И при этом ненавидеть все сильнее. Наше государство слишком долго игнорировало эти вопросы, не давало им правовой и политической оценки. Адекватно не реагировало на откровенно русофобские трактовки общей истории, тиражируемые ближайшими соседями. А незарегистрированная миграция из ближайшего зарубежья в это время приобретала чудовищные масштабы. Отчасти это связано с открытыми границами со многими республиками бывшего СССР, отчасти – с неэффективностью и коррупционностью нашего государства на разных уровнях. Вот уже более 20 лет ежедневно из Ташкента, Бишкека, Ашхабада и т. д. приходят поезда, плотно набитые людьми. На пути в Россию они преодолевают множество кордонов: пограничники, таможня, наркоконтроль, миграционная служба, которые не могут или не хотят поставить заслон этому явлению. Контрабанду и наркотики прячут за обшивку поезда, мигранты постепенно рассасываются, выходя в крупных городах. Основная масса доезжает до Москвы. А потом полиция и ФМС отлавливают единицы из них, депортируют за государственный счет... Та же ситуация в аэропортах и на автовокзалах: европейское направление (Молдавия, Украина) предпочитает автобусы, Закавказье – самолеты.

В итоге российские медучреждения переполнены мигрантами и их детьми, что создает проблемы для российского гражданина, желающего воспользоваться медицинскими услугами, в классах сидят дети, плохо говорящие по-русски, что мешает учителям развивать остальных детей, парки забиты толпами празднующейся мигрантской молодежи, малокультурной и агрессивной, что не дает возможности с удовольствием прогуляться в этом парке россиянам. Все вышеперечисленное уже давно не преувеличение. Социальная сфера несет непомерную нагрузку, объем услуг, предоставляемых бесплатно, постоянно сокращается, а их качество неуклонно падает. Роддома Москвы приглашают на работу врачей-акушеров со знанием киргизского языка. Их обсервации заполнены необследованными гражданками Киргизстана и Таджикистана. Еженедельно главврачи роддомов вынуждены вызывать того или иного консула, чтобы его соотечественницы могли отказаться от своих рожденных детей, а те – отправиться на воспитание в российский дом малют-

ки. В случае плановой медицинской помощи и получения образовательных услуг речь идет лишь о тех, кто находится на территории Российской Федерации легально или, несмотря на все сложности, натурализовался. (Экстренная медицинская помощь, естественно, оказывается всем.) Присутствие на территории страны (особенно в крупных городах) огромных масс людей, которых никто не обследует и не лечит, чревато другими серьезными проблемами.

Сегодня бизнес получает сверхприбыли, нанимая нелегальных мигрантов, а завтра всему обществу приходится оплачивать солидные издержки. Ибо человек – это все-таки человек. И если вначале он думает только о том, как бы прокормиться и выжить, то в недалеком будущем ему захочется доступных и понятных развлечений, затем – семьи (или хотя бы полового партнера), в которой у него рождаются дети, достойного отправления религиозного культа и т. д. Как выглядят на сегодня взаимоотношения работодателя с иммигрантами в Москве в сфере ЖКХ, можно проследить на примере такого нехитрого примера. Обильный снегопад, после которого необходимо срочно очистить квартал от завалов снега. Привозят с одной из нелегальных бирж труда большое количество незарегистрированных мигрантов, проводят инструктаж, раздают лопаты. Потом эти люди исчезают... Содержать на постоянной основе какое-то количество дворников, платить «белую» зарплату и выполнять весь объем социальных гарантий, как и покупать современную технику, работодателю представляется накладным. Но люди не могут раствориться в воздухе. Им надо где-то жить, что-то есть и пить. Мигранты из Средней Азии с наступлением тепла группами бредут по центральной России с рюкзаком за плечами и вопросом: «Хозяин, работа есть?» Поставленные на грань выживания, они легко преодолевают хрупкие барьеры законности.

Кстати, вопрос об эффективности труда мигрантов очень спорный. Ибо они очень быстро заражаются всеобщим вирусом праздности. Особенно скоро это происходит в крупных городах, где с любой помойки можно неплохо обуться, одеться и меблироваться. Те же самые люди через очень короткий период времени претендуют уже на совершенно иные стандарты оплаты труда. «Захватывают» целые сферы деятельности, монопольно держат цены и т. д. «Выписывают» родственников и соплеменников, не владеющих русским языком, и, будучи посредниками между ними

и внешним миром, нещадно их эксплуатируют. Я уже не говорю про ухудшение криминогенной обстановки. А бизнес, привыкший к использованию рабского труда, требует новых партий голодных и согласных на любые условия.

Дело, разумеется, не в этническом происхождении окружающих нас людей. А в том, что для комфортного проживания в социуме нужно, чтобы окружающие тебя люди, будь то продавец в магазине или водитель маршрутного такси, были относительно благополучны и культурно адаптированы, находились в едином правовом пространстве, признавали за собой обязанности и соблюдали правила общежития. Трудовые иммигранты живут на территории государства, граждане которого платят налоги и служат в армии, государство по мере своих сил поддерживает законность и правопорядок, а также осуществляет защиту от внешних угроз. Все это никуда не исчезло с появлением трансграничной миграции.

Социальные вопросы встают особенно остро в связи с экономическим кризисом, падением цен на энергоносители, а также той нагрузкой, которую российскому государству пришлось понести, оказывая гуманитарную помощь беженцам из Украины, участвуя в сирийском конфликте. Европа, соглашаясь на дестабилизацию Соединенными Штатами Ближнего и Среднего Востока и Северной Африки, пусть интегрирует беженцев оттуда и дальше плодит теории о неизбежности глобальных миграций. А мы должны понимать, что у каждого явления есть конкретные причины и закономерные последствия. Сегодняшние глобальные миграции – порождение всемирного финансового капитализма. Его стремления жить в кредит, разжигать конфликты на периферии, его безальтернативности. И мы еще помним мир, в котором Советский Союз развивал и прививал Африку, вместо того чтобы превращать ее в полигон для использования бактериологического оружия. Тогда и капиталистический мир вынужден был иметь человеческое лицо.

Заметим, что нация – не просто воображаемая общность, как утверждал Бенедикт Андерсен, а такая, за которую ее граждане должны быть готовы умереть, в противном случае ей придется сойти с исторической сцены. Как замечает Роман Рувинский, процессы эрозии государственности, когда государство становится не способным достаточно эффективно осуществлять элементарные общесоциальные функции (обеспечение правопорядка, безопасности

личности, минимального достатка граждан), ведут в конечном итоге к его разрушению, либо к вынужденному самоустранению из тех или иных сфер управления обществом. В результате отсутствующие или недееспособные государственные институты довольно скоро замещаются иными, негосударственными субъектами, нацеленными на обретение власти в обществе: религиозными движениями, криминальными сообществами, экстремистскими политическими организациями и т. д. С этих пор именно от данных субъектов начинают исходить обязательные к исполнению всеми жителями соответствующих районов социальные нормы, определяющие новый облик общества и векторы его дальнейшего развития. В широкой перспективе такое положение означает возникновение постоянных очагов нестабильности по соседству со вполне дееспособными государствами, рост транснациональной организованной преступности и иные проблемы [Рувинский, 2014, с. 1–11].

Ход истории, как правило, меняет политически активное меньшинство, объединенное на базе мобилизационной идентичности. Основная масса трудовых мигрантов представлена молодыми бессемейными мужчинами, не обладающими ничем, кроме рабочих рук – самым революционным контингентом, имеющим к тому же иную культурную идентичность и четкие фенотипические отличия. Ничего кроме ненависти к принимающему сообществу подвергаемый гиперэксплуатации человек испытывать не может. И эта ненависть рано или поздно выльется на рядовых россиян (пока она явственно прослеживается в статистике преступлений, совершаемых мигрантами из Средней Азии и Закавказья¹⁵, равно как и арабскими иммигрантами в Европе), а не на бизнесменов, получающих сверхприбыль от рабского труда и выводящих капиталы за рубеж, в любой момент имеющих возможность уехать в пригород Лондона или на средиземноморскую виллу. Задача государства – заставить бизнес нанимать сограждан и платить им достойную зарплату, обеспечивать автоматизацию, механизацию и охрану труда. А задача интеллектуалов – не потворствовать сложившейся ситуации, придумывая оправдания статус-кво.

¹⁵ По данным МВД, ежегодно в России 35 тысяч преступлений совершаются иностранцами. Большинство из них относятся к категории тяжких и особо тяжких. Это убийства, изнасилования, нанесение серьезного вреда здоровью человека и многие другие.

Если европейцы не хотят рожать, работать и воевать, значит, они обречены на привлечение иммигрантов, а в конечном итоге – на исчезновение. Полагаю, что россияне как демос имеют полное право на формулирование собственного будущего, в том числе и его культурной составляющей, непосредственно связанной, кстати, и с «этническим балансом». Полагаю также, что они еще способны и рожать, и воевать, и работать. И в соответствии с этим российская власть должна строить свою политику в отношении миграции. Регулировать потоки. Не позволять мигрантам концентрироваться в столице и других крупных городах. Применять их труд на «великих стройках», иных объектах, создаваемых для освоения Сибири и Дальнего Востока. Жестко диктовать свою политическую линию сопредельным государствам, чьи социальные конфликты мы сглаживаем, благодаря тому, что их граждане работают в России и высылают часть своих заработков домой на содержание оставшихся там родственников (причем общая сумма таких переводов нередко сопоставима с бюджетами стран происхождения трудовых мигрантов).

По мнению разработчиков Стратегии-2020, заявленный курс на модернизацию России с необходимостью влечет за собой привлечение мигрантов в качестве рабочей силы (очевидно, символом грядущей модернизации должен стать таджик с лопатой). В то время как для современного строительства и высокотехнологичного производства нужен не просто работник – квалифицированный специалист, с высокой культурой и иным (в том числе экологическим) уровнем мышления.

Гипотеза «постнационалистов» заключается о том, что права гражданина уступили место правам человека, и деградацию партийно-политической системы современного государства они считают достаточным основанием для того, чтобы вопрос о политическом членстве не рассматривать. Между тем чуть более десяти лет назад Сейле Бенхабиб удалось довольно подробно раскрыть остро стоящую со времен Ханны Арендт проблему «прав на гражданские права». Четкое различие, проведенное исследовательницей между правом на въезд и временное пребывание и постоянным пребыванием, а также различными этапами политического включения (от претензии на членство через гражданское инкорпорирование

вплоть до политического членства), обусловлено тем, что концепт обязанностей является неотъемлемой частью любой системы права [Бенхабиб, 2003, с. 83].

Такой же неотъемлемой частью является хотя бы минимальный ценностный консенсус. Причем недавно произошедшая трагедия, когда жертвой няни Гюльчехры Бобокуловой стала ее четырехлетняя воспитанница, актуализировала данную проблему, о которой до поры до времени предпочитали не задумываться. Иммигранты из Таджикистана и Узбекистана пользовались большой популярностью в России при найме на работу все последние годы ввиду их молчаливости и отказа от употребления спиртных напитков. Работодатели никогда не задумывались, о чем думает их исполнительный работник, тогда как именно среди этой категории трудовых мигрантов высока доля приверженцев радикального ислама.

На мой взгляд, нам нужно развиваться совсем по другому пути, нежели тот, что демонстрирует «развитой» Запад, не копировать слепо существующие модели, не кивать, мол, так ведь живет весь мир, а выработать собственные стандарты взаимодействия с явлением миграции. Что же касается западного опыта, то знать его нужно, но в некоторых случаях лишь для того, чтобы отчетливо понимать: это тупиковый путь, которым нам развиваться не следует.

Глава 5. Угроза революции

Революция – коренное, смыслообразующее понятие для многих современных государств на всех континентах. Апологетика революции была свойственна и нашей стране (Великий Октябрь!), получила новый импульс в связи с освободительными антиколониальными движениями после Второй мировой войны. Эта апологетика была искусно подхвачена и использована для легитимации «бархатных революций» 1989–1991 гг., затем трансформировалась в концепт «цветных революций». Много вопросов возникает, если всерьез задуматься, были ли революциями «театральные» [Куренной, 2006, с. 258] бунты «померанцев», «роз» и «тюльпанов», немало сомнений у меня вызывает использование этого концепта в ходе недавней «арабской весны», в отношении праворадикальных переворотов в Европе между мировыми войнами¹⁶ или в сегодняшней Украине...

Что же такое революция? Насильственное изменение существующего общественно-политического строя? Коренная ломка политических институтов, радикальный переворот, смена общественно-экономической формации? Может ли революция быть консервативной или это контрреволюция? Возможна ли революция «сверху»? И так далее.

¹⁶ Так, в частности, Марк Неоклеус в цитируемом в работе источнике использует термин «революция», анализируя трансформации, происходившие в Германии первой трети XX в.: революция, революция I (революция против революции), революция II (революция против революции I).

Чтобы не увязнуть в деталях, нюансах и тонкостях различных определений, я буду отталкиваться от общепринятого современного понимания революции как «*легитимного*» *ниспровержения существующей власти народом-сувереном*» [Капустин, 2010, с. 151]. Данное определение взято из работы Бориса Капустина, поскольку я (как и он) сомневаюсь в возможности сформулировать единую теорию революции, несмотря на огромный пласт работ, классифицирующих те революции, что известны нам из истории, и выделяющих в них некие общие этапы. Цитируемая статья была написана как полемический отклик на коллективную монографию, целиком посвященную избранной тематике [Концепт «революция», 2008], на нее последовал критический ответ [Бляхер, 2010]. Желаящие более подробно вникнуть в суть дискуссий по поводу содержания понятия всегда могут обратиться к этим или другим работам, включающим качественные аналитические обзоры различных теорий революции [Фисун, 2006], предлагающим критическое переосмысление термина [Магун, 2008] и мн. др.

Мне бы хотелось поговорить о революциях именно в таком ключе (как о легитимных ниспровержениях власти суверенным народом), поскольку, на мой взгляд, начиная с исламской революции в Иране становится совершенно невозможным классифицировать революции на буржуазные и социалистические, начиная с 1991 г. – рассуждать о них в русле теории смены общественных формаций. Избранный мною подход сразу изымает из рассмотрения весь пласт «культурных революций» (в СССР, Китае, Иране), государственных переворотов, вроде «Славной революции» в Англии, а также «революций сверху», в особенности таких спорных случаев, когда в качестве революции последовательно трактуются реформы каждого советского лидера, как у Натальи Елисейевой [Елисейева, 2012, с. 132]. Отдельные сомнения у меня остаются в отношении национально-освободительных революций и войн. Полагаю, что начиная с Нидерландской революции, они таковыми, без сомнения, являлись. Начиная с «бархатных», видимо, уже нет (об этом ниже).

Каждый исследователь, рассуждая о понятии, тем не менее, держит в голове некие классические примеры, и я не исключение. Наиболее «подлинными» революциями, исходя из выбранного определения, мне представляются Великая Французская и Русская

революции. Этими примерами оперируют многие фундаментальные труды по теории революции. Классическими, кроме вышеупомянутых, считаются также Английская и Американская революции [Brinton, 1965].

Легитимность ниспровержения

Революции легитимируют «задним числом», и главное, что позволяет это сделать, – общественный консенсус по поводу того, что положение дел накануне революции было нестерпимым, а восстание против существующих порядков – справедливым. Ключевым моментом в данном вопросе является невыполнение элитой своих функций. Любое общество иерархично, социальные блага всегда распределяются неравномерно. Однако порядки, которые возникают, обычно бывают чем-то обусловлены, привилегии – оправданы.

Даже появление такого, казалось бы, вопиюще несправедливого института, как феодальная зависимость крестьян, бывшего причиной множества народных восстаний, вытекало из исторических условий и обстоятельств. Наиболее наглядно это можно продемонстрировать на примере такой классической феодальной страны, как Франция.

Формирование феодально-зависимого крестьянства во Франкском государстве происходило в два этапа. Первый этап длился около 150 лет, до начала VIII в., и затронул в первую очередь не-свободные категории мервингского крестьянства. В зависимых держателях земли превращались главным образом низы галло-римского населения: рабы, вольноотпущенники и колонны. Второй этап пришелся на VIII–IX вв. и привел к феодализации свободного населения, составлявшего костяк населения галло-римских деревень и франкских сел. Для значительной части свободного населения сохранение земельных владений на правах аллодиальной собственности превратилось в сложную задачу или обременительную обязанность. Постепенно происходил внешне добровольный отказ от права собственности на достаточную для самостоятельного хозяйствования землю. Это влекло за собой понижение социального статуса, на которое шли ради освобождения от военной службы

и уклонения от публичных обязанностей при сохранении права пользования прежними наделами. Владимир Колесник подчеркивает, что именно нежелание основной массы франков исполнять гражданские обязанности, непосредственно не связанные с их личным благосостоянием, и стремление переложить заботу о поддержании порядка и безопасности на кого угодно, чтобы освободиться для решения насущных собственных проблем, приводили к социальной деградации свободных (превращению их в феодально-зависимых) крестьян и умножению тех проблем, для решения которых они недалековидно уклонялись от выполнения долга свободного человека [Колесник, 2009, с. 96–98].

Грабительские набеги венгров и норманнов в X в. привели к тому, что Западную Европу охватил процесс строительства замков, приведший к становлению банальной (от германского «бан», право приказывать) сеньории. Она представляла собой округ, в пределах которого сеньор обладал целым комплексом военно-политических и судебно-административных прав. Население округа, даже если оно не находилось в поземельной зависимости от сеньора, было обязано в его пользу различными повинностями и платежами. Произошло выделение новой военно-служилой прослойки – рыцарства, оформление фьефно-вассальной иерархии, а также унификация социального статуса крестьян разного происхождения вследствие их общей зависимости от обладателей бана. В западной средневековой исторической науке этот процесс трактуется как кардинальный общественный перелом под названием «феодалная революция» [там же, с. 114–115].

В различных государствах Европы (а тем более в России) процесс утраты личной свободы крестьянства имел свои особенности, но в целом был обусловлен «разделением труда» (когда одно сословие профессионально воюет, а другое – его кормит), а также неспособностью государств эпохи феодальной раздробленности защитить своих подданных. Этот порядок утрачивает легитимность с развитием торговли и ремесел, в целом товарно-денежных отношений. Оброк и обязательные службы имели естественные пределы эксплуатации, поскольку натуральные продукты быстро портились. Сеньор и его дружинники в таких условиях отличаются от простолюдина, главным образом, количеством потребляемых продуктов питания. Изменение качества жизни элитных слоев об-

щества ведет к коммутации ренты – замене натурального оброка и отработочных повинностей денежными платежами, вследствие чего на плечи крестьян ложится не только производство сельскохозяйственной продукции, но и ее реализация. Главным достоинством еды для элиты становится не обилие, а изысканность, одежда и предметы домашнего обихода становятся все более роскошными. Окончательная делегитимация феодальной зависимости происходит по мере того, как ширится уклонение дворянства от военной службы. Это касается как европейских государств, так и Российской империи. Манифест о вольности дворянской Петра III породил смутные ожидания российского крестьянства, также надевшегося на волю. Обманутые надежды вылились в массовые крестьянские выступления.

Такие выступления лихорадили и Европу, несмотря на то, что процесс личного освобождения крестьян там постепенно происходил. В XVI в. уже основная масса французского крестьянства была представлена цензитариями – лично свободными, обладавшими цензивой (земельным наделом на наследственном, близком к собственническому праву), которые выплачивали своим сеньорам фиксированную ренту (ценз). Им благоприятствовала рыночная конъюнктура роста спроса и цен на сельхозпродукцию, но постоянно возраставшие (в отличие от фиксированных феодальных рент) государственные налоги, нивелировали эту тенденцию [там же, с. 182].

Рост денежной ренты, огораживания общинных земель со стороны землевладельцев, увеличение налогового гнета постепенно централизующегося государства, войны, неурожаи и эпидемии, – в истории причин для крестьянских восстаний всегда хватало. Значимой из них было также личное освобождение крестьян при сохранении права собственности на землю за дворянством (копигольдеры в Англии¹⁷, освобожденные в 1861 г. крепостные в России¹⁸). Такое раскрепощение вкупе с юридическим закрепле-

¹⁷ Фригольдеры – значительная, но гораздо меньшая по численности, чем копигольдеры, категория английского крестьянства – были подобны французским цензитариям.

¹⁸ В российском случае крестьяне формально освобождались с землей, стоимость которой должны были выплатить землевладельцам. Несмотря на ссуды, субсидии, а также то, что выплату значительной части стоимости брала на себя казна, многие крестьяне в результате этой реформы превратились в безнадежных должников, а большая часть земли была сконцентрирована у дворян.

нием земли (на которой крестьяне много поколений трудились) за бывшим господином позволяло собственнику освободить землю от крестьян, если представится возможность ее более выгодного использования, что воспринималось крестьянами как чудовищная несправедливость.

Аналогичная ситуация обстоит и с третьим сословием. Постепенная утрата буржуазией черт прогрессивного производительного класса и приобретение черт класса паразитирующего (финансовая буржуазия) неотвратимо ведет к легитимации антибуржуазных революций. Такая революция не случайно впервые произошла в России, сразу же вслед за буржуазной, несмотря на неразвитость капиталистических отношений, малочисленность пролетариата и т. д. Русский капиталист был паразитом вдвойне из-за сращивания с государством, потому что богател не в «честной» конкурентной борьбе, а благодаря доступу к государственным деньгам, «жирел» на фронтных поставках и т. д. Октябрь 1917 г. состоялся вслед за Февралем по разным причинам: это и наличие реальных практически неразрешимых проблем, и беспомощность Временного правительства. Власть в этот момент действительно «валялась под ногами». Однако удержать эту власть, не получив поддержку со стороны крестьянства – основной массы населения огромной страны – было невозможно.

По мнению Владимира Бабашкина, в течение 40 лет после отмены крепостного права российские помещики окончательно утратили в глазах крестьян моральное право владеть землей. Это произошло из-за их самоустранения из системы «моральной экономики», развития товарно-денежных отношений и вторжения рынка в поземельные отношения (что вступало в резкое противоречие с крестьянским здравым смыслом: земля – божья и тех, кто ее обрабатывает) [Бабашкин, 2012, с. 53].

Вот как описывает структуру «моральной экономики» в патриархальном российском государстве Дмитрий Люкшин. Крестьянские «беспорядки» и мелкие незаконные акты (порубки, потравы и т. п.) он трактует как систему сигналов о нарушении прав общинников и «приглашение к диалогу». «Начальство» в ответ прибегало к аргументам военно-полицейского характера, однако применение подобных мер носило чаще всего демонстрационный характер, а в запасе имелся и набор уступок [Люкшин, 2012, с. 183].

Главные чаяния российских крестьян были четко сформулированы еще в 1905 г. делегатами Всероссийского крестьянского союза, а затем неоднократно повторялись в виде наказов депутатам I и II Государственной Думы: «Вся земля должна принадлежать крестьянам на началах уравнительного общинного владения; чиновничество всех уровней должно быть выборным на основе всеобщего избирательного права; органы местной власти должны на основе центрального финансирования и самофинансирования располагать широкими полномочиями в земельном вопросе, сфере образования и здравоохранения» [Бабашкин, 2012, с. 45–46].

После Февральской революции Временное правительство ликвидировало корпус жандармов, департамент полиции и институты полицейского сыска. Незаконные акты (в том числе черный передел земли, который шел по всей стране полным ходом) стали оставаться без последствий, благодаря чему считались как бы санкционированными властью. Крестьяне не спеша поделили землю, в том числе с помощью органов местного самоуправления, а большевики только узаконили этот процесс декретом «О земле».

Версию о незаслуженной элитарности российской политической элиты накануне Русской революции подтверждает и фундаментальная работа Игоря Пантина, обосновывающая историческую обусловленность революционного процесса в Российской империи в 1905–1917 гг. В ней подробно проанализированы социально-экономические предпосылки развития революционных идей и распространения революционных настроений, а также неспособность правящего класса адекватно реагировать на возникающие вызовы и провести нужные реформы [Пантин, 2015].

К сожалению, аналогичную ситуацию мы наблюдаем в России и сегодня. Поднимая вопрос о легитимации в общественном сознании той трансформации нашего государства 1991 г., что нередко именуют «либерально-демократической» революцией¹⁹, с уверенностью можно констатировать, что с принятием и оправданием этого процесса в общественном сознании существуют большие проблемы. Либерализация экономики проходила на фоне разоблачения неэффективности плановой. Другим катализатором недовольства были преференции советской элиты. Сегодня эти

¹⁹ Виталий Куренной в цитируемом источнике называет ее «контрреволюцией».

аргументы уже не кажутся основательными на фоне сращивания бизнеса с государством. Однако в тот момент (1989–1991 гг.) смешные по нынешним временам привилегии советской элиты действительно до крайности возмущали народ. Ибо преференции партийных работников были справедливы лишь до тех пор, пока они действительно «сгорали на работе» и могли в любую минуту поплатиться за недолжное исполнение своих обязанностей жизнью или тюремным сроком.

Итак, главное, что делает ниспровержение существующей власти легитимным, – это то, что привилегированный класс перестает выполнять свои функции в обществе. Иногда последующие события показывают, что на самом деле предреволюционная ситуация была отнюдь не критической, при этом ключевым является не действительное положение дел, а общая убежденность в «незаслуженной» элитарности тех, кто обладает привилегиями. (Что на сегодня безусловно присутствует в России.)

Причем по мере удаления во времени от первых современных революционных «образцов» этот тренд усиливается, а «внешнее» участие и раскачивание ситуации становится все более очевидным. Последнее подтверждают и теоретики революции, именуя такое влияние «международным давлением» [Фисун, 2006, с. 220].

Революция как ценность

Замечание Бориса Капустина о том, что невозможно анализировать понятие революции в отрыве от категории свободы, мне представляется совершенно справедливым [Капустин, 2010, с. 147–148]. Однако свобода – ключевая ценность западного общества, и отнюдь не является таковой в иных, нелиберальных культурах. Особенно выпукло трагедия ценностного разрыва видна на примере «арабской весны», хотя просматривается и в иных ситуациях (в том числе в многострадальном российском обществе). Кроме того, причиной современных революций нередко становится не отсутствие, а обилие свободы и определенный уровень сытости.

Накануне «арабской весны» на Ближнем Востоке и в Северной Африке не было экономической стагнации, экономики большинства арабских стран развивались динамичными темпами (особен-

но в сопоставлении со странами Запада). Доля населения, живущего в крайней бедности, была чрезвычайно мала и вполне сопоставима с соответствующей долей таких стран, как Эстония или Словения. Даже в беднейшем государстве региона – Йемене – уровень крайней нищеты накануне «арабской весны» был сопоставим с таковым в КНР и почти в три раза ниже, чем в Индии. Не было и голода: по нормам потребления практически все арабские страны (за исключением Йемена) уже давно вышли на уровень переедания. Социально-экономическое неравенство по меркам третьего мира также не было вопиющим. Нельзя винить в случившемся и высокий уровень коррупции. Первой жертвой «арабской весны» стал Тунис, который накануне революции был даже несколько менее коррумпирован, чем Италия. Уровень безработицы также был не слишком высок и имел тенденцию к снижению. В Египте он был даже несколько ниже, чем в США и ЕС. Однако умеренный уровень общей безработицы сочетался с катастрофически высоким уровнем безработицы в молодежной среде [Эксперт, 2012].

Падение детской смертности в арабском мире в 1970–1990-е гг. вследствие развития медицины вкупе с запоздалым снижением рождаемости привело к резкому росту в составе взрослого населения доли молодежи, которая, как известно, является главной движущей силой революционных движений. Немаловажную роль сыграли также высокий уровень образования арабской молодежи, ее концентрация в столицах, активное общение в социальных сетях, стремление жить по западным стандартам и вера в западные ценности. Это причудливое сочетание – с одной стороны, усвоение западных ценностей: свобода, демократия, права человека, а с другой стороны – подчеркнуто арабская и исламская идентичность, – породило такие же причудливые последствия. Хотя, разумеется, успех антиправительственных выступлений в Тунисе, Египте и Ливии, а также отставка Али Абдаллы Салеха в Йемене не были бы возможны без явного конфликта внутри правящих элит; разрушение цветущего ливийского государства и провокация гражданской войны в Сирии – без слегка закамуфлированной внешней военной поддержки повстанцев.

Арабский опыт имеет к нашей стране самое непосредственное отношение, т. к. проблема трудоустройства образованной молодежи стоит в России в условиях экономического кризиса достаточно

остро. Между тем на высшем уровне принимается абсурдное решение о повышении пенсионного возраста для госслужащих, которое существенно сокращает возможности трудоустройства для выпускников вузов и провоцирует протестные настроения.

Итоги «арабской весны» таковы, что она скорее усугубила ситуацию в регионе, нежели решила задачи, стоящие на повестке дня. Главным ее результатом стала исламизация социально-политической жизни вполне демократическим путем, возврат к традиционному племенному укладу, угроза территориальной целостности ряда арабских государств, экономическая стагнация, усугубление ситуации с безработицей, вооруженные конфликты. Выяснилось, что такой локомотив арабских экономик, как туризм, мог процветать только при определенной «жесткости» и светскости египетского и тунисского режимов. Главное завоевание – отстранение от власти наиболее коррумпированных кланов – на общем фоне социально-экономических проблем, местами доходящих до уровня гуманитарной катастрофы, выглядит не очень значительным. Все это неминуемо должно привести к радикализации политической жизни арабских государств, которых коснулась «весна». Перед умеренными исламистами в новых правительствах стояли поистине неподъемные задачи, решить которые в краткосрочном периоде было заведомо невозможно. Это привело к поляризации населения: часть общества стала требовать более последовательной исламизации, часть – захотела возврата к светским государственным проектам. Скорее всего, альтернативой радикальным исламистам являются в сложившейся ситуации лишь военные диктатуры и авторитарные режимы. О демократизации региона в ближайшем будущем говорить вряд ли придется, а вот завоевания последних десятилетий уже потеряны.

Причем, как показали последующие события, постреволюционная радикализация политической жизни имеет отношение не только к Востоку. «Революция достоинства» на Украине привела к установлению там праворадикального режима и гражданской войне и заставила вспомнить очевидные и хорошо известные нам из истории последствия любой революции.

Следствие 1. Революция – это кровь. Практически всегда. И неисчислимы бедствия. Поскольку в ходе нее разрушаются существующие государственно-политические институты с тем, что-

бы создать новый порядок. Однако прежде чем начнут работать новые структуры власти, наступает хаос. Устанавливать новый порядок приходится путем террора, репрессий, ценой гражданской войны... Более того, не факт, что он вообще установится. Как справедливо замечает Владлен Логинов, «великая историческая заслуга» большевиков заключается в том, что им удалось «собрать уже развалившуюся по частям страну» [Логинов, 2008–2009, с. 225]. Я бы добавила, что это большая историческая случайность, для реализации которой понадобилось немало далеко не гуманных средств. На самом деле «бархатных» революций, как правило, не бывает! Якобы «мирный развод» советских республик вылился в гражданскую войну в Таджикистане, грузино-абхазские и грузино-юго-осетинские войны, Нагорный Карабах, Приднестровье, Чечню, теперь вот – Украину. Югославия трансформировалась в национальные европейские государства ценой кровопролитной войны при активных внешних бомбардировках.

Ливия накануне «арабской весны» была одним из самых удачных арабских проектов. Ливийцы получали серьезные пособия от государства, имели возможность работать, учиться, строить жизнь. Желание обрести политические свободы (а возможны ли они в стране, раздираемой шейхами?!) привело к тому, что сегодня они обрели развалившееся государство, исчезновение всяких пособий и субсидий, отсутствие законов и порядка. Центральное правительство не имеет реальной власти, в стране идет война городов, племенные ополчения ведут между собой бои за еще не разрушенные активы.

Следствие 2. Революция пожирает своих детей (Дантон). Трагедия революционно настроенной русской интеллигенции, которой пришлось погибнуть или покинуть родину, первых большевиков, многие из которых были репрессированы, к сожалению, не была усвоена российскими протестными группами на Болотной площади. По сути дела – сытыми бездельниками, которые не знают, что такое в действительности работать. Просиживающими штаны и юбки в офисах, треплющимися в Интернете. Теми, кто за совершенно никчемную деятельность, вроде пиара и прочего «креатива», получает сумасшедшие зарплаты, не представляет того, как на самом деле живет остальная страна, и не понимает, что в случае падения режима они будут первыми, кому придет-

ся испить чашу народного гнева. Не считая того, что всякая революция выносит на поверхность много человеческого мусора, а то и откровенно криминальных элементов. Рано или поздно новому правительству приходится наводить порядок отнюдь не либерально-правовыми методами. Страдают нередко и невинные люди, которые искренне стремились к свободе, не понимая, что, если свершится подлинная революция, им, скорее всего, придется погибнуть, эмигрировать, в лучшем случае – надеть ватник и отправиться на лесоповал.

Наиболее прогрессивные и просвещенные, либерально и революционно настроенные группы, в том числе и искренне недовольные российскими порядками, недостатком свободы и демократии, на протяжении всей нашей истории не принимают во внимание, что эти неевропейские порядки – сущностное условие возможности их самих вести «европейский» образ жизни. А для того, чтобы изменилось положение многих, интеллектуальной, политической и бизнес-элите нужно практиковать совершенно иные стандарты самоограничения.

Следствие 3. Чужие ценности + родная «почва» =? В западном мире есть реальные проблемы (и немало!), есть недовольство масс, есть и борьба кланов, которые эти массы рекрутируют. Но решающую роль играет уже не незаслуженная элитарность элиты, а внешнее давление, даже если оно проявляется только в насаждении западных ценностей в западном обществе.

Восточные политики, идущие на поводу у Запада, в таком случае становятся заложниками ситуации, как это было с иранским шахом Мохаммедом Реза Пехлеви во время Исламской революции 1979 г. Одной из главных причин народного недовольства шахом была его прозападная политика. Но западные ценности (главная из которых – свобода) не позволили развитым демократиям (прежде всего, США) прийти на помощь своему союзнику, когда его отстранили от власти.

Опасность возвеличивания революции заключается в том, что свобода, которая, безусловно, ценность, все-таки ценность не безусловная. Свержение даже довольно мягких и социально-ориентированных восточных авторитаризмов происходит под лозунгом нарушения прав человека. Но когда некоторая политическая несвобода при относительно социально-экономическом благополучии (а

в Ливии – так довольно высоко) сменяется анархией, произволом командиров бандформирований, прочими бедами и жестокостями гражданской войны... Или не только гражданской, а с добавлением внешних бомбардировок, как это было в Афганистане, Югославии, Ираке, Ливии, Сирии... В этой ситуации на первый план выходят такие ценности, как жизнь, государство. В российской истории не случайно ценность государства всегда была крайне высока – это был единственный способ сохранения жизни. На фоне таких размышлений возрастает роль «неудавшихся» революций, подобных «Весне народов» 1848–1849 гг. (когда институты не разрушены, а те реформы, которые назрели в обществе, в дальнейшем проведены правящим классом).

Следствие 4. Архаизация постреволюционного общества. Ранние революции, как правило, были связаны с реформацией религиозного сознания (Нидерланды, Англия). Церковь в этих случаях разрушалась как институт государства и возникала как институт гражданского общества. Последующие революции практиковали секуляризацию общественной жизни (Франция, Россия). И вакуум, образовавшийся после «ухода» церкви, заполнял мистицизм.

Как отмечает Владислав Аксенов, в условиях ликвидации цензурных ограничений между Февралем и Октябрем 1917 г., произошла мистификация общественного сознания, которая вылилась в распространение демонизма, мистических сюжетов и сатанинской тематики. Русская революция и связанный с ней религиозный кризис объективно способствовали росту оккультных обществ. В печати появилось огромное количество рекламы и адресов гадалок, целителей и пр. [Аксенов, 2012, с. 32–33].

Аналогичный процесс российское общество пережило в 1990-е гг., после отмены коммунистической идеологии, выполнявшей некоторое время роль светской религии в нашей стране. Преодолеть огульную хиромантию, поставить хоть какой-то заслон западным и восточным тоталитарным сектам удалось только с помощью укрепления позиций традиционных религий.

Поражение в Первой мировой войне, разочарование в итогах революции 1918–1919 гг. привело к появлению в интеллектуальной сфере Германии такого идейно-политического движения, как «консервативная революция» (А. Меллер ван ден Брук, Э. Юнг, Х. Фрейер, К. Шмитт, Э. Юнгер, О. Шпенглер и др.). Идеи консервативной

революции, радикализованные и примененные на практике, внесли немалую лепту в подготовку установления нацистского режима [Neocleous, 1997, p. 57]. И хотя Марк Неоклеус называет фашизм «реакционным модернизмом», в гуманитарном плане в нем налицо отказ от христианских ценностей и откат к варварству.

Попытка модернизации во время революции уже в обозримом будущем может обернуться архаизацией, в лучшем случае – традиционализацией общества. Не удивительно, что на Ближнем Востоке и в Северной Африке после «арабской весны» идет активная исламизация, в том числе с укреплением позиций радикальных сект, вроде ваххабизма. Вот почему присущий термину ореол возвышенной и прогрессивной семантики, способствующий легитимации итогов революции, по меньшей мере, не всегда бывает оправданным.

Итак, на мой взгляд, революция и свобода не могут сегодня рассматриваться в качестве абсолютных ценностей. Даже сама по себе революционная апологетика – вещь довольно опасная. Так, революционная риторика М.С. Горбачева постепенно привела к тому, что в стране действительно свершилась смена общественно-политического строя. Большую роль в этом сыграло возвеличивание героических образов Октябрьской и Великой Французской революции. Хотя советские обществоведы, понимая, что приравнивание перестройки к революции происходит явно не по Марксу, пытались обосновать реформы как «революцию сверху», т. е. глубокие преобразования, проводимые руководством страны (подобно реформам Петра I, Александра II, О. Бисмарка и т. д.), однако сформулировать убедительной мировоззренческой концепции им не удалось, как и противопоставить ее «линии партии». Итог «заклинания революции» в СССР в конце 1980-х гг. известен: расчленение и разграбление страны, утрата имеющегося военного, научного и хозяйственного потенциала, социальная деградация, обнищание населения, вооруженные конфликты...

Цветные революции как примета времени

Общим для многих цветных революций не только на постсоветском пространстве является то, что путем массовых протестов можно изменить результаты голосования, радикально настроенное

агрессивное меньшинство может позволить себе не считаться с волей большинства избирателей. У такого развития событий есть, по крайней мере, одна положительная сторона: благодаря угрозе «цветной» революции власть должна понимать, что есть предел избирательным фальсификациям! Главным деструктивным следствием таких переворотов является угроза перманентной нестабильности, ибо всегда существует сторона, недовольная итогами выборов, а у нее – соблазн объявить их сфальсифицированными.

Внешний фактор не всегда играл в революциях значимую роль. Что касается Английской и Нидерландской революций – они были сугубо внутренним делом, хотя, безусловно, повлияли на умы во всем мире. Как только свершилась Великая Французская и Американская революции – они сразу же стали вдохновляющим примером для борьбы за освобождение угнетенных во всем мире. Во время «Весны народов» 1848–1849 гг. революция распространилась по Европе, по выражению Эрика Хобсбаума, «подобно лесному пожару» [Хобсбаум, 1999, с. 16], и даже сказалась в Латинской Америке.

Что касается Русской революции... Можно сказать, она была первой – при активном участии внешних сил. В 1917 г. возникла реальная угроза существенного усиления геополитических позиций России. Избежать этого можно было только путем ее разрушения. Помогая прийти к власти новым силам, как противник (Германия), так и союзники (Англия и Франция) получали возможность манипуляции ими.

Разумеется, готовые к дворцовому перевороту силы существовали (высший генералитет, руководство октябристов и кадетов, часть высшей буржуазии и даже члены царской семьи), их нужно было только поддержать и направить. Однако участие в Февральском перевороте 1917 г. в России английских, французских и германских агентов влияния – несомненно.

В эпоху «холодной войны» внешнюю поддержку революционных движений никто уже почти и не скрывал. СССР поддерживал национально-освободительные восстания с «социалистическим» уклоном, США – с «либерально-демократическим». Внешнее участие последних в «бархатных» революциях и распаде Советского Союза – очевидно, причем в случае с СССР и Югославией ставка была сделана именно на этнический фактор. А трансформация оказа-

лась отнюдь не бескровной. Итог других, действительно бархатных, революций: долгосрочное падение производства, ухудшение инвестиционного климата, постоянная ротация элит, сопровождаемая многократным перераспределением и разграблением ресурсов и активов, утрата доверия масс к демократическим процедурам, десувенизация страны, попадание ее в полную зависимость от западных грантов и кредитов, установление режима управляемой демократии. В Чехии и Польше, где население протестовало против установки на территории стран элементов американской ПРО, правительства, тем не менее, исправно выполняли указания заокеанских патронов.

Нынешние «цветные» революции – это уже почти сплошь инспирированные акции, в которых используется народный гнев (и народная кровь). Хотя масштаб события не позволяет гарантировать точное достижение запланированного результата. Однако *если революция – акция по установлению внешнего управления через приведение к власти марионеточного правительства – она априори направлена против интересов народа. В этом случае мы имеем дело с прямой подменой понятия революции, поскольку суверенность народу обеспечивает национальное государство и национальное правительство.* Значимую роль для успеха подобных проектов играет угроза наказания со стороны международного сообщества: страх перед расправой у себя на родине или перед международным уголовным судом в Гааге отбивает у президентов решимость идти на применение «чрезмерной силы» для подавления беспорядков. Возможно, что Аскар Акаев в 2005 г., Курманбек Бакиев в 2010-м или Виктор Янукович в 2014-м не стали жестко подавлять бунтовщиков, помня о судьбе Саддама Хусейна, Слободана Милошевича, Муаммара Каддафи. Не случайно Акаев и Янукович после своего свержения укрылись в России, а Бакиев – в Беларуси. Видимо, на карте мира нет других государств, где они могли бы чувствовать себя в относительной безопасности.

Итак, под видом революции нам преподносят любые попытки смены власти, вплоть до борьбы субэтнических кланов (как в Киргизии) или олигархических групп (как в Украине), банальных дворцовых переворотов. Хотя подлинной революцией сегодня могла бы считаться, наверное, только попытка сломать мировой порядок во главе с США и уничтожить господство интернациональной буржуазии.

И хотя для молодых филологов употребление термина «революция» в отношении «цветных революций» кажется вполне оправданным (так, например, Мария Будина пытается решить проблему, выделяя «классический» и «современный» подходы к определению понятия [Будина, 2015]), я полагаю, что с точки зрения политологии никак нельзя называть революцией внешне спланированную акцию! Исключая, может быть, случай, когда ход ее вышел из-под контроля организаторов-проектировщиков.

Итак, на мой взгляд, существуют как минимум две причины исчерпанности понятия революция. Первая – многозначность (по Капустину – поливалентность, видимо, по аналогии с амбивалентностью), которая не смущает теоретиков, однако на уровне политических практик приводит к тому, что революцией начинают называть даже переход власти от одних олигархов другим, как это было во время украинской оранжевой революции.

Вторая причина – шлейф возвышенной семантики, тянущийся за понятием, позволяющий легитимировать любое незаконное свержение власти, в том числе и отнюдь не в интересах «суверенного народа».

Концепт революции в том виде, в котором мы привыкли его воспринимать – внутри национального государства, как борьба национальной буржуазии или пролетариата против существующих институтов господства и подчинения, исчерпал себя. По мнению Виталия Куренного, это случилось потому, что современная капиталистическая система «вобрала революционность как момент своего существования» [Куренной, 2006, с. 246, 254]. С моей точки зрения, дело все-таки в том, что в современном мире радикально изменились структуры подавления и угнетения, и сегодня мы имеем дело с иным господством, глобального свойства, вследствие чего понятие революции (как легитимное ниспровержение власти народом-сувереном) состоит из сплошных фикций.

И когда мы начинаем разбирать конкретные случаи, то обнаруживаем, что, во-первых, народ – не народ, ни в гражданском, ни в этническом смысле, и даже самоопределившись последним образом, он продолжает и дальше дробиться на племенные группы. Во-вторых, он – не суверен, ибо его соблазняют, подталкивают, им манипулируют. В-третьих, вроде бы вполне легитимное ниспровержение власти (ибо элита плохо выполняла свои функции в

обществе) задним числом может оказаться нелегитимным, прежний «репрессивный» порядок может показаться вполне справедливым, а запросы бунтовщиков – неоправданно завышенными. В-четвертых, может статься, что бунт направлен не на того, кого следует, поскольку правительство реальной властью не обладает, а подконтрольно международному капиталу и т. д. Вот и получается, что революция хороша только как угроза для того, чтобы сподвигнуть власть на реформы и удержать от слишком масштабных избирательных фальсификаций. Казалось бы, в таком случае предпочтительнее всего – неудавшиеся революции. Но зачастую правительство сегодня боится не народного гнева, а недовольства мирового гегемона, для которого «революция» – лишь способ замены «национальной» элиты на более подконтрольную. Вот почему, на мой взгляд, понятие революции превратилось в симулякр. Используя его в настоящее время, особенно в отношении переворотов, организованных или спровоцированных в том или ином государстве внешними силами, мы участвуем в производстве заимствованной фиктивной смысловой реальности. Западный человек, живя в мире своих фикций, чувствует себя вполне комфортно, западный, импортируя чуждые ему клише, нередко разрушает собственную идентичность (как это произошло с «тоталитаризмом» в нашей стране).

Вот почему применительно к революции мне близко оригинальное переосмысление мир-системного подхода Иммануила Валлерстайна, предложенное молодым автором Ильей Купряшкиным, включая некоторые романтические утверждения, вроде «грядущая социалистическая революция – единственно возможная» [Купряшкин, 2012, с. 132]. Время «подлинных» революций, с которыми мы привыкли иметь дело, видимо, все-таки ушло в небытие (что не исключает массовых народных выступлений). Произошло это в том числе и вследствие захвата средств массовой информации глобальными медийными магнатами и превращению их в средства массовой дезинформации. Вот почему революция и связанные с ней освобождение, а также слом сложившихся структур угнетения глобального порядка будут, по-видимому, иметь совсем иные формы и проявления, нежели мы привыкли себе представлять. Вполне вероятно, что его движущей силой будут сами национальные государства, сохранившие определенную степень сувере-

нитета, к чему призывает, например, Сергей Глазьев. Ему этот процесс представляется осуществимым через создание антивоенной коалиции стран с позитивной программой устройства мировой финансово-экономической архитектуры на принципах взаимной выгоды, справедливости и уважения национального суверенитета [Глазьев, 2014, web]. Возможно, национальные государства будут действовать в союзе с трансграничными структурами гражданского общества, неподконтрольными аффилированным с глобальным гегемоном финансовым структурам. Глазьев видит перспективы в борьбе за будущее мироустройство в сотрудничестве с религиозными, антифашистскими и гуманитарными организациями, мировым экспертным и научным сообществом. Как это будет происходить, покажет время... Осталось решить только один вопрос: как, избегнув революционных потрясений и разрушений внутри государства, вынудить правительства быть национальными?

Глава 6. Упущенные возможности

В 60–70-е гг. XX в. в рамках одной из политико-философских школ произошло практически полное переосмысление традиционного понятия политики, породившее одну из принципиально новых трактовок данной категории. Автором-вдохновителем данного понимания стал фрейдомарксист и (невольный) идеолог «новых левых» Герберт Маркузе, а его «программными» произведениями: «Эрос и цивилизация. Философское исследование учения Фрейда» (1955), «Советский марксизм» (1958), «Одномерный человек: Исследования по идеологии развитого индустриального общества» (1964), «Конец утопии» (1967), «Психоанализ и политика» (1968), «Опыт об освобождении» (1969).

В XX в. на стыке двух влиятельных учений – неомарксизма и неофрейдизма – работали многие яркие авторы. В их числе Вильгельм Райх, Эрих Фромм, которые, впрочем, в большей, нежели Маркузе, степени тяготели к психоанализу. Маркузе, все-таки, в первую очередь марксист-экзистенциалист, хотя и активно оперировавший базовыми фрейдистскими категориями (эрос, либидо, бессознательное и пр.). Эти категории помогли ему обнаружить новую форму репрессии, исподволь установленную в индустриальном мире, несмотря на исчезновение прежних форм социального и классового подавления. Осознание репрессивности современного общества и борьба против удушения им жизненных инстинктов человека были возведены Маркузе в ранг политической борьбы.

Утрата политического

Понятие политического не случайно подверглось сущностному пересмотру в период холодной войны между двумя противоборствующими системами. С одной стороны, биполярная конфигурация Ялтинско-Потсдамской системы международных отношений радикально политизировала мир, провозглашая в качестве повестки дня борьбу с идеологическим противником. Оба лагеря находились в постоянном напряжении: международные отношения трактовались как «игра с нулевой суммой», в которой каждое «достижение» антагониста автоматически воспринималось в качестве собственного поражения. Соразмерность военных потенциалов глобальных противников – СССР и США – заставляла их политические элиты воздерживаться от прямой конфронтации, и ни один из политических кризисов эпохи противостояния двух систем (Берлинский, Суэцкий, Карибский, Конголезский и пр.) так и не перерос в «большую войну». Гегемоны «выясняли отношения» на периферии: военные конфликты при экономической, финансовой, военной и организационной поддержке или прямом участии лидеров соперничающих систем постоянно сотрясали мир после окончания Второй мировой войны вплоть до исчезновения Советского Союза с политической карты мира. События в Корее и Афганистане, во Вьетнаме и Черной Африке, на Кубе и Ближнем Востоке не сходили со страниц периодической печати, пропагандистские машины обеих систем окрашивали факты в нужные тона и оттенки прямо противоположных цветов. Газетные передовицы носили ярко выраженный международный характер. В СССР выступление руководителей разного уровня по хозяйственным или организационным вопросам нередко начиналось с «доклада о международной обстановке», на предприятиях, в вузах и школах проводились регулярные «политинформации», пионеры и комсомольцы организованно протестовали против сегрегации негров или собирали подписи за освобождение узников тюрем чилийского диктатора Пиночета. В США пропаганда имела более «товарный» вид, интегрировалась в кинопродукцию и шоу-программы. Средства массовой информации, выдавая частные интересы за интересы всех разумных людей, низводили политические потребности общества до индивидуальных устремлений, удовлетворение которых служи-

ло развитию бизнеса. Но сама развитая индустриальная цивилизация, в которой отсутствовало пространство для самоопределения, оставалась при этом, по определению Маркузе, царством комфортабельной демократической несвободы.

«Одномерное мышление»²⁰ систематически насаждалось «изготовителями политики» в средствах массовой информации. Универсальный язык внедрялся посредством самодвижущихся гипотез, которые, непрерывно повторяясь, превращались в гипнотически действующие формулы и предписания. На Западе «свободными» объявлялись те институты, которые действовали в «Свободном Мире», остальные формы свободы были записаны по определению в разряд анархизма, коммунизма или пропаганды. Любые посягательства на частное предпринимательство (система всеобщего здравоохранения, защита природы от бизнеса или учреждение общественных услуг, чреватых ущербом для частных прибылей) провозглашались «социалистическими». Подобная же тоталитарная логика имела место и на Востоке, где свобода была провозглашена образом жизни, установленным коммунистической партией, в то время как все остальные трансцендентные формы свободы объявлялись либо капиталистическими, либо ревизионистскими, либо левым сектантством. И в том, и в другом лагере оппозиционные идеи воспринимались как подрывные и изымались из обращения.

«Грохочут ракеты, ожидают своей очереди нейтронные бомбы, летят космические корабли, а проблема состоит в том, “как сберечь нацию и свободный мир”», – иронизировал Маркузе [Маркузе, 1994, с. 105]. Ради «расширения пространства свободы» на «окраинах цивилизованного мира» нормой становится применение пытки. Но поскольку война опустошала только «слаборазвитые» страны, политическая совесть цивилизованных граждан оставалась не потревоженной. Искалеченные противопехотными минами мирные жители, выжженные напалмом деревни во Вьетнаме вместе с их населением от мала до велика, – таковы последствия военного присутствия в Индокитае США – недавнего участника антигитлеровской коалиции. Главный победитель фашизма – СССР – также принимал активное участие в этом театре абсурда: подавление венгерского восстания, танки Организации Варшавского договора

²⁰ Способ мышления, в котором утрачено социально-критическое отношение к обществу.

на улицах Праги и другие меры по удержанию контроля над своей сферой влияния и ее расширению, – все эти действия тоже, в конечном итоге, были направлены на «защиту свободного мира».

Отметим, что Соединенные Штаты были более последовательны в сложившемся противостоянии. Вектор советской международной политики был существенно скорректирован уже Никитой Хрущевым (вместо «всемирной победы пролетарской революции» была провозглашена возможность «мирного сосуществования двух систем»), в то время как влияние доктрины Трумэна и политики сдерживания сохраняется в США до сих пор, и современная Россия с точки зрения возможности партнерских отношений с ней, по мнению американских экспертов и политиков, все еще является недостаточно демократичным государством.

В то же время на фоне роста общей озабоченности международной обстановкой существенно снижалось реальное участие граждан в политике как в «империалистическом лагере», так и в странах социализма советского типа, хотя механизмы данного процесса различались весьма существенно. И если тоталитарный характер командно-административной системы Маркузе и современной ему читающей публикой признавался *a priori*, тоталитарность индустриально развитого либерализма была философом подробно и аргументированно доказана.

Основные упреки, выдвинутые западной демократии представителем Франкфуртской школы, сводятся к тому, что в либеральном обществе середины XX в. пропадают субъекты политики. Ранее одна из главных либеральных ценностей – толерантность – служила защитой силам освобождения. Однако в изменившихся условиях, по наблюдению Маркузе, политическая борьба уступила место политическим технологиям. Общество, претендующее на статус терпимого, вытеснило реальных политических оппонентов за границы дозволенного, превращая толерантность в апологетику статус-кво и идеологию подавления. В таком обществе неизбежно наступает утрата реальной политики, политические процессы приобретают черты бессубъектности, безальтернативности и политической однородности.

В традиционном марксизме роль преобразователя социальной системы была закреплена за пролетариатом. Однако рост уровня жизни (в том числе и среди рабочего класса в промышленно разви-

тых странах Запада) привел к исчезновению прежних социальных противоречий и сделал нецелесообразным сопротивление системе. Идеи оппозиционности потеряли смысл, поскольку либеральное общество встроило их в свое функционирование, став в итоге тоталитарным (Маркузе понимал под этим термином экономическое координирование поведения путем формирования ложных потребностей). А при любом тоталитаризме, независимо от его природы (политической или экономической) индивид лишен онтологической и моральной основы для развития своей автономии. Он лишь исполняет предустановленные функции и желает того, что ему положено желать.

Поэтому Маркузе интересовала «проблема создания возможности такой гармонии между свободными индивидуумами», которая заключается в «создании общества, где человек больше не является рабом институтов, изначально делающих самоопределение неэффективным. Другими словами, свободу все еще нужно создать, даже для самых свободных из существующих обществ» [Marcuse, 1969, p. 103].

Единство противоположностей

Отвечая на вопрос, почему происходит «грандиозная унификация» двух различных систем, мыслитель сделал ряд радикальных выводов. С его точки зрения, технологический прогресс, который, казалось бы, должен был привести к освобождению индивида, на самом деле еще больше поработил его. Виной тому стали: потребительское отношение к природе, превращение либеральной демократии в «общество благоденствия», стимулирующее безграничное потребление, и победа рациональности. Рациональность в мышлении, согласно Маркузе, имеет и отрицательную сторону: концентрационные лагеря, массовое истребление людей, мировые войны и атомные бомбы вовсе не «рецидив варварства», а реализация достижений современной науки, технологии и власти. В условиях развитого индустриального общества удовлетворение потребностей всегда связано с разрушением. «Господство над природой идет рука об руку с изнасилованием природы; поиск новых источников энергии связан с отравлением окружающей среды;

безопасность связана с рабством; национальные интересы соединены с мировой экспансией; технический прогресс соединяется с прогрессирующей манипуляцией и контролем над людьми» [Маркузе, 1977, web].

Классовые конфликты, существовавшие на Западе, частично претерпели модификацию, а частично нашли свое разрешение под двойным (и взаимозависимым) влиянием технического прогресса и международного коммунистического движения. План Маршалла, благодаря которому была в кратчайшие сроки восстановлена разрушенная Второй мировой войной Европа, позволил США избежать присущих нерегулируемой капиталистической экономике кризисов перепроизводства. Мобилизованное против угрозы извне капиталистическое общество стало стимулировать производство и трудовую занятость, тем самым поддерживая высокий уровень жизни, а военно-ядерный комплекс обеспечил миллионы рабочих мест посредством государственных заказов на вооружение.

Социализм советского типа, в свою очередь, позволил существенно повысить и поддерживать на достаточном уровне жизненный уровень все большей части населения, несмотря то, что значительный ресурсный потенциал подлежал отвлечению на расширение производства «средств разрушения». Плановое хозяйство способствовало эффективному распределению продуктов производства. Советская индустриализация, вынужденно осуществленная в кратчайшие сроки, успешно справлялась с поставленными перед нею задачами удовлетворения первостепенных потребностей одновременно с приоритетными военными задачами. Признавая достижения советской системы, Маркузе, тем не менее, осуждал ее за тотальный характер наступления на индивидуальные свободы и политику соревнования с капитализмом.

Мыслитель констатировал: чем в большей степени правящие классы обеих систем способны поддерживать обеспеченность масс товарами потребления, тем крепче становится связь основного населения с их управляющими бюрократиями. Возрастающая производительность труда в индустриальном обществе создает увеличивающийся прибавочный продукт, который обеспечивает возрастание потребления независимо от частного или централизованного способа присвоения и распределения. Такая ситуация снижает потребительную стоимость свободы: нет смысла настаивать

вать на самоопределении, если управляемая жизнь окружена удобствами и даже считается «хорошей» жизнью. В этом заключаются рациональные и материальные основания объединения противостоящих систем и «одномерного мышления» в политике.

Утрата экономических и политических прав и свобод, которые были реальным достижением двух предшествующих столетий, стала казаться незначительным уроном для государства, способного сделать управляемую жизнь безопасной и комфортабельной. «Если это управление обеспечивает наличие товаров и услуг, которые приносят индивидам удовлетворение, граничащее со счастьем, зачем им домогаться иных институтов для иного способа производства иных товаров и услуг?» – задается вопросом Маркузе [Маркузе, 1994, с. 65]. Когда преформирование²¹ личностей стало настолько глубоким, что в число товаров, несущих удовлетворение, вошли даже мысли, чувства и стремления, им стало незачем хотеть мыслить, чувствовать и фантазировать самостоятельно.

В результате такого анализа наличного состояния общества (путем «метода абстрагирования» или «исторического трансцендирования») критическая теория Маркузе приходит к неутешительным выводам. Развитое индустриальное общество обладает способностью сдерживать качественные перемены в поддающемся предвидению будущем. В этом обществе аппарат производства тяготеет к тоталитарности в той степени, в какой он определяет не только социально необходимые профессии, умения и установки, но также индивидуальные потребности и устремления. Размывается противоположность частного и публичного существования, индивидуальных и социальных потребностей. Технология служит установлению новых, более действенных и приятных форм социального контроля и сплачивания, формирования сходных черт в развитии капитализма и коммунизма.

Более разобщенные общественные условия некогда обладали способностью создавать личное и политическое измерение, в которых могла появиться действенная оппозиция. Технический прогресс, охвативший всю систему господства и координирования, создает формы жизни (и власти), которые примиряют или сметают противостоящие системе силы, всякий протест во имя историче-

²¹ Формирование у индивидов стандартных, ложных потребностей, привязывающих к «обществу репрессии».

ской перспективы свободы от тягостного труда и господства. Для Маркузе очевидно, что современное ему общество будет противодействовать возможности утверждения существенно новых институтов, нового направления производственного процесса или новых форм человеческого существования.

Как технологический универсум развитое индустриальное общество стало политическим универсумом, последней стадией реализации специфического исторического проекта – преобразования и организации природы как материала для господства. По мере развертывания данного проекта культура, политика и экономика при посредстве технологии сливаются в вездесущую систему, поглощающую или отторгающую все альтернативы, а имеющийся у данной системы потенциал производительности и роста стабилизирует общество. Технологическая рациональность становится политической рациональностью.

Права и свободы, игравшие роль жизненно важных факторов на ранних этапах индустриального общества, утрачивают свое традиционное рациональное основание и содержание. Свобода мысли, слова и совести (как и свободное предпринимательство, защите и развитию которого они служили) первоначально выступали как критические по своему существу идеи, предназначенные для вытеснения устаревшей материальной и интеллектуальной культуры более продуктивной и рациональной. Претерпев институционализацию, свободы и ценности утратили свое значение. В той степени, в которой свобода от нужды как предпосылка всякой иной свободы становится реальной возможностью, уничтожаются права и свободы, угрожающие тому государству, которое обеспечило свободу от нужды. Независимость мысли, автономия и право на политическую оппозиционность лишаются своей фундаментальной критической функции в обществе, которое становится все более способным удовлетворить потребности индивидов. Государство считает вправе требовать принятия своих принципов и институтов и стремится свести оппозицию к обсуждению и развитию альтернативных направлений в политике в пределах существующего порядка вещей. Становится, в принципе, безразлично, какой системой обеспечивается возрастающее удовлетворение потребностей. В условиях повышающегося уровня жизни неподчинение системе кажется социально

бессмысленным, тем более в случае, когда это сулит ощутимые экономические и политические потери или грозит нарушением бесперебойной деятельности целого.

Рассуждая о «роковой взаимозависимости двух “суверенных” социальных систем», Маркузе невольно предсказывает причины крушения социалистического проекта, который, принимая вызов капитализма, сталкивается с впечатляющими удобствами, свободами и облегчением жизненной ноши, – всем тем, что обещает собственным гражданам после построения коммунизма. Капиталистическая система вызов, предъявленный ей антагонистом (впечатляющее развитие производительных сил после подчинения частного интереса интересам общества), благополучно приняла и интегрировала с помощью законодательных ограничений для бизнеса в сферах защиты труда и окружающей природы, путем внедрения элементов государственного регулирования в рыночную экономику, а также сбрасыванием части конфликтов и вредных производств на периферию мира. Но это не сделало ее менее репрессивной. С иронией замечает Маркузе новые тенденции в менеджменте организаций: все больше стирается грань между синими и белыми воротничками, рабочие крепче иных акционеров связывают себя и свою жизнь с успешным функционированием фирмы и вносят предложения по оптимизации производственного процесса, профсоюзы снимают требования о повышении зарплаты, осознавая необходимость инвестиций, и пр. Но репрессивный характер подобного участия проявляется, как только дискриминируемые делают попытку протестовать против публикации фальшивых балансовых ведомостей или проявляют беспокойство о заключенных фирмой невыгодных сделках, «осмеливаясь оспаривать производственные затраты и предлагая меры по экономии средств» [Маркузе, 1994, с. 41].

Тотальность дезротизации

Для Маркузе, как для последовательного фрейдиста, существуют два главных человеческих инстинкта: Эрос (влечение к жизни) и Танатос (влечение к смерти). В качестве социолога он доказывает, что организация к миру и организация к войне суть две разные организации, и институты, которые служили борьбе за существова-

ние, не могут служить «умиротворению существования». Между жизнью как целью, характерной для доиндустриальной эпохи, и жизнью как средством, практикуемой в развитом индустриальном обществе, существует непреодолимое качественное различие.

Писатель осознает, что нерепрессивный порядок возможен лишь в состоянии изобилия: свобода находится за пределами борьбы за существование. Для него очевидно, что сокращению труда предшествует сам труд и что развитию человеческих потребностей и возможностей их удовлетворения должна предшествовать индустриализация. В то же время последующее развитие во многом определяется способом ее осуществления. Поэтому задача Маркузе – сформулировать принципы построения «царства свободы в царстве необходимости» [Маркузе, 2004, с. 19]. Ибо самая высокая производительность труда может стать средством для его увековечивания, а самая эффективная индустриализация может служить ограничению потребностей и манипулированию.

Так, например, в индустриальном обществе не всякое время, потраченное на обслуживание механизмов, можно назвать рабочим временем (т. е. лишенным удовольствия, но необходимым трудом), как и не всякую энергию, сэкономленную машиной, можно считать энергией труда. Механизация также «экономит» либидо²², преграждая ему возможности реализации в других формах. Утрата либидозного наполнения в индустриальном мире приводит к качественному различию между туристом и бродячим поэтом или художником, конвейерной продукцией и ремесленной поделкой, фабричной буханкой и домашним караваем, парусником и моторной лодкой... Пусть в доиндустриальном мире жили нужда, тяжелый труд и грязь, служившие фоном всевозможных утех и наслаждений, но в нем существовал и «пейзаж» – среда либидозного опыта, исчезнувшая из мира индустриального.

²² Одно из главных понятий фрейдизма. Либидо – энергия сексуального влечения, в позднем фрейдизме – все, что охватывается понятием «любовь», категория близкая Эросу у Платона. Сублимация либидо (т. е. его преобразование в иные виды энергии, переориентация на социально одобряемую и нравственно приемлемую деятельность) позволяет достигать значимых результатов в науке и искусстве. По Маркузе (тут сказывается его приверженность экзистенциализму) либидо – энергия Инстинктов Жизни. В зависимости от объекта, на который она направляется, может трансформироваться в сексуальную или эротическую энергию.

С исчезновением «пейзажа» целое измерение человеческой активности и пассивности претерпело деэротизацию. Окружающая среда, которая доставляла индивиду удовольствие, с которой он мог обращаться почти как с продолжением собственного тела, подверглась жесткому ограничению, вследствие чего ограничение претерпела и эротическая вселенная индивида. Произошла локализация и сужение либидо, низведение эротического опыта до сексуального удовлетворения²³.

Сравнивая занятие любовью на лугу и в автомобиле, прогулку любовников за городом и по Манхэттен-стрит, Маркузе подчеркивает, что в первых примерах окружающая среда становится участником событий, приближает восприятие ситуации к эротическому уровню, благодаря чему происходит процесс нерепрессивной сублимации. В противоположность этому механизированная окружающая среда делает либидо менее способным к эротичности за пределами локализованной сексуальности и приводит к усилению последней.

Уменьшая эротическую и увеличивая сексуальную энергию, технологическая действительность ограничивает объем сублимации, сокращает потребность в ней. Напряжение в психическом аппарате между объектом желания и тем, что разрешено, значительно снижается, а преформирование подготавливает организм к спонтанному принятию предложенного, которое становится первостепенным фактором повсеместного распространения авторитарной личности в наше время.

Развитая индустриальная цивилизация предоставляет большую степень сексуальной свободы, но только в том смысле, что последняя получает рыночную стоимость и становится товаром. Не прекращая быть инструментом труда, тело получает возможность проявлять свои сексуальные качества в мире повседневных и трудовых отношений. Это становится возможным благодаря сокращению грязного и тяжелого физического труда, наличию дешевой и элегантной одежды, культуры красоты и физической гигиены и т. п. «Сексуальные секретарши и продавщицы, красивые и мужественные молодые экспедиторы и администраторы стали то-

²³ Согласно терминологии позднего Фрейда сексуальность является «специализированным» частным влечением, в то время как Эрос – влечением всего организма.

варом с высокой рыночной стоимостью; даже правильно выбранная любовница – что раньше было привилегией королей, принцев и лордов – получает значение фактора карьеры и в не столь высоких слоях делового сообщества» [Маркузе, 1994, с. 97].

Тенденции низведения эротического к сексуальному способствует индустриальный функционализм. Магазины, рестораны и офисы демонстрируют свой персонал и посетителей через огромные стеклянные витрины, неуклонно снижая количество высоких прилавков и непрозрачных перегородок. В жилых домах массовой застройки и частно-коттеджном секторе происходит коррозия приватности и уединенности: требования к барьерам, ранее отделявшим индивида от публичного существования, существенно снижаются. Такая социализация не противоречит деэротизации природного окружения, а скорее дополняет ее. Интегрированный в труд и публичные формы поведения секс все больше попадает в зависимость от контролируемого удовлетворения. Благодаря техническому прогрессу и более комфортабельной жизни происходит систематическое включение либидозных компонентов в царство производства и обмена предметов потребления. Управляемый индивид получает удовлетворение в качестве покорителя природной стихии, несаясь на катере, управляя мощной газонокосилкой, ведя автомобиль на высокой скорости.

Маркузе обращает наше пристальное внимание на один из самых угнетающих аспектов развитой индустриальной цивилизации: рациональный характер ее иррациональности. Ее продуктивность, способность совершенствоваться и все шире распространять удобства, превращать в потребность неумеренное потребление, конструктивно использовать дух разрушения, то, в какой степени цивилизация трансформирует объективный мир в продолжение человеческого сознания и тела, – все это ставит под сомнение само понятие отчуждения²⁴. Люди узнают себя в окружающих их предметах потребления, прирастают душой к автомобилю, стерео-

²⁴ Один из главных терминов марксизма. Отчуждение – процесс отделения от людей их деятельности и ее результатов, которые становятся неподвластными человеку и даже господствующими над ним. «Одномерный человек» Маркузе, будучи включен в навязанную ему потребительскую гонку, оказывается отчужденным от таких своих социальных характеристик, как критическое отношение к существующему обществу и способность к борьбе за его преобразование.

системе, бытовой технике, обстановке квартиры. Изменились механизмы подчинения индивида обществу, вследствие чего общественный контроль стал осуществляться через новые потребности, обществом же и производимые.

Технология управление либидо путем формирования ложных потребностей служит у Маркузе объяснением предустановленной²⁵ гармонии между индивидуальными потребностями и социально необходимыми желаниями, целями и стремлениями. Технологическое и политическое обуздание трансцендирующего фактора в человеческом существовании, характерное для развитой индустриальной цивилизации, осуществляется благодаря удовлетворению искусственно сформированных потребностей, порождающему уступчивость и ослабляющему рациональность протеста. Поэтому, несмотря на значительное увеличение объема социально допустимого и желательного удовлетворения, с успехом игнорируются все устремления, несовместимые с существующим образом жизни.

В поисках убежища от репрессии Маркузе обращается к эстетическому измерению индустриального общества, поскольку только оно «по-прежнему сохраняет свободу выражения, позволяющую писателю и художнику называть людей и вещи своими именами», и обнаруживает, что современная модификация отчуждения имеет место не только в социальной, но и в культурной сфере [Маркузе, 1994, с. 324]. В «дотехнологическую» эпоху «двухмерной» культуре был присущ разрыв между художественной и социальной реальностью: искусство было отчуждено от публики, к которой оно обращалось. Независимо от того, насколько близок или привычен был храм или собор живущим вокруг него людям, он повергал их в состояние благоговейного трепета, неведомого в повседневной жизни, независимо от того, о ком идет речь: крестьянах, ремесленниках или господах.

Искусство содержало в себе рациональность отрицания, которое в наиболее развитой форме становится Великим Отказом – протестом против существующего порядка вещей. «Истинный» мир искусства, отделенный от сферы труда, в которой общество воспроизводило себя и свою вечность, оставался иллюзией и привилегией немногих вплоть до XX в., хотя и претерпевал неко-

²⁵ Установленной благодаря формированию на уровне бессознательного.

торую демократизацию и популяризацию. «Высокая культура» обладала собственными ритуалами отчуждения. Для создания иного измерения действительности были предназначены салон, концерт, опера и театр, посещение которых требовало праздничной подготовки, помогавшей трансцендировать повседневный опыт.

Левая критика не случайно протестует «против Баха как кухонной музыки, против Платона и Гегеля, Шелли и Бодлера, Маркса и Фрейда на полках магазина среди лекарств, косметики и сладостей» [там же, с. 83]. Входя в повседневную жизнь, классика лишается своего потенциала остранения²⁶, тем самым принципиально меняется предназначение произведений искусства. Если раньше они находились в противоречии с объективной реальностью, то теперь это противоречие благополучно сглаживается. Однако культурное равенство в условиях сохранения индустриального господства не приводит к освобождению. Когда-то, упраздняя прерогативы и привилегии феодально-аристократической культуры, общество действительно упраздняло их содержание. Но в репрессивном обществе доиндустриального типа трансцендентные истины изящных искусств, эстетики жизни и мысли по-прежнему оставались доступны лишь небольшому числу состоятельных или получивших образование. По мнению Маркузе, репрессию индустриальной цивилизации нельзя отменить дешевыми изданиями, всеобщим образованием, долгоиграющими пластинками и упразднением торжественного наряда в театре и концертном зале, напротив, именно доступность «высокой» культуры лишает ее критического потенциала, низводя до уровня обыденности. «Отчуждение» для Маркузе – «это постоянный и существенно необходимый элемент идентификации, объективная сторона предмета» [Marcuse, 1969, p. 131].

Отказ как политический выбор

Для определения альтернативы обществу репрессии Маркузе в своем эстетическом подходе ввел образы Орфея и Нарцисса, содержанием которых является эротическое примирение (союз) челове-

²⁶ Искусствоведческий термин В. Шкловского. О-стран-ять – значит делать странным, т. е. заставлять зрителя (слушателя или читателя) по-новому воспринимать привычную вещь, переживать ее, а не узнавать.

ка и природы, когда порядок становится красотой, а труд – игрой. В условиях современной ему действительности труд, доставляющий удовольствие, по-прежнему являлся редким исключением и был возможен либо за пределами (как «хобби»), либо на периферии мира труда. Более того, он является редким исключением и в наше время. Всеобщая механизация и автоматизация, взамен высвобождения времени, упразднения отчужденного труда и ликвидации «прибавочного подавления» [Маркузе, 2004, с. 20] повлекла дальнейшую рутинизацию прежде условно творческих видов работы²⁷ и создание новых видов занятости (в основном, в сфере услуг). Потребность «расслабиться» с помощью предоставляемых культурной индустрией развлечений тоже репрессивна, и ее подавление, с точки зрения Маркузе, является существенным шагом на пути к свободе. Там, где репрессия стала настолько эффективной, что приняла для человека иллюзорную форму свободы, ее упразднение может на первый взгляд даже показаться тоталитарным актом.

Осуществляя философскую легитимацию эстетического измерения, Маркузе обращается к философии Канта, в которой оно занимает центральное положение между чувственностью и нравственностью как двумя полюсами человеческого существования. Маркузе предполагает, что эстетическое измерение должно основываться на принципах, значимых для обоих миров. Его философское усилие найти опосредование между чувственностью и разумом в эстетическом измерении предстает как попытка примирения двух сфер человеческого существования, разорванных репрессивным принципом реальности. Такое примирение ведет к усилению чувственности против тирании разума. Таким образом Маркузе формулирует принципы нерепрессивной цивилизации, в которой разум – чувствен, а чувственность – рациональна.

Для утверждения нового порядка, с точки зрения философа, имеются все объективные предпосылки. Автоматизация материального производства и сферы услуг вскоре сделает возможным

²⁷ Сравните работу индустриального продавца, который помогал выбирать товар, взвешивал его, упаковывал, подсчитывал общую сумму и т. д., с деятельностью современного кассира в гипермаркете, который может осуществлять свою функцию, даже не владея элементарными арифметическими навыками: его задача поднести сканер к штрих-коду на каждом предмете покупки, ввести в компьютер достоинство купюры, переданной покупателем, в то время как итоговая сумма покупки и сдача вычисляются автоматически.

превращение времени, затрачиваемого на работу, в маргинальное время жизни. «Переход через эту точку означал бы трансцендирование техническим прогрессом царства необходимости, внутри которого он служил инструментом господства и эксплуатации, ограничивая этим свою рациональность; за счет этого технология стала бы субъектом свободной игры способностей, направленной на примирение природы и общества» [Маркузе, 1994, с. 22]. Такое состояние было предвосхищено понятием Маркса «упразднение труда», взамен которому Маркузе предлагает «умиротворение существования», поскольку последнее кажется ему более подходящим для обозначения исторической альтернативы миру глобального противостояния двух систем.

В новом мире, по мнению Маркузе, люди получают возможность найти собственный путь от ложного сознания к истинному, к их подлинным интересам. Это станет возможно, только если ими овладеет потребность в изменении образа жизни, отрицании позитивного, отказе – потребность, которую существующее общество сумело подавить постольку, поскольку оно способно «предоставлять блага» во всем большем масштабе и использовать научное покорение природы для дальнейшего порабощения человека.

Маркузе различает потребности истинные и ложные. Первые – это биологические потребности человека, потребность в красоте, «незаслуженном» счастье, жизни с чистой совестью и т. п. Вторыми являются те, которые навязываются индивиду особыми социальными интересами в процессе его подавления: это потребности, закрепляющие тягостный труд, агрессивность, нищету и несправедливость. Утоляя их, индивид может чувствовать значительное удовлетворение, но это не то счастье, которое следует оберегать и защищать, поскольку оно сковывает развитие способности распознавать недуг целого и находить пути к его излечению. Результат – эйфория в условиях несчастья. Большинство преобладающих потребностей (расслабляться, развлекаться, потреблять и вести себя в соответствии с рекламными образцами, любить и ненавидеть то, что любят и ненавидят другие) принадлежат именно к этой категории ложных потребностей²⁸.

²⁸ В обществе репрессии не случайно огромные средства тратятся на спортивные и развлекательные шоу. Просмотр такого рода передач – безусловно ложная и навязанная потребность, позволяющая координировать времяпровождение гигантских человеческих масс, которые неизвестно о чем задумаются, если завтра подобные шоу будут упразднены.

Чем более рациональным, продуктивным, технически оснащенным и тотальным становится управление обществом, тем труднее представить себе средства и способы, посредством которых индивиды могли бы сокрушить свое рабство и достичь собственного освобождения. Всякое освобождение неотделимо от *в-Разумления* – осознания рабского положения, вытеснения ложных потребностей истинными и отказа от репрессивного удовлетворения.

Отличительной чертой развитого индустриального общества является успешное удушение тех потребностей, которые требуют освобождения. Оно стимулирует потребность в отупляющей работе там, где в ней больше нет реальной необходимости, потребность в релаксации, смягчающей и продлевающей это отупление, потребность в поддержании таких обманчивых прав и свобод, как свободная конкуренция при регулируемых ценах, свободная пресса, подвергающая цензуре саму себя, и пр.

Философия Маркузе, не желая быть служанкой подавления, противопоставляет существующему порядку Великий Отказ (отказ Орфея-освободителя) от навязанных потребностей. В этом смысле экономическая свобода означает свободу от ежедневной борьбы за существование, от необходимости зарабатывать на жизнь, а политическая – освобождение индивидов от политики, которую они не могут реально контролировать. Подобным же образом смысл интеллектуальной свободы состоит в возрождении индивидуальной мысли, в упразднении «общественного мнения».

Другим способом борьбы может стать аналитическое разложение гипостазируемых понятий. В период творчества Маркузе на Западе это были понятия – «свободное предпринимательство», «инициатива», «выборы», «индивид», а на Востоке – «рабочие и крестьяне», «построение коммунизма» или «социализма», «уничтожение антагонистических классов», в обеих системах – «чистая бомба» или «безвредные химические осадки». С его точки зрения, необходимо вскрыть тот факт, что «социалистической» называется «политическая партия, которая направляет свою деятельность на защиту и рост капитализма», «демократическим» – деспотическое правительство, «свободными» – сфабрикованные выборы. Дисгармония между индивидуальными и общественными потребностями и недостаток представительных учреждений, в которых индивиды работали бы для себя и высказывались бы за себя, приводит к

действительности категорий Нация, Партия, Конституция, Корпорация, Церковь, в реальности не совпадающих ни с одной конкретной данностью (индивидом, группой или учреждением). Такие категории выражают различные степени и формы овеществления. Мыслитель ратует за «обратный перевод», который смог бы разрушить неподлинную субстанциальность категории: люди «верят, что они умирают за Класс, а умирают за партийных лидеров. Они верят, что они умирают за Отечество, а умирают за Промышленников. Они верят, что они умирают за свободу Личности, а умирают за Свободу дивидендов. Они верят, что они умирают за Пролетариат, а умирают за его Бюрократию. Они верят, что они умирают по приказу Государства, а умирают за деньги, которые владеют Государством. Они верят, что они умирают за Nation, а умирают за бандитов, затыкающих ей рот» [Маркузе, 1994, с. 272].

Гипостазируемое целое сопротивляется аналитическому разложению и не потому, что оно представляет собой мифическую сущность, стоящую за обычными явлениями и действиями, а потому, что в нем – конкретная, объективная основа их функционирования в данном социальном и историческом контексте. Как таковое, понятие – реальная сила, которую чувствуют и осуществляют индивиды в своих действиях, обстоятельствах и отношениях. Призрак реален, ибо это призрак отделившейся и независимой власти целого над индивидами.

Субъекты Великого Отказа

Маркузе не может однозначно идентифицировать силы эмансипации с каким-либо социальным классом, поскольку они безнадежно рассеяны внутри общества, а сражающиеся меньшинства и изолированные группы часто находятся в оппозиции их собственным лидерам. Для преобразования общества в целом в нем сначала должно быть воссоздано мыслительное пространство для отрицания и рефлексии [Marcuse, 1969, p. 128].

Единственную силу, реально противостоящую индустриальному обществу в СССР, Маркузе видел среди несогласной интеллигенции и узников заведений для умалишенных. Им был отчетливо сформулирован «третий путь», возможный для перехода

советской России к статусу «общества-без-репрессии». Осознавая отчужденность от средств производства в СССР не только пролетариата, но и советской бюрократии, философ видел перспективу упразднения репрессивного общества путем смены правящих слоев *«без взрыва базисных институтов общества»*. Добиться исчезновения «Партии, Плана и прочих независимых форм власти, налагаемых на индивидов» при сохранении нетронутыми социальных достижений и материального базиса общества (национализированный производственный процесс), – вот что означало «политическую» революцию в СССР, и, с точки зрения Маркузе, «это была бы самая радикальная и самая полная революция в истории» [Маркузе, 1994, с. 57]. Для этого существовали все необходимые предпосылки: советская пропаганда оболванивала гораздо менее эффективно, нежели западная, советская интеллигенция имела досуг и универсальное всестороннее образование, необходимые для самоопределения. Действительность показала, что данный исторический шанс был упущен. Перестройка в СССР стала, по сути, «колбасно-джинсовой революцией», во время которой одни гипостазируемые монстры были заменены на другие («гласность», «демократия» и пр.). Причиной, по-видимому, послужило несовершенство целей: не ради реального освобождения, а ради иллюзорного западного изобильного благополучия народ отказался от защищенности и предсказуемости, согласился принять конкурентные риски неопределенности и неуверенности в завтрашнем дне, заменить одно тоталитарное господство на другое.

В США революционную роль Маркузе отводил тем, кто остается за бортом демократического процесса: прослойке аутсайдеров, безработным и нетрудоспособным, представителям расовых и этнических меньшинств.

В действительности благодаря идеям, провозглашенным Маркузе, произошла как гуманизация, так и дегуманизация западного общества. Его труды вдохновляли студенческие бунты, движения хиппи и битников, пацифистов, антиглобалистов, борьбу сексуальных и иных меньшинств за свои права, – всех тех, кто отказывался играть по навязанным правилам. В то же время популяризация его идей привела к их существенной вульгаризации и способствовала разрушению института традиционной семьи и замещению его чередой случайных связей. В поли-

тическом предисловии 1966 г. к «Эросу и цивилизации» философ уже комментировал события, отчасти спровоцированные его произведениями. Фактически лозунг хиппи: «Занимайтесь любовью, а не войной» был сформулирован Маркузе.

В поздних работах и политических выступлениях Маркузе отдельно останавливался на политизации эротической энергии через движения в защиту экологии. С точки зрения Маркузе, экологическое движение является политическим, поскольку противостоит концентрированной мощи крупного капитала, чьим жизненным интересам оно угрожает. Оно является психологическим, поскольку удовлетворение внешней природы, защита жизненно важной окружающей среды ведет и к удовлетворению эмоциональной природы мужчин и женщин. Успешное экологическое движение должно, по его мнению, подчинить деструктивную энергию индивида его эротической энергии [Маркузе, 1977, web]. Среди всех субъектов Великого Отказа «зеленые», видимо, на сегодняшний день являются самой конструктивной политической силой.

В общемировом масштабе роль революционной силы берет на себя «глобальный пролетариат» – страны третьего мира. Маркузе одним из первых с неомарксистских позиций четко определил проблему «богатый Север – бедный Юг» («мировой город» – «мировая деревня»): «В современную эпоху победа над нуждой все еще ограничена небольшими островками индустриально развитого общества» [Маркузе, 1994, с. 316]. Он был убежден, что западный «первый мир» выступает в роли коллективного эксплуататора по отношению к «третьему миру», страдающему от войн, голода, отравленной природы и слаборазвитости. Анализируя, при каких условиях полуколониальные страны могут воспринять путь индустриализации, отличный от капитализма и современного ему социализма, Герберт Маркузе делал ставку на местную культуру и традиции этих обществ.

Его оптимизм питало то, что страны третьего мира вступили на путь индустриализации при непонимании населением ценностей «производительности, эффективности и рациональности», с населением, которое еще не превратилось в рабочую силу, отделенную от средств производства, с традиционными формами жизни и труда, способными к сопротивлению. Для неевропейской модернизации, с точки зрения Маркузе, необходима политика планового

развития, которая вместо индустриализации по модели развитых стран, навязывания технологии традиционной жизнедеятельности, совершенствовала бы ее, устраняя материальные и религиозные силы угнетения и эксплуатации. Безусловно возможной такая форма прогресса кажется ему в регионах, обладающих природными ресурсами, достаточными для обеспечения существования. Только там Маркузе видит перспективы для того, чтобы «труд по необходимости» мог бы перерасти в «труд для удовлетворения». Но он осознавал, что шансов преуспеть на данном пути развития у развивающихся стран немного.

Его пессимизм объяснялся наличной биполярностью: индустриализация в отсталых странах происходила в такой исторической ситуации, когда социальный капитал, требующийся для первоначального накопления, мог быть получен только извне, от капиталистического или коммунистического блока. Любое национально-освободительное движение эпохи холодной войны оказывалось под пристальным вниманием мировых гегемонов. Логика противостояния втягивала освободительные силы в ту или иную орбиту, вынужденно придавая им либеральный или социалистический характер. А попытки сохранения независимости требовали ускоренной индустриализации и достижения уровня производительности, обеспечивающего хотя бы относительную автономию в условиях соревнования двух гигантов. При таких обстоятельствах преобразование слаборазвитых обществ в индустриальные должно было как можно быстрее отбросить дотехнологические формы, что повышало вероятность наступления периода «тотального администрирования еще более жесткого и связанного с насилием, чем пережитый развитыми обществами, за спиной которых были достижения эпохи либерализма» [Там же, с. 61].

В настоящее время третий мир, на который делал ставку Маркузе, в значительной степени утратил свой потенциал революционности, поскольку его элиты были успешно инкорпорированы в глобальную мировую элиту и перестали защищать национальные интересы [Иванов, 2007].

С крушением коммунистической системы, являвшейся существенным условием западной самоидентификации, «Свободный Мир», после недолгого периода торжества и растерянности, нашел и обозначил нового врага – мировой терроризм, против которого

ему даже удалось объединиться со своими бывшими идеологическими противниками. Однако не являются ли ваххабизм и другие радикально фундаменталистские идеологические течения одним из способов реализации Великого Отказа, чудовищно уродливой, вопиюще неконструктивной формой протеста против западной рациональности и попыткой нащупать аутентичный путь?

Глава 7. Проект аутентичного развития

Суть проекта

Осмысление и политологическое теоретизирование по любому вопросу естественно включает в себя апологетирование собственного прошлого и настоящего. Вследствие этого, заимствуя западные теоретические наработки, как «истинное», «беспристрастное», объективное и внеидеологическое знание, в действительности отечественная политология заимствовала и ряд идеологием совершенно разрушительных для сознания советских, а затем и российских людей, приведших к комплексу неполноценности в теоретическом мышлении, а в плоскости практической политики к множеству серьезных последствий, включая пересмотр итогов ВОВ.

Принимая зарубежных ученых за безусловный авторитет, а западные демократии за образец политического устройства, отечественные политологи в своем анализе российской политической реальности вынужденно убеждаются в том, что отечественный опыт и наличная практика не соответствуют тем идеальным моделям, которые предложены нам западной политологией. (Впрочем, как не соответствует им и западная действительность.) Для научных исследований в социогуманитарной сфере необходима некоторая индигенизация [Федотова, 2015], ориентация на ценностно-нейтральное и всесторонне-объективное осмысление отечественного и мирового опыта (как западного, так и восточного), безусловный отказ от идеализации западной модели развития, в которой мы констатируем ориентацию на удовлетворение все возрастающих потребностей и отсутствие трудовой этики и в целом смысла жизни.

В связи с этим в предшествующих главах настоящей монографии я постаралась доказать, что любое государство, а тем более такого масштаба, как наше, не может в социогуманитарной сфере обойтись без известной доли ориентализма и почвенничества; а в этой главе намерена обосновать необходимость переориентации от парадигмы модернизации в пользу *парадигмы аутентичного развития, понимаемой как стремление к такой гармонии экологической, социальной, экономической и политической сфер, которая опиралась бы на собственный историко-культурный опыт и традиционные ценности*. Этот проект в своей эколого-социо-экономической составляющей имеет существенные пересечения с т. н. *устойчивым развитием*, принципы которого задолго до Римского клуба были сформулированы академиком В.И. Вернадским. В ценностно-социо-политической составляющей он созвучен *динамическому консерватизму* Михаила Ремизова и Виталия Аверьянова (хотя сам термин принадлежит еще В.Н. Лосскому).

Тем не менее предложенное в данной работе название представляется мне более адекватным, поскольку парадигма устойчивого развития слишком сильно заражена мальтузианством и не имеет никакого отношения к России. Озабоченность ограниченностью планетарных ресурсов и предлагаемые для решения данной проблемы рецепты этой доктрины слишком часто были сконцентрированы на регулировании численности населения планеты с целью сбережения ресурсного потенциала для «золотого миллиарда».

Глобализация несколько изменила подход «сильных государств в их стремлении к мировому господству. Если раньше они делали ставку на завоевание государства, то в настоящее время используют в основном невоенные средства для достижения господства». Прежде всего, через формирование «компрадорской мафиозно-бюрократической элиты, которая способствует получению “договорного” доступа к природным богатствам слаборазвитых стран», обеспечивает «сокращение населения... за счет скрытого геноцида: дорогое медицинское обслуживание и лекарства, навязывание зависимости от потребления алкоголя, табака, наркотиков, разрушение семьи, провоцирование военных вооруженных конфликтов, духовно-нравственное порабощение через СМИ и массовую псевдокультуру и т. п.» [Соколова, 2008, с. 158].

Либеральная демократия не столько предоставляет рядовому обывателю свободу ответственного выбора, сколько свободу вести «частную жизнь», сосредоточенную вокруг «индивидуальных интересов», дарит людям свободу от бремени самостоятельного принятия ответственных решений [там же, с. 168]. «Мощное наступление сторонников неолиберализма или рыночного фундаментализма, предпринятое с конца 80-х гг. прошлого века, привело к тому, что институт рынка стал захватывать все новые и новые сферы общественной жизни во всех сравнительно развитых странах мира» [Шевченко, 2008, с. 102]. Однако «государство не может рассматриваться как корпорация по предоставлению услуг населению, а ее президент всего лишь как руководитель корпорации», поскольку в этом случае «ее высоколиквидные активы могут быть проданы с большой выгодой для руководителей... вплоть до суверенных прав на территорию, сырьевые ресурсы и т. д.» [там же, с. 102–103].

В связи с этим особенно актуально звучат ключевые принципы динамического консерватизма: цивилизационный антиглобализм/континентализм (в том числе геополитический суверенитет); экономический солидаризм нации (протекционизм, социальная справедливость и госсобственность на недра и инфраструктурные монополии); демографический национализм (приоритет репатриации, а не иммиграции, сохранение традиционных демографических структур идентичности); государственный легитимизм (неделимость страны) и религиозный традиционализм (приоритет традиционных религий как способ возрождения некоей этикоцентристской парадигмы) [см., например, Аверьянов, 2012], – которые мною большей частью разделяются и некоторым образом дополняются. При описании своего проекта я планирую остановиться на тех моментах, которые недостаточно проработаны в вышеуказанных доктринах, особенно человеческой составляющей.

Авторов, разрабатывающих аутентичные проекты развития для отечественной экономики и финансовой сферы, на сегодня немало, в их числе: С. Глазьев, М. Делягин, М. Хазин, С. Батчиков [см., например: Глазьев, 2010]. Все они – наследники тех принципов, которые ранее предлагал в своих трудах ныне покойный академик Дмитрий Львов. Рецепты предлагаемых (в чем-то между собой различных) вариантов комплекса мер в данной сфере

включают в себя отказ от игры по международным финансовым правилам, выход на новый технологический уровень и развитие различных производств на этом уровне, отказ от урбанизации, расселение, в значительной степени самообеспечение продовольственными и потребительскими товарами, снижение социальной напряженности и гармонизацию общественных отношений благодаря занятости отечественного населения на небольших рассредоточенных высокоэкологических предприятиях, решение жилищной проблемы посредством выкупа государством по неспекулятивным ценам пустующего инвестиционного жилья и мн. др.

Патриотично ориентированные экономисты считают отказ от международных финансовых «правил игры» и выход России на новый технологический уровень, превосходящий западные инновационные достижения, единственным шансом, сохраняющим за нашей страной перспективу выживания в геополитическом соперничестве.

В чем я вижу проблемы?

1. Что касается финансовой стороны вопроса, то главным препятствием является сохранение существующей политической системы при почвенническо-патриотических декларациях. Китай и ему подобные государства, договариваясь с нами о взаиморасчетах в национальных валютах, пока выжидают, не переходя к практической стороне дела. Нам просто не верят, не видя реально альтернативного проекта.

2. Существующая капиталистическая экономика является главным препятствием для технологического рывка. Даже при точечном внедрении тех открытий, что были сделаны отечественной наукой еще в XX в., можно существенно удешевить производство многих товаров и сделать их более экологичными. Собственнику в рыночной экономике это крайне невыгодно. Существуют налаженные технологические цепочки, вырваться из которых – нецелесообразно. К таким революционным изменениям может приступить только государство.

3. Как показал опыт Сколково и ему подобных проектов, даже на государственном уровне в условиях ценностного кризиса они невозможны в принципе. Сколько денег не выделяй на строительство, проведение исследований и их внедрение, скорее всего, эти средства будут украдены.

«Неизменность “вотчинного” характера российской власти порождает ошибочное отношение к государству со стороны революционеров – инициаторов “взрыва” системы... В России и реакционеры, и революционеры путают “государство” с конкретными физическими лицами, в *данный момент* отправляющими властные функции... Традиционным противовесом произволу власти является противопоставление ей другой власти. История выработала такой противовес – это развитие независимой судебной власти при одновременном укоренении в общественном сознании ценности правового начала и закона. Однако именно эти условия получили крайне слабое развитие в российской действительности» [Спиридонова, 2008, с. 49].

Отечественным способом ограничения самодовлеющего государства на протяжении многих веков была идеократия. Причем, помимо великодержавности, ключевой приметой регулятивной идеи в СССР было стремление к справедливости. Реформы последних 20 лет привели к тому, что впервые российской «религией» стала имманентно не присущая нам страсть к наживе, к тому же не ограниченная (как на Западе) правовой ответственностью. И все чаще в качестве меры борьбы с сегодняшним всевластием коррумпированной бюрократии называют репрессии или опричнину, актуализируя образы Иосифа Сталина или Ивана Грозного в положительном ключе [Калашников, 2011]. Обществу очевидно, что без жестких репрессивных мер в этой сфере, скорее всего, положительных сдвигов добиться не удастся.

Многие рассуждения и предложения по поводу очередного мобилизационного проекта, которые мы слышим сегодня, лишены одной важной составляющей, придающей и веру в собственные силы обществу, и смысл любому проекту, – сакральной. Реиндустриализация на новых основаниях, технологический рывок и т. п. вещи станут возможны тогда, когда мы поймем зачем, ради чего они нам нужны. И когда мы сегодня отвечаем на этот вопрос: для того, чтобы быть, остаться, сохраниться, – этого уже недостаточно. Потому что среди «российской» интеллектуальной «элиты» довольно много людей, для которых не так уж важно сохранение России в ее нынешних границах, сохранение русской культуры и т. д. [Панарин, 2005]. Главное, чего лишилось российское общество в ходе реформ – это смысла жизни, который не может быть в не-

умеренном потреблении, влекущем за собой исключительно пресыщенность. Такой смысл дает человеку религиозная жизнь (жить по заповедям и готовиться к загробной жизни). Но значимую долю россиян на сегодня составляют граждане, не принадлежащие ни к одной из религий. Такой смысл давала, кстати, жизнь советская. О необходимости возвращения в ценностный каркас российской жизни «Общего Блага» и нерелигиозной сакральности заявляют сегодня Римма Соколова и Валерия Спиридонова [Современные проблемы, 2015]. Пока же нехватка высоких устремлений приводит к ностальгии по СССР. Нынешняя власть ввиду отсутствия в ней «высокого смысла» паразитирует на советском не только в материальном, но и в символическом плане, вплоть до перепевания старых песен, переименования лозунгов и т. п.

Проект аутентичного развития предполагает наличие такого смысла. Естественно, он не может быть заранее дан в готовом виде. Общество смысла само будет формулировать его на базе подлинных ценностей силами граждан, поскольку его устройство будет нести в себе некоторые предпосылки к этому. Итак, в какой форме общество смысла могло бы состояться в России?

Гуманитарная составляющая

Мы сегодня живем в мире с устаревшими структурами повседневности. Эти формы организации жизни обладали целесообразностью в индустриальном обществе, ключевыми характеристиками которого являлись: «иерархическая организация производства, апология науки и техники, акцент на потребительство и материальных ценностях, унификация, проникающая в быт населения (школа, армия, больница)» [Самарская, 2007, с. 4]. Не рискну сказать, что в настоящее время российское общество входит в ситуацию постиндустриального общества. Однако и тех условий и потребностей индустриального общества, ради которых осуществлялась повсеместная урбанизация, на сегодня нет.

Массовое проживание людей в городах, таким образом, сохраняется совершенно неоправданно. Мало того, оно крайне вредно с различных точек зрения. Современный город – бессмысленное скопление людей, занятых непроизводительным трудом и ведущих

крайне нездоровый образ жизни. Их работа – офисное сидение. К месту работы и обратно сотрудники добираются, находясь за рулем автомобиля или же в вагонах метро, электричек, салонах общественного транспорта, зачастую простаивая в пробках. Все они, как правило, «перерабатывают» ради денег, которые приносит подобный «труд», пересидевшая на рабочем месте сверх положенного времени. Занятия фитнесом вопроса не решают, даже, напротив, нередко влекут за собой еще больший урон здоровью. Опыт кавказских пастухов-долгожителей давно доказал, что для здоровья человеку нужно не «кидать железо» в спортивном зале, а гулять по пересеченной местности и вести созерцательный образ жизни.

Горожане не бывают на свежем воздухе, крайне мало двигаются, питаются вредной пищей. Как правило, не воспитывают своих детей, перекладывая эту обязанность на нянь и детские учреждения. По выходным развлекаются, посещая рестораны и торговоразвлекательные центры, где стремятся потратить «заработанные» деньги. У них очень плохо со здоровьем. Даже довольно молодые люди страдают болезнями опорно-двигательного аппарата ввиду атрофии косых мышц спины, варикозом вследствие слабости икроножных мышц, ожирением из-за переизбытка и гиподинамии и многими другими последствиями сидячего образа жизни. Их досуг – псевдообщение в Интернете, компьютерные игры и прочая виртуальная жизнь, в которой нет подлинных страстей, чувств и напряжения. Их стрессы непродуктивны, т. к. не предполагают активных действий по преодолению сложившейся ситуации. Они гедонистически нежат и тешат свое тело, а интеллект занимают бессодержательными развлечениями. Единственный доступный для них вид творчества – приготовление пищи, поедание которой усугубляет существующие проблемы. Эти люди практически ничего не делают сами, постоянно нуждаясь в гигантском обслуживающем персонале: уборщики и дворники, различного рода сотрудники салонов индустрии сервиса, досуга, здоровья и красоты. В их числе дизайнеры и художники, визажисты и массажисты, бухгалтеры и юристы, повара и официанты, всевозможные мастера по ремонту (от строительных рабочих до компьютерных гениев). Современный человек безнадежно зависим от специалистов, которые таковыми, как правило, не являются и добросовестностью не отличаются. В связи с этим ему, с одной стороны, необходимо

постоянно делегировать им задачи по решению своих проблем, с другой, довериться полностью им все-таки невозможно, в связи с чем их необходимо постоянно контролировать.

Особенно вредно вышеизложенные обстоятельства сказываются на детях, которые, так же как и взрослые, включены в бездуховную потребительскую гонку и проводят практически круглые сутки в замкнутом пространстве: транспорт, школа (детский сад), кружки (секции), дом. И тоже, в основном, глядя в экран ТВ, компьютера, различных гаджетов. Содержание кислорода в помещениях даже при регулярных проветриваниях крайне низкое, а поскольку огромное количество транспорта приводит к предельной загазованности городской атмосферы и смог не пропускает ультрафиолет, то прогулки в урбанизированной среде превращаются в условность. Городской житель не только лишен солнца и свежего воздуха, но и никогда не употребляет свежей пищи. Тогда как Россия – одна из немногих в мире стран, где земельные и водные ресурсы позволяют осуществить реальное рассредоточение населения. Единственное препятствие этому – сложившаяся структура экономики. К сожалению, в политике и экономике сегодня принимаются прямо противоположные, нередко – абсурдные решения. Огромные средства тратятся не на развитие регионов, а на строительство транспортных развязок, новых линий и станций метро в связи с планомерным расширением Московского мегаполиса...

Критика индустриального, а затем и постиндустриального общества звучала не только в работах Герберта Маркузе, но и многих других постиндустриальных левых, которые формулировали свои идеалы с помощью таких слов, как: «счастье», победа «логики жизни» над «логикой прибыли», «Мир не товар», «Человек не товар» [Самарская, 2007, с. 206–207, 244]. В их работах также присутствовали: констатация того, что вытеснение традиционных ценностей привело к гедонизму, утрате морали и смысла жизни (Фурастье); требование сведения роста к нулевому уровню, желание отвоёвывать у существующего общества, основанного на продуктивистской и торговой рациональности, некие пространства автономии (Горц); стремление преодолеть безграничный рост искусственных потребностей (Гэлбрейт) и неравенство в удовлетворении естественных потребностей в чистом воздухе и воде, зелени, тишине (Бодрийяр); желание остановить все большее порабощение техникой человека

и общества в целом (Элюль) и установить новые формы социальной жизни, свободные от безудержного рационализма и иллюзии мнимого превосходства экономического расчета (Касториадис); тяга к тому, чтобы строить политические отношения на основе многочисленных ассоциаций, связанных с землей, и прямой демократии, основанной на различии и качественном своеобразии (Лефевр) [там же, с. 180, 189, 193–194, 200, 203, 213–214].

По утверждению Ирины Мюрберг, «аграрная сфера всегда демонстрировала... новому укладу свое нежелание расставаться с определенным набором прежних ценностей». Она развивает тезис теоретика «третьего пути» для России Ю.М. Бородея о преодолении индивидом отчуждения посредством аграрной сферы, которая в силу присущей земледельческому труду специфики служит «опорной точкой» для самоидентификации, «твердой почвой» не для традиционалистских, а для динамичных консервативных сил, действующих по принципу «сохраняя, изменяй» [Мюрберг, 2006, с. 11, 14–15, 127].

И. Мюрберг подчеркивает, что еще у Маркса возникает мысль о «собственной рациональности» земледелия, несводимой к инструментальной рациональности, именно поэтому предмет аграрного труда – живая природа с каждым циклом индустриально организованного производства становится все менее живой, катастрофически удаляясь от своего первоначального плодородия [там же, с. 29, 73]. Цитируя американского профессора Р. Паарлберга, который почти дословно повторяет наблюдения Маркса о самоэксплуатации крестьянского хозяйства семейного типа и обращает внимание на инициативность, готовность фермера и его семьи к ненормируемой работе и способность довольствоваться минимальным доходом от своей деятельности, она объясняет данный феномен внеэкономическими основаниями их деятельности. Этика заботы о живых организмах не имеет ничего общего с утилитарной этикой [там же, с. 74, 82].

«Крестьянское мирозерцание ориентировано на некую желанную середину, на уход от крайностей. Поэтому нравственные устремления состоят в том, чтобы соблюдать в действиях разумную меру, или умеренность между крайностями. Это требование, как правило, соблюдается людьми неохотно» [Симуш, 2008, с. 145]. Необходимость умеренности настойчиво подчеркивалась

экономистом А. Чайновым, равно как и ценность труда, который он полагал ключевым условием нравственности и человеческого достоинства [Чаянов, 1989, с. 395].

Крестьянское хозяйство «дает возможность оценки потребительских благ, будучи социальным феноменом ценности. Крестьяне, находясь в уникальном биосоциальном и природном комплексе, вынуждены приспосабливаться к законам воспроизводства живой природы и вырабатывать особый тип рациональности, психологии и поведения в естественно-природной среде. Органичное аграрное общество лишено крайностей индустриальной цивилизации и способно уравниваться традиционными ценностями – почитанием земли, растительного и животного мира» [Симуш, 2008, с. 146–147].

Проживание в сельской местности позволяет вести активный и здоровый образ жизни, видеть результаты своей деятельности, растить подрастающее поколение не в искусственном мире, а на свежем воздухе, в общении с природой и животными, приучать его к труду, созидательному творчеству. Подобный образ жизни позволяет практиковать реальное самообеспечение продуктами питания, иметь обширное жизненное пространство. Единственное условие – возможность трудовой занятости хотя бы одного члена семьи за пределами домохозяйства. Что достигается в случае развития диверсифицированной экономики, рассредоточения занятости, возрождения реального сектора. Тем более, что современные средства связи позволяют дистанционно выполнять многие виды интеллектуального труда.

Вот почему подобное переустройство российской жизни – благодатная почва для развития гражданского общества и низовой (прямой и непосредственной) демократии, которая постепенно сможет «отвоевывать» пространство у бюрократического сектора. Деиндустриализация страны после распада СССР в данном случае – позитивный фактор, т. к. позволяет не иметь балласта устаревших производств, налаживать новый технологический уклад «с чистого листа». Однако для подобной пасторальной идиллии нужны рамочные условия, многие из которых прописаны идеологами динамического консерватизма. Главное из них – это сильное и обороноспособное государство, чей реальный суверенитет позволит гражданам беспрепятственно наслаждаться буколической жизнью. Кроме того,

«российское государство должно обладать высшими трансцендентными целями», а высшая власть иметь политическую волю для их реализации, тогда и «средством их достижения будет выступать административно-управленческий аппарат, чиновничество, которое было и остается стеновым хребтом российского государства. Как только высшая власть теряет свой динамизм, свою политическую волю, бюрократия начинает активно вторгаться в политическое пространство высшей власти и обращать свою деятельность при отсутствии высших целей себе во благо» [Шевченко, 2008, с. 144].

Крестьянское соседство, где каждый знает друг друга, является благодатной почвой для возрождения отношений доверия, даже если их суть на первых порах будет сводиться к простому обмену сельскохозяйственной продукцией между соседями. На уровне сельских общин легко решаются многие неразрешимые на сегодня в городских условиях проблемы. Например, сортировка и утилизация бытового мусора, т. к. каждое домохозяйство заинтересованно занимается этим самостоятельно, да и переработку организовать гораздо легче. В то время как в анонимных городских условиях для внедрения подобных практик необходимо существенное увеличение репрессивного аппарата.

Отдаленность местоположения и немногочисленность населения способствуют созданию и поддержанию местных институтов самоуправления, которые становятся очагом альтернативного жизненного уклада. Крестьянство «стремится жить свободно на своей земле в составе гражданских сообществ, устроенных на справедливых началах» [Симуш, 2008, с. 148], тогда как городское общество – не столько открытое, сколько анонимное и абстрактное общество [Мюрберг, 2006, с. 92, 100].

Земледелие проявляет себя как сфера неотчужденного труда вследствие вовлеченности в него субъекта деятельности, в то время как горожанин максимально дистанцируется от результатов своего профессионального труда [там же, с. 98–99]. «Аграрная сфера оказывается культурно самодостаточной – не в изоляционистском понимании, а в плане сохранения собственного ресурса политической субъектности. Эта самодостаточность позволяет ей политически интегрироваться в современное общество не в качестве традиционалистской, но в качестве консервативной силы» [там же, с. 126–127].

Урбанизированная среда, напротив, является благодатной почвой для забюрократизированности всех сфер российской жизни (сегодня жесткой регламентации подвержены многие виды профессий, которые прежде входили в разряд творческих: учитель, врач, преподаватель, ученый). В этом отношении положение дел в Советском Союзе был намного лучше вследствие смешения двух видов власти (политической и административной), т. к. советские руководители имели возможность принимать политические решения. На сельском уровне до сих пор административная власть есть, в то же время, власть политическая.

Административный тип власти в чистом виде «не только автономен и устойчив, он носит экспансионистский характер. Это означает, что бюрократическая модель властвования... способна захватить ту часть государственной власти, которая должна жить по законам политической логики... В отличие от административной, политическая власть призвана выработать проект существования общества, и потому вовлечена в трудный процесс генерации идей о целях, смысле, задачах и стратегии развития общества... Сегодня, когда мы переживаем очередной “кризис идентичности”, необходимость выработки целостного и прочного самопонимания, ...осмысления культурных особенностей российского общества вкупе с разработкой нового проекта развития и новой идеологии существования становятся в ближайшем будущем нашей главной задачей» [Спиридонова, 2008, с. 43, 60].

Городская среда также является благодатной почвой для бунтов и революций, народных возмущений, которые легко могут вспыхнуть, поскольку городской житель полностью зависим от поставок продуктов питания. Выступления рабочих в Петрограде в начале 1917 г. были спровоцированы саботажем булочников, переставших выпекать хлеб из имеющейся в наличие муки. Распаду СССР предшествовали массовые митинги в столице и других крупных городах, причем недовольство граждан во многом подогревалось искусственно созданным дефицитом продовольствия. В этом отношении земледельческая среда гораздо менее питательна для подобных проявлений (за исключением случаев наступления на исконные права и прочего «удушения жизненных сред»), т. к. крестьянин занят реальным делом, перед ним ежедневно стоят практические задачи, не терпящие отлагательства.

Надо понимать, что на самом деле в описываемом проекте речь идет о жизни и смерти, вообще о сохранении человека как вида. Сегодня человечество столкнулось с такими явлениями, как резкий рост и «омоложение» онкологических заболеваний, существенное снижение репродуктивного здоровья у каждого последующего поколения. Эти проблемы, а также некоторые другие явления медицинского характера (например, резистентность к антибиотикам, подавление иммунитета) тесно связаны с промышленным производством продуктов питания. Повсеместное использование гормонов роста и антибиотиков в производстве мяса, стимуляторов роста, гербицидов и пестицидов в производстве злаков, фруктов и овощей не может не сказаться на здоровье конечного потребителя²⁹. Гормоны роста, попадая в организм взрослого человека, провоцируют появление опухолей, антибиотики подавляют благотворную флору и снижают иммунитет. Однако мясо-молочной индустрии невозможно отказаться от подобной практики, поскольку это означает снизить эффективность, допустить падение рентабельности и, в конечном итоге, проиграть конкурентам. Экологичное земледелие и животноводство возможно только в хозяйствах семейного типа, в небольших объемах и только в случае резкого увеличения числа занятых в отрасли.

Как показали опыты Ирины Ермаковой, рост числа невыношенных и замерших беременностей, различного рода новообразований тесно связан с внедрением в пищу ГМО-продуктов, создаваемых с помощью опухолевых бактерий. Поскольку ГМО-растения не дают семенного материала, а процесс переопыления с традиционными культурами приводит к гибели семян и у последних, то вопрос возврата к экологически безопасному земледелию – ключевой для продовольственной безопасности страны. Массовое засеивание площадей ГМО-культурами также влечет за собой гибель пчел, и обычные растения остаются без насекомых-опылителей [Запрет ГМО, 2016, web].

²⁹ А кроме того, индустриальная пища попросту невкусна. Особенно ярко это проявляется в кондитерской отрасли, продукцию которой стали изготавливать по таким высоким технологиям, что ее стало невозможно употреблять. В процессе удешевления себестоимости традиционные сливки заменяют соевыми, сливочное масло – пальмовым жиром, яйца – меланжем и т. д. В итоге производители давно уже перешли разумную грань соотношения вкуса и целесообразности.

Недобросовестные производители в массовом порядке нарушают общественный договор, не оставляя потребителям другого выбора кроме как разорвать его, перейдя на самообеспечение, что неминуемо влечет за собой процессы, обратные урбанизации населения. В условиях, когда доверять нельзя никому, остается надеяться только на себя. Особенно показательна здесь молочная отрасль, в продукции которой на сегодня самый высокий процент содержания антибиотиков. Для здоровья человека (подавления патогенной флоры в кишечнике и повышения иммунитета) ему необходимо пить свежее (желательно парное) молоко. Это возможно только в том случае, если он самостоятельно содержит здоровое животное, снабжает его отборными кормами, осуществляет процесс доения с соблюдением всех гигиенических норм. После чего употребляет в пищу свежее молоко. С относительной пищевой полезностью можно употреблять традиционные молочные продукты, имеющие небольшой срок хранения. Производителю выгодно превратить свежее молоко в сухое вещество, из которого по мере необходимости он будет изготавливать молокообразные продукты. Молоко же, упакованное при высоком давлении и температуре (для того, чтобы оно хранилось до полугода), настолько изменяет свои физико-химические свойства, что начинает выводить кальций из организма, а не поставлять его туда.

Современный уровень развития бытовой и сельскохозяйственной техники существенно облегчил земледельцу многие виды наиболее изнуряющего труда, оставляя время для досуга и творческого развития. Для данного проекта имеется и немалая социальная база. Так называемое «фермерство неполного времени» [Мюрберг, 2006, с. 84–86], оказалось поразительно живучим в нашей стране в форме дачного образа жизни. Вот почему я, вслед за Венделлом Берри уверена, что «избери мы этот путь, нам удалось бы либо вообще избежать, либо сократить нынешний дефицит энергетических ресурсов и рабочих мест. Города были бы не настолько переполнены; резко сократился бы уровень преступности и количество клиентов системы социального обеспечения; вероятно, что повысилось бы и качество промышленного производства» [там же, с. 150].

Цитата защитника американского фермерства как образа жизни привносит в данный проект некий универсализм и еще раз подчеркивает, что предлагаемый путь развития подходит не только для России, но и для США, Канады, других государств, обладаю-

щих в достаточном количестве земельными ресурсами. Сегодня все больше не только отечественных, но и западных авторов приходят к мысли о том, что «в наше время принцип рационального выбора фактически утратил свое значение в качестве важного института свободы и, в его нынешнем виде, больше похож на институт угнетения индивидуумов». В то же время «обрести спасение от “тирании рационального выбора” людям удастся в той или иной разновидности “иррационального выбора”. Успешность подобных попыток часто зависит от возможности “найти прибежище” под сенью традиционного ритуализма и вообще любого института культуры, поддерживающего иррациональный (точнее, альтернативный, не подпадающий под господствующий стереотип рациональности) способ поведения», под который «задним числом» подводится рационалистическая подоплека [Капустин, Мюрберг, Федорова, 2015, с. 267–268].

Роль традиции

Как отмечает Лидия Кривых, «традиция представляет собой область “неиндивидуальных решений”». Она превосходит индивидуальный опыт и выходит за его границы. По существу в традиции есть диспропорция личного, индивидуального и какого-то общего, надиндивидуального, всеобщего. Отношение единичной неповторимой личности и неличного набора ценностей, и способов их реализации в виде закрепленных стереотипов поведения (всего, что включается в традицию) очень непросто. Часть западных исследователей упор в этом двойственном значении традиции определенно делают на ее негативной, ограничивающей личность стороне. Как правило, интерес таких исследователей сосредоточен на проблемах модернизации, и поэтому традиционные институты, обычаи и способ мышления рассматривались ими препятствия к развитию общества. Однако и они в последнее время стали рассматривать традицию как возможный фундамент инновационных изменений» [Кривых, 2010, с. 85].

Фундаментальными символами русского традиционного сознания являлись понятия «мир» и «земля», первый из которых представлял собой административное образование, а второй – хо-

зяйственное. Кроме того, для «глубинных архитипических структур подсознания земля являлась символом общности, объединяющим всю нацию. Она не могла кому-либо принадлежать, т. к. принадлежала «миру» в целом. В глазах русского народа земля была Божья или государственная, что, в конечном счете, для него было тождественным. Право на землю появлялось тогда, когда в неё вложен труд. Так как основной формой хозяйствования была община, то и обрабатывалась земля «всем миром». Соответственно и принадлежала она – «миру». Благодаря труду предков земля становилась достоянием потомков. Общество при этом по традиции оставалось недостаточно автономным и независимым, а граждане были оставлены на милость или немилость государства» [Кривых, 2009, с. 135–136].

Реформы Петра I были первой попыткой осуществить замену типа мышления русского народа: на смену образно-символическому должно было прийти рационально-логическое. Второй попыткой явилось столыпинское внедрение индивидуалистического сознания в самую крестьянскую общину, мешавшую развитию капиталистических отношений. В ходе ее реализации стремились на западный манер превратить общинного крестьянина в хуторского собственника. При этом происходило разрушение традиционно сложившегося в русском сознании образа «матушки», «кормилицы» земли и низведение её до уровня обычного товара. Такое отношение к земле было не характерно для русского сознания. «Вероятно, поэтому так велико было сопротивление этой реформе со стороны крестьянства. Действия крестьян можно рассматривать как попытку защиты целостности существующей картины мира, как желание восстановить должную иерархию мироздания. То, что для одной культуры может быть капиталом, для русской – духовное достояние нации» [там же, с. 140].

Есть и рациональные причины такого сопротивления: крестьянская община была своеобразным демократическим институтом принятия решений и средством социальной защиты в условиях рискованного земледелия. Именно поэтому в условиях капитализма общину необходимо было разрушить. С «миром» и его решениями ничего нельзя было поделаться, с отдельным индивидуумом – можно было сделать все, что угодно.

В российской истории есть значительный исторический опыт крестьянского самоуправления. В дореволюционный период «активно работали такие сугубо демократические структуры, как казачьи круги, вече, земские соборы, крестьянские сходы, земское самоуправление... Саморазвитие и самоорганизация русской экономики на селе осуществлялись в рамках самоуправления общины, создававшей условия для проявления хозяйственной инициативы и предприимчивости каждого отдельного крестьянина» [Соколова, 2008, с. 169]. «Одна или несколько деревень составляли мир, сельское общество со своим демократическим собранием – сходом – и своим выборным управлением – старостой, десятским, сотским... На сходах обсуждались дела по общинному владению землей, ее разделу и перераспределению, раскладу податей, переселению новых членов общины, проведению выборов, вопросы пользования лесом, строительство плотин, сдача в аренду рыболовных угодий и общественных мельниц и т. д. На сходах отдельных селений (чаще составлявших только часть общины) регулировались все стороны трудовой жизни села – сроки начала и окончания сельских работ, починка дорог, наем пастухов и сторожей, штрафы за самопроизвольные порубки, неявку на сход, конфликты между членами общины и т. д.» [там же, с. 170]. В советский период на новом витке развития практики сельского самоуправления и коллективные структуры собственности на землю были некоторым образом возрождены и получили развитие на уровне колхозов, как бы сегодня не стремились оболгать их историю.

К реформам 1990-х стало казаться, что принцип «все вокруг колхозное, все вокруг мое» сдерживает частную инициативу и является тормозом для хозяйственного развития. Однако переход к фермерству сразу же повлек за собой хищническое отношение к земле. В период работы экономистом в калмыцком предприятии «ЮжНИИГипрозем» мне приходилось сталкиваться с таким явлением, как нерациональное использование плодородных почв. Если в колхозах работали агрономы и соблюдался севооборот, то фермеры стали засеивать свои участки в течение ряда лет монокультурой, от которой ожидали получения наибольшего дохода, без учета того факта, что она выносит большое количество питательных

веществ³⁰. А затем, когда урожаи падали, поля забрасывали, а кредиты, получаемые на развитие фермерского хозяйства, направляли в коммерцию, где было меньше рисков, короче окупаемость и выше рентабельность. Коллектив института тогда выдвигал ряд предложений, так и не принятых, в том числе по повышению земельного налога до размеров дифференциальной ренты I (обусловленной природным плодородием почвы), с целью побуждения участника к получению дифференциальной ренты II (обусловленной развитием агрокультуры), остающейся в его распоряжении.

Сегодня китайские арендаторы российских земель, подходя к ним утилитарно-прагматически, нередко загрязняют почвы таким количеством удобрений и сельскохозяйственной химии, что надолго превращают их в «мертвые», непригодные для использования. Сам принцип частной собственности на землю предполагает, что собственник может поступать с ней по своему усмотрению, тогда как сельскохозяйственные земли находятся в уникальном биогеоценозе с окружающей природой, а их произвольное использование легко может привести к нарушению экологического баланса в регионе.

Традиционно высокое почитание земли было характерно не только для русских. Так, Сергей Маркедонов, 10 лет назад анализируя принципиальную неразрешимость многих кавказских конфликтов, сформулировал концепцию «своей земли», которая не позволяет подойти к урегулированию рационалистически. Если бы все сводилось к ресурсам и финансам (с их последующим правовым закреплением), то в том же Нагорном Карабахе было бы легко реализовать план американского ученого Пола Гобла по обмену территориями, в результате чего между Нахичеванью (анклавной территорией под азербайджанской юрисдикцией) и остальным Азербайджаном образовался бы коридор. Это было бы достигнуто путем передачи Азербайджану части армянской территории, а взамен Армения получила бы часть Нагорного Карабаха, населенную армянами. «Но план Гобла остался на бумаге, так как натолкнулся на совершенно иррациональный, с точки зрения западного человека, аргумент: передавать “свою землю” противнику нельзя... Проблема в том, что за период многовекового исторического развития у всех народов Кавказа сложилось свое понимание этнической

³⁰ Например, арбузами или подсолнечником. Тогда как масличные культуры на одном поле нежелательно сеять чаще, чем один раз в 8 лет.

идентичности, существенно отличающееся и от “немецкой” концепции нации (по крови), и от “французской” (по гражданству). Основное в “кавказской” идентичности – “своя” земля. Родная земля здесь рассматривается как святыня, как нечто совершенно независимое от ее экономической или геополитической ценности» [Маркедонов, 2006, web].

Если говорить о «русских» регионах Кавказа (Ростовская область, Краснодарский и Ставропольский края), то их жители, как правило, тоже «воспринимают эту территорию как “свою землю”, как российский форпост, то есть как завоеванную у враждебного окружения, а затем освоенную и интегрированную в состав России» [там же, web].

Сегодня ценность леса, воды, земли – наших природных богатств совсем иная, а мы обратились к институтам хозяйствования, сложившимся в Западной Европе, где, во-первых, земли исторически было мало, вследствие чего она была поделена между собственниками, эффективно использовавшими каждый клочок; во-вторых, сложилась индивидуалистическая (в отличие от российской неиндивидуалистической) ментальность; в-третьих, все это происходило в иной исторической реальности, когда утилитарно-прагматическое мышление и реалии глобализации еще не разрушили традиционное отношение к земле.

Ключевое значение многого из происшедшего в России за последние 20–30 лет состоит в извлечении уроков из полученного опыта. Это не значит, что западную модель развития необходимо полностью игнорировать. Западный опыт необходимо знать и учитывать, но отнюдь не абсолютизировать. Капиталистические реформы в России затевались по универсальной модели [Сакс, 1994], без учета того, что в нашем государстве всегда превалировала не протестантская этика индивидуального спасения (в том числе через достижение успеха), а этика соборности, коллективизма и служения. Надо строить свой проект с опорой именно на эти ценности. Ибо российский человек не может обрести счастье в возрастающем потреблении, подлинность его существованию придают только наличие Общего Дела и Высокого Смысла.

Заключение

Заимствуя основные наработки зарубежной политологии, которая, будучи наукой молодой, на начальном этапе своего становления развивалась в основном на Западе, в антагонистической системе «капиталистического лагеря» и преследовала, прежде всего, цель разрушения «социалистического содружества» как альтернативной геополитической системы, отечественная политическая наука и система заимствовала в качестве идеала и образца для внедрения: демократию – в политической сфере, рынок – в сфере экономической, общество потребления – сфере ценностной.

Проведенная в начале исследования путем сравнительного сопоставления двух социально-политических систем нашего государства по ряду ключевых параметров беспристрастная оценка эффективности тех изменений, которые произошли с бывшим советским обществом за последние 25 лет продемонстрировала, что опыт СССР – уникальный пример успешного построения действительно справедливого общества, демонтаж которого – явление иррационального характера, несмотря на существование у данной трансформации ряда вполне рациональных объяснений.

Постсоветская история убедительно доказала, что представительная парламентская демократия находится еще дальше от народовластия, нежели демократия народная. Рынок же сам по себе не является ценностью. Более того, он словно ржавчина разъедает любую нерыночную сферу, в которую внедряется, превращая ее в профанацию. Особенно, если это глобальный рынок. То же касается и научного прогресса. Слишком большая эффективность и интенсивность порождает иные проблемы (новые болезни или «лишних» людей), что ведет к внедрению различных способов депопуляции населения (в Африке – с помощью бактериологического оружия, в Европе – путем пропаганды гомосексуализма). Ориентация на ценности потребления обесмысливает человеческое существование, истощает планетарные ресурсы и ведет к загрязнению экологии.

Главной целью написания данной книги было предложить нашей стране некий аутентичный проект, сутью которого является свобода трудиться вместо свободы потреблять, а также в смещении вектора развития от «демократии по форме» к «демократии

по содержанию». Подобная смена парадигмы развития позволила бы нашему государству получить опору в лице реальных тружеников, неразрывно связанных с отеческой землей. Людей, умеющих принимать решения и претворять их в жизнь, чье существование наполнено подлинным смыслом.

Данная монография – отнюдь не исчерпывающее исследование. Я сознательно уклонилась от подробного теоретического рассмотрения категории идентичности, а также анализа геополитических и экономических проблем, поскольку по ним существуют фундаментальные работы, представленные в библиографии. Кроме того, не стала затрагивать такое ключевое для укрепления российской идентичности событие, как возвращение Крыма в территориальный состав государства. Слишком сложна эта тема, слишком глубокий раскол вызвала она в российском обществе, поделившемся на горячо подержавших выбор крымчан и на противников «аннексии Крыма».

Однако аутентичное развитие предполагает аутентичную политико-философскую мысль. Как только мы начинаем говорить о модернизации, демократизации, догоняющем развитии, мы оказываемся погружены в иную логику и заранее обрекаем себя на поражение. Как только мы называем СССР тоталитарным, практикуем иное очернительство собственной истории, мы совершаем национальное предательство. Усилия десталинизаторов на сегодня привели к тому, что в обществе активно протекают процессы формирования протестной идентичности, включая процесс ресталинизации, возвышение и оправдание тех моментов российской истории, которые прежде подверглись злостному очернительству. К сожалению, один из этапов российской истории – социализм советского типа – некапиталистический опыт развития, который пока еще не дождался справедливой и объективной оценки. Даже вполне конструктивные его критики (тот же Маркузе), ставя знак равенства между двумя типами индустриальных систем, не учитывали как минимум одно обстоятельство: покорение природы в СССР осуществлялось не ради частных прибылей, а ради того, чтобы облегчилась жизнь всего населения. Современные российские курсы школьной истории и обществознания, а затем и вузовский курс политологии до сих пор формируют у молодежи ощущение, что отечественная политическая система недемократиче-

ская, гражданское общество – несформировавшееся. Как можно любить эту страну? Как можно ею гордиться? Зачем бережно сохранять ее историю и культуру? Надо скорее выучить английский язык, получить конвертируемое образование и поскорее сбежать на Запад. Вот там-то люди действительно живут, а не прозябают! В связи с этим я часто вспоминаю, что было с Пиноккио после того, как он попал на «Остров развлечений» в известной сказке Карло Коллоди³¹.

В мире неустойчивых институтов, больших рисков и высокой степени неопределенности консервативные стратегии – единственный способ принятия решений, ибо больше просто не на что опереться. Поэтому нужно беречь и хранить свою традицию. Тот, кто придерживается консервативной стратегии, всегда выигрывает. Еще недавно казалось, что современный человек может обеспечить себе безбедную старость при помощи инвестиций в частные пенсионные фонды. Финансовые кризисы последних десятилетий развеяли иллюзию о том, что можно прожить, не утруждая себя рождением и воспитанием детей (желательно нескольких). Угроза СПИДа и др. ЗППП положила предел половой распущенности и доказала, что консервативная традиция сохранения целомудрия до брака и верности в браке – отнюдь не религиозный предрассудок. Еще недавно медицина и микробиология придерживались простой и ясной линии рассуждений: у каждой болезни есть своя причина или возбудитель. Сегодня большинство недугов имеют комплексный характер и неясную этиологию. Консервативная стратегия подсказывает растить детей на свежем воздухе и поить козьим молоком. А позднейшие современные научные исследования подтверждают, что у многих часто болеющих детей наличествует гиповитаминоз витамина Д и аллергия на белок коровьего молока. Наблюдения за российской деревней последних лет позволили мне сделать вывод о том, что данный сегмент российского общества в наименьшей степени подвержен влиянию экономических кризисов. Народ разводит свиней, овец, птицу, имеет собственные молочные продукты, распахивает землю и нимало не печалится относительно санкций Евросоюза. Отказ от парадигмы модернизации в пользу аутентичного развития предполагает отказ от западной

³¹ Превратился в грустного ослика, на котором стали развозить грузы.

модели, которая отучает работать, ориентирует на труд мигрантов. Предполагает, что новые поколения будут расти на свежем воздухе и потреблять продукты питания, произведенные в близлежащем хозяйстве.

Мы 25 лет живем в состоянии перманентного реформирования, тогда как реформы – лучший способ парализовать деятельность любой структуры, не говоря о государстве в целом. Пора перестать пытаться соответствовать каким-либо критериям. Играть с Западом по его правилам – все равно что садиться за карточный стол вместе с шулером. Правила игры изначально продуманы так, что все остальные участники обречены на проигрыш, кроме того, эти правила постоянно меняются, и нам к ним никогда не приспособиться. Отказ от участия в этой игре – единственный разумный выбор. Прежде всего, это отказ от участия в международных торговых организациях (вроде ВТО) и международных финансовых институтах, в которых Россия не имеет решающего влияния. Надо строить государство по собственному проекту с учетом уже имеющегося опыта, из которого пока еще не поздно сделать верные выводы. Смеем утверждать, что и с учетом некоторых представленных на страницах данной книги предложений.

Список литературы

- Аверьянов В.В.* Традиция и динамический консерватизм. М.: Ин-т динам. консерватизма, Централ. издат. дом, 2012. 696 с.
- Аксенов В.Б.* Политическая семиосфера и психологическая динамика российского общества в 1914–1917 гг. от мистификации общественного сознания к революционному психозу // Россия и революция: прошлое и настоящее системных кризисов русской истории: Сб. науч. ст. (к 95-летию Февраля–Октября 1917 г.) / Под ред. П.П. Марчenea, С.Ю. Разина. М.: ООО «АПР», 2012. С. 12–36.
- Бабашкин В.В.* Два большевизма, или место Октября в Русской революции // Там же. С. 37–58.
- Баллаев А.Б.* Маркс размышляющий. М.: Канон+, РООИ Реабилитация, 2015. 360 с.
- Беляева Е.В.* Исторические формы общественной морали // Общественная мораль: философские, нормативно-этические и прикладные проблемы / Под ред. Р.Г. Апресяна. М.: Альфа-М, 2009. С. 106–118.
- Бенхабиб С.* Притязания культуры. М.: Логос, 2003. 350 с.
- Бляхер Л.Е.* Заклинание революции, или внезапные модуляции революционной метафоры // Полития. 2010. № 2(57). С. 180–188.
- Богатуров А.Д.* Современный мир: система или конгломерат? Опыт транссистемного подхода // Хрусталеv М.А., Косолапов Н.А., Богатуров А.Д. Очерки теории и политического анализа международных отношений. М.: НОФМО, 2002. С. 129–144.
- Бодрийяр Ж.* Общество потребления. Его мифы и структуры / Пер. Е.А. Самарской. М.: Культур. революция, Республика, 2006. 269 с.
- Будина М.Э.* Понятие «революция» в контексте именованя «цветные революции» // Вестн. ТвГУ. Сер. филология. 2015. № 4. С. 50–54.
- Вафин А.М.* Политическая маргинальность: теоретический и практический аспекты // Полис. 2011. № 4. С. 137–143.
- Вдовин А.* Подлинная история русских. XX в., М.: Алгоритм, 2010. 432 с.
- Вебер М.* Избр. произведения / Пер. с нем.; Сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова; Предисл. П.П. Гайдeнко. М.: Прогрeсс, 1990. 808 с.
- Виндельбанд В.* История новой философии. Т. 2. М.: ТЕРРА-книжный клуб, КАНОН-пресс-Ц, 2000. 512 с.
- Геллнер Э.* Пришествие национализма. Мифы нации и класса // Нации и национализм. М.: Праксис, 2002. С. 146–200.
- Геллнер Э.* Условия свободы: Гражданское общество и его исторические соперники. М.: Ad Marginem, Моск. шк. полит. исслед., 1995. 224 с.
- Гельман В.Я.* Эволюция электоральной политики в России: на пути к недемократической консолидации? // Вестн. Ин-та Кеннана в России. Вып. 13. М., 2008. С. 7–18.

Гладилин И. Европа объявила России «антитоталитарную» войну. 28.08.2011. URL: <http://www.km.ru/v-rossii/2011/08/28/evropa-obyavila-rossii-antitotalitarnuyu-voynu> (дата обращения: 30.05.2016).

Глазьев С.Ю. Стратегия опережающего развития России в условиях глобального кризиса. М.: Экономика, 2010. 254 с.

Глазьев С.Ю. Как не проиграть в войне. 24.07.2014. URL: <http://worldcrisis.ru/crisis/1584472> (дата обращения: 30.05.2016).

Глинчикова А. Раскол или срыв «русской Реформации»? М.: Культур. революция, 2008. 384 с.

Глобальное сообщество: Картография постсовременного мира / Под ред. А.И. Неклессы. М.: Вост. лит., 2002. 466 с.

Гражданское общество: учебник / А.С. Автономов, В.В. Гриб (рук. авт. коллектива) и др. М.: Юрист, 2009. 262 с.

Гранберг А.Г. Основы региональной экономики: Учеб. для вузов. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 495 с.

Грей Дж. Поминки по просвещению: Политика и культура на закате современности / Пер. с англ.; Под общ. ред. Г.В. Каменской. М.: Практис, 2003. 368 с.

Гуревич П.С., Спирина Э.М. Идентичность как социальный и антропологический феномен. М.: Канон +, РООИ Реабилитация, 2015. 368 с.

Делягин М. Путь России: Новая опричнина, или почему не нужно «валить из Рашки». М.: Эксмо, 2011. 416 с.

Дугин А. Нужно бороться с «шестой колонной» // Культура, 10.10.2014. URL: <http://portal-kultura.ru/articles/person/64670-aleksandr-dugin-nuzhno-borotsya-s-shestoy-kolonnoy> (дата обращения: 30.05.2016).

Елисеева Н.В. Революция как реформаторская стратегия Перестройки СССР: 1985–1991 гг. // Россия и революция: прошлое и настоящее системных кризисов русской истории: Сб. науч. ст. (к 95-летию Февраля–Октября 1917 г.) / Под ред. П.П. Марченя, С.Ю. Разина. М.: ООО «АПР», 2012. С. 117–150.

Ерохов И.А. Современные политические теории: кризис нормативности. М.: Практис, 2008. 256 с.

Закат империи США: Кризисы и конфликты / Под ред. Б. Кагарлицкого, И. Валлерстайн, С. Амин, С. Джорж и др. М.: МАКС Пресс, 2013. 248 с.

Запрет ГМО в России: за и против // Аргументы и факты, 06.07.2016. URL: http://www.aif.ru/food/products/zapret_gmo_v_rossii_za_i_protiv (дата обращения: 08.07.2016).

Иванов В.Г. Транснациональные элиты: кто они? Концептуальное поле исследования. М.: РУДН, 2007. 254 с.

Ильинская С.Г. Гражданское общество и современное российское государство // Вестн. РУДН. Сер. политология. 2009. № 4. С. 71–79.

Ильинская С.Г. Концепт «миграция» в эпоху эпистемологического колониализма // *Филос. мысль*. 2015. № 7. С. 87–114.

Ильинская С.Г. Политическое как эротическое: «Великий отказ Герберга Маркузе» // *Политическое как проблема. Очерки полит. философии XX в.* / Отв. ред. М.М. Федорова. М.: Идея-Пресс, 2009. С. 93–113.

Ильинская С.Г. Российское гражданское общество: пути консолидации // *Вестн. РУДН. Сер. политология*. 2011. № 4. С. 50–67.

Ильинская С.Г. Толерантность как принцип политического действия: история, теория, практика. М.: Праксис, 2007. 288 с.

Кагарлицкий Б.Ю. Неoliberalизм и революция. СПб.: Полиграф, 2013. 256 с.

Кагарлицкий Б.Ю. ЕГЭ вместо истории. URL: http://scepsis.ru/library/id_606.html (дата обращения: 30.05.2016).

Калашиников М. Новая опричнина, или Модернизация по-русски. М.: ФОЛИО, 2011. 448 с.

Калашиников М. Россия на дне. Есть ли у нас будущее? М.: Язуз-пресс, 2010. 448 с.

Капустин Б.Г., Клямкин И.М. Либеральные ценности в сознании россиян // *Полис*. 1994. № 2. С. 39–75.

Капустин Б.Г., Мюрберг И.И., Федорова М.М. Этюды о свободе. Понятие свободы в европейской общественной мысли. М.: Аквилон, 2015. 288 с.

Капустин Б.Г. Критика политической философии: Избр. эссе. М.: Территория будущего, 2010. 424 с.

Капустин Б.Г. Мораль и политика в западноевропейской политической философии // *От абсолюта свободы к романтике равенства (из истории полит. философии)*. М.: ИФ РАН, 1994. С. 6–33.

Капустин Б.Г. Моральный выбор в политике. М.: КДУ, Изд-во МГУ, 2004. 596 с.

Капустин Б.Г. Россия и Запад на пути к миру миров. М.: Рос. акад. упр., 1993. 74 с.

Капустин Б.Г. Современность как предмет политической теории. М.: РОССПЭН, 1998. 308 с.

Кожин В. История Руси и русского Слова. Современ. взгляд. М.: Моск. учеб.-2000, 1997. 528 с.

Кожин В. Победы и беды России: Русская культура как порождение истории. М.: Алгоритм, 2000. 448 с.

Колесник В.И. Курс лекций по истории Западноевропейского Средневековья (V–XV вв.): учеб. пособие для вузов. Элиста: КГУ, 2009. 708 с.

Концепт «революция» в современном политическом дискурсе / Под ред. Л.Е. Бляхера, Б.В. Межуева, А.В. Павлова. СПб.: Алетейя, 2008. 360 с.

Кравчук Н. Положение детей // *Права человека в регионах Российской Федерации*. М.: Моск. Хельсинк. группа, 2003. с. 109–125.

Краснов П. Коллективизация была объективно необходима. URL: <http://www.greatstalin.ru/collectivisation.aspx> (дата обращения: 30.05.2016).

Кривых Л.В. Русская ментальность: соотношение традиционного и вариативного // Проблемы российского самосознания: архаическое, традиционное и инновационное начала. Материалы 4-й Всерос. конф. (г. Москва-Белгород, 27–29 мая 2009 г.). М.: ИФ РАН, 2010. С. 79–85.

Кривых Л.В. Символический мир как основа самоидентификации // Политико-филос. ежегодник. Вып. 2. М.: ИФ РАН, 2009. С. 130–141.

Кротков В.О. От СССР к России: Авторитарная трансформация рубежа XX–XXI вв.. М.: Изд-во МГУ, 2010. 640 с.

Купряшкин И.В. Мир-системный подход к всемирной истории: от ми-ни-миров к мир-социуму // Философия и общество. 2012. № 3. С. 122–138.

Куренной В. Перманентная буржуазная революция // Прогнозис. 2006. № 3(7). С. 245–259.

Логинов В.Т. Анатомия революции // Прогнозы и стратегии. 2008–2009. № 1. С. 224–227.

Локк Дж. Собр. соч.: в 3 т. Т. 3. М.: Мысль, 1988. 668 с.

Лосский Н. О. Бог и мировое зло. М.: Республика, 1994. 432 с.

Львов Д.С. Свободная экономика России: взгляд в XXI в.. М., 2000. 54 с.

Люкшин Д.И. Деревня Семнадцатого года: сотворение периферии // Россия и революция: прошлое и настоящее системных кризисов русской истории: Сб. науч. ст. (к 95-летию Февраля–Октября 1917 г.) / Под ред. П.П. Марченя, С.Ю. Разина. М.: ООО «АПР», 2012. С. 174–193.

Магун А. Отрицательная революция: к деконструкции политическо-го субъекта. СПб.: Изд-во Европ. ун-та, 2008. 416 с.

Малахов В.С. Культурные различия и политические границы в эпоху глобальных миграций. М.: Новое лит. обозрение, 2014. 232 с.

Малахов В.С. Осуществим ли в России русский проект? // Отеч. зап. 2002. № 3(4). С. 141–154.

Малинова О.Ю. Конструирование смыслов: Исслед. символ. полити-ки в соврем. России. М.: ИНИОН РАН, 2013. 421 с.

Манхейм К. Диагноз нашего времени / Пер. с нем. и англ.; Отв. ред. и сост. Я.М. Бергер и др. М.: Юрист, 1994. 700 с.

Маркедонов С. Кавказ в поисках «своей земли». Проблемы легитимности и безопасности в регионе // CA&CC PRESS AB Издат. дом (Шве-ция), 10.02.2006. URL: http://www.ca-c.org/journal/2004/journal_rus/cac-02/06.marrus.shtml (дата обращения: 30.05.2016).

Маркузе Г. Конец утопии // Логос. 2004. № 6(45). С. 18–23.

Маркузе Г. Одномерный человек. Исследование идеологии Развито-го Индустриального Общества / Пер. с англ. М.: REFL-book, 1994. 368 с.

Маркузе Г. Экология и социальная критика. Речь, произнесенная в 1977 году. URL: <http://vivalafora.livejournal.com/42046.html> (дата обраще-ния: 30.05.2016).

Мединский В. О русском рабстве, грязи и «тюрьме народов». М.: ОЛМА Медиа Групп, 2008. 118 с.

Мединский В. О тяге русских к «сильной руке» и неспособности к демократии. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2010. 256 с.

Мединский В.Р. Война. Мифы СССР. 1939–1945. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2013. 704 с.

Мединский В.Р. О русском пьянстве, лени и жестокости. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2010. 222 с.

Милль Дж. Ст. Утилитарианизм. О свободе. СПб.: Изд. книгопродавца И.П. Перевозникова, 1900. 428 с.

Мирский Г.И. Возврат в Средневековье? // Россия в глобальной политике. 2006. № 5. URL: http://www.globalaffairs.ru/number/n_7412 (дата обращения: 30.05.2016).

Моисеев Н.Н. Алгоритмы развития. М.: Наука, 1987. 304 с.

Мюрберг И.И. Аграрная сфера и политика трансформации. М.: ИФ РАН, 2006. 174 с.

Нарочницкая Н. Великие войны XX столетия. Ревизия и правда истории. М.: Вече, 2010. 352 с.

Николаева А. Астап Блендер как советский поциэнт. URL: http://www.chaskog.ru/p.php?id=11754&_openstat (дата обращения: 30.05.2016).

Никонов В.А. Назад, к Концерту // Россия в глобальной политике. 2002. № 1. URL: http://globalaffairs.ru/number/n_15 (дата обращения: 30.05.2016).

Осли Э. Покорение Кавказа: Геополитическая эпопея и войны за влияние / Пер. с фр. Е.Д. Богатыренко; под науч. ред. и с предисл. Т.Н. Эйдельман. М.: Плюс-Минус, 2008. 624 с.

Очкина А. Концепция изменилась? // Левая политика. 2007. № 1. URL: http://scepssis.net/library/id_1236.html (дата обращения: 30.05.2016).

Пайнс Р. Собственность и свобода. М.: Моск. шк. полит. исслед., 2000. 415 с.

Панарин А.С. Правда железного занавеса. М.: Алгоритм, 2006. 336 с.

Панарин А.С. Народ без элиты. М.: Алгоритм, Эксмо, 2005. 352 с.

Пантин И.К. Выбор России: характер перемен и дилеммы будущего // Полис. 2007. № 4. С. 113–135.

Пантин И.К. Русская революция. Идеи. Идеология. Политическая практика. М.: Летний сад, 2015. 294 с.

Паренти М. Демократия для немногих / Пер. с англ. Предисл. А. Маныкина. М.: Прогресс, 1990. 504 с.

Парсонс Т. Американская социология. М.: Прогресс, 1972. 392 с.

Парсонс Т. Система современных обществ / Пер. с англ. Л.А. Седова и А.Д. Ковалева. Под ред. М.С. Ковалевой. М.: Аспект Пресс, 1998. 270 с.

Партитура второй мировой. Кто и когда начал войну? / Н.А. Нарочницкая, В.М. Фалин и др. М.: Вече, 2009. 416 с.

Петухов Ю.Д. Четвертая мировая война. М.: Алгоритм, 2011. 240 с.

Пешкова В. Гражданские основы государственности и этнокультурное разнообразие современной России // *Власть*. 2009. № 3. С. 30–34.

Политическая идентичность и политика идентичности. Т. 1: Идентичность как категория политической науки: слов. терминов и понятий / Отв. ред. И.С. Семенов. М.: РОССПЭН, 2011. 208 с.

Политическая идентичность и политика идентичности. Т. 2: Идентичность и социально-политические изменения в XXI в. / Отв. ред. И.С. Семенов. М.: РОССПЭН, 2012. 471 с.

Полторанин М. Власть в тротиловом эквиваленте. Наследие царя Бориса. М.: Эксмо, Алгоритм, 2011. 512 с.

Пролеев С., Шамрай В. Феномен кланово-корпоративного общества // *Постсоветская публичность: Беларусь, Украина. Вильнюс: Европ. гуманитар. ун-т, 2008. С. 41–55.*

Пульс реформ (Юристы и политологи размышляют) / Сост. Ю.М. Батурин. М.: Прогресс, 1989. 378 с.

Разин А.В. Структура морали // *Общественная мораль: философские, нормативно-этические и прикладные проблемы* / Под ред. Р.Г. Апресяна. М.: Альфа-М, 2009. С. 119–136.

Риккерт Г. Философия жизни. Киев: Ника-Центр, Вист-С, 1998. 505 с.

Роллз Дж. Теория справедливости / Пер. с англ. В. Целищев, В. Карпович, А. Шевченко. Новосибирск: Изд-во НГУ, 1995. 532 с.

Российское общество и вызовы времени. Кн. 1-я / Под ред. М.К. Горшкова, В.В. Петухова. М.: Весь Мир, 2015. 336 с.

Рувинский Р.З. Национальное государство перед вызовами XXI в.: обзор основных политико-правовых проблем // *Юрид. исслед.* 2014. № 5. С. 1–11.

Сакс Дж. Рыночная экономика и Россия / Пер. с англ. М.: Экономика, 1994. 331 с.

Самарская Е.А. Подъем и упадок индустриального социализма. М.: ИФ РАН, 2007. 253 с.

Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов / Пер. с англ.; под науч. ред. П.Н. Клюкина; предисл. В.С. Афанасьева М.: Эксмо, 2007. 960 с.

Симуш П.И. Судьба традиционных ценностей: изжитие или долговечность? // *Духовные основания деятельности* / Отв. ред. С.А. Никольский. М.: ИФ РАН, 2008. С. 130–150.

Современные проблемы Российского государства. Философские очерки / Под общ. ред. В.Н. Шевченко. М.: Прогресс-Традиция, 2015. 464 с.

Соколова Р.И. Генезис российской бюрократии // Бюрократия в современном мире: теория и реалии жизни / Отв. ред. В.Н. Шевченко. М.: ИФ РАН, 2008. С. 150–172.

Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество / Общ. ред., сост. и предисл. А.Ю. Согомонов: Пер. с англ. М.: Политиздат, 1992. 543 с.

Спиридонова В.И. Западные теории бюрократии и российская действительность // Бюрократия в современном мире: теория и реалии жизни / Отв. ред. В.Н. Шевченко. М.: ИФ РАН, 2008. С. 7–62.

СССР: демографический диагноз / Сост. В.И. Мукомель. М.: Прогресс, 1990. 696 с.

СССР: Жизнь после смерти / Под ред. И.В. Глущенко, Б.Ю. Кагарлицкого, В.А. Куренного. М.: Изд. дом Вышш. шк. экономики, 2012. 304 с.

Стратегия-2020: Новая модель роста – новая социальная политика. Итог. Докл. о результатах эксперт. работы по актуал. пробл. социально-эконом. стратегии России на период до 2020 г. / Под науч. ред. В.А. Мау, Я.И. Кузьмина. Кн. 1, 2. М., 2013.

Тишков В.А. Концептуальная революция национальной политики в России // Россия в XX в. Пробл. нац. отношений. М.: Наука, 1999. 451 с.

Тишков В.А. Российский народ как европейская нация и его евразийская миссия. URL: <http://www.politklass.ru/cgi-bin/issue.pl?id=164> (дата обращения: 30.05.2016).

Тоффлер Э. Шок будущего. М.: АСТ, 2001. 560 с.

Труфанова Е. О. Единство и множественность Я. М.: Канон+, РООИ Реабилитация, 2010. 256 с.

Тэйлор Ч. Демократическое исключение (и лекарство от него?) // Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ / Ред.: В.С. Малахов, В.А. Тишков. М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 2002. 356 с.

Уолцер М. О терпимости / Пер. с англ. И. Мюрберг. М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуал. кн., 2000. 160 с.

Федоров Л.А., Яблоков А.В. Пестициды. Токсический удар по биосфере и человеку. М.: Наука, 1999. 461 с.

Федотова В.Г. Соотношение академической и постакадемической науки как социальная проблема. М.: ИФ РАН, 2015. 204 с.

Фисун А. Политическая экономия «цветных революций»: неопатриональная интерпретация // Прогнозис. 2006. № 3(7). С. 211–244.

Фромм Э. Психоанализ и этика. М.: Республика, 1993. 415 с.

Фроянов И. Грозная опричнина. М.: Эксмо, Алгоритм, 2009. 560 с.

Фуко М. Надзирать и наказывать / Пер. с фр. В. Наумова, под ред. И. Борисовой. М.: Ad Marginem, 1999. 464 с.

Хлебников П. Крестный отец Кремля Борис Березовский, или История разграбления России. М.: Детектив-Пресс, 2001. 72 с.

Хобсбаум Э. Век капитала. 1848–1875. Ростов н/Д: Феникс, 1999. 480 с.
Ходорковский М. Статьи. Диалоги. Интервью. М.: Эксмо, 2010. 191 с.
Цымбурский В.Л. Остров Россия. Геополит. и хронополит. работы. 1993–2006. М.: РОССПЭН, 2007. 544 с.

Чаянов А.В. Крестьянское хозяйство: избранные труды. М.: Экономика, 1989. 492 с.

Человек и его работа. Социологическое исследование / Под ред. А.Г. Здравомыслова, В.А. Ядова. М.: Мысль, 1967. 392 с.

Черняховский С. 98 лет Великому Октябрю. URL: <http://zavtra.ru/content/view/98-let-velikomu-oktyabryu> (дата обращения: 30.05.2016).

Черняховский С.Ф. Консерватизм и образы апелляции. Между динамическим консерватизмом и сохраняющимся прогрессом // Тетради по консерватизму. 2014. № 3. С. 214–220.

Черняховский С.Ф. Модернизация: противоречивость идеологического концепта и политический процесс в современной России // Власть. 2012. № 5. С. 9–12.

Шевченко В.Н. Российское государство и российская бюрократия: ретроспектива и перспектива // Бюрократия в современном мире: теория и реалии жизни / Отв. ред. В.Н. Шевченко. М.: ИФ РАН, 2008. С. 101–149.

Эксперт. Спец. вып. журн.: Смогут ли исламисты провести модернизацию Ближнего Востока? 2012. № 30–31(813), 30 июля–12 авг.

Яблоков А.В., Остроумов С.А. Охрана живой природы: проблемы и перспективы / Под ред. Н.Ф. Реймерса. М.: Лесн. Пром-сть, 1983. 271 с.

Якунин В., Багдасарян В., Сулакиин С. ЗападнЯ: новые технологии борьбы с российской государственностью. М.: Эксмо, 2010. 432 с.

Brinton C. The Anatomy of Revolution, revised ed. N.Y.: Vintage Books, 1965.

Giddens A. Modernity and Self-Identity. Cornwall: T.J. Press, 1994.

Heyd D. Introduction // Toleration: an elusive virtue / Ed. D. Heyd. New Jersey: Princeton University Press, 1998. P. 3–17.

Identities, Affiliations, and Allegiances / Ed. by S. Benhabib, I. Shapiro, D. Petranovic. N.Y.: Cambridge University Press, 2007.

Ilinskaya S.G. Rethinking the Category of Revolution // Вестн. РУДН. Сер. политология. 2015. № 2. С. 63–82.

Ilinskaya S.G. Freedom and Humanities and Social Sciences Education in Russia: Problems and Prospects // Russian Studies in Philosophy. Special Issue: Contemporary Aesthetics in Russia. 2015. Vol. 53(3). P. 196–217.

Marcus G. Past, present and emergent identities: requirements for ethnographies of late twentieth-century modernity worldwide // Modernity & identity / Ed. by S. Lash, J. Friedman. Oxford UK & Cambridge USA: Blackwell, 1992.

Marcuse H. Repressive Tolerance // A Critique of Pure Tolerance / By R.P. Wolff, B. Moore, Jr. and H. Marcuse. Boston: Beacon Press, 1969.

Neocleous M. Fascism. Minneapolis, Minnesota, USA: University of Minnesota Press, 1997.

Russian Identity Metamorphosis in the context of post-Soviet development

Svetlana G. Ilinskaya

PhD in Political Science, Senior Research Fellow, Department of History of Political Philosophy. Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation. e-mail: svetlana_ilinska@mail.ru; web: <http://eng.iph.ras.ru/ilinskaya.htm>

This book devoted to suppressed Russian identity and paradoxical nature of protest identity. It also can be considered and as an attempt to overcome Russian provinciality expressed by aspiration to adopt the “developed western democracies” experience.

The study consists in the evaluation of the changes which have taken place within the former Soviet society during the last 25 years. This comparative study of two – Russian and Soviet – social systems by several key parameters proves that the experience of the Soviet Union is a unique example of successful attempt to build genuinely just society; and that its decay is a phenomenon of irrational nature. That’s why the demand for new authentic development project became an urgent problem in the Russian society.

Unfortunately, strict copying of democratic institutes doesn’t provide effectiveness of their work. Moreover, such practice as we know now, made some of Russian “core” problems even worse, what is especially true in the case of the nomenclature, which is using the state in order to fulfill its own purposes.

After the transformation of Soviet system of humanitarian education, the problem of contemporary Russian education is not its monopolization by a single correct theory of social development, but is an uncritical attitude toward new-found “Western” theories and viewpoints, that cannot but lead to the deformation of the system as a whole. That’s why the key condition for formation of Russian identity consists in an overcoming of the current Russian ideological crisis.

The study also tries to clarify the relations between power and civil society, categories of value, toleration, revolution and migration in Russia. For that purpose author uses comparative, historical, analytic, critical and other scientific methods.

One of main conclusions of the study consists in assertion that the liberal democracy concept has exhausted itself because it was made in the framework of repressive logic. Another important conclusion of the study: the concept of revolution in a way, in which we are accustomed to perceive it, consists of continuous fictions, because in today’s world the structure of suppression and oppression changed radically.

Main thought of the research is that we aren't worse or better than "western countries" – we are different, and we can't to dismiss our own identity uncritically remaking the Russian reality on the western models because by doing this we are doomed to be "eternally" undeveloped. Russia today does not need modernization or democratization. It longs its own authentic development project.

Keywords: Russian identity, authentic development project, power, civil society, humanitarian education, destruction of USSR, moral consensus, democratization, modernization, revolution

Научное издание

Ильинская Светлана Геннадьевна
Метаморфозы российской идентичности
в контексте постсоветского развития

*Утверждено к печати Ученым советом
Института философии РАН*

Художник *Н.Е. Кожина*

Технический редактор *Ю.А. Аношина*

Корректор *А.А. Гусева*

Лицензия ЛР № 020831 от 12.10.98 г.

Подписано в печать с оригинал-макета 10.10.16.

Формат 60x84 1/16. Печать офсетная. Гарнитура Times New Roman.

Усл. печ. л. 12,00. Уч.-изд. л. 9,63. Тираж 500 экз. Заказ № 21.

Оригинал-макет изготовлен в Институте философии РАН

Компьютерная верстка: *Ю.А. Аношина*

Отпечатано в ЦОП Института философии РАН

109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1

Информацию о наших изданиях см. на сайте Института философии:

<http://iph.ras.ru/arhive.htm>

Вышли в свет

1. **Антоновский, А.Ю.** Коммуникативная философия знания: от теории коммуникативных медиа к социальной философии науки [Текст] / А.Ю. Антоновский ; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М. : ИФ РАН, 2015. – 168 с. : ил., табл. ; 17 см. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0292-8.

В издании анализируется теория коммуникаций, но не во всем ее широчайшем формате, а в ее специальном эпистемологическом прочтении. Особое внимание уделяется эволюции обобщенных символических медиа коммуникации, прежде всего универсальным средствам распространения коммуникации (языку, письменности, печати и телекоммуникации), а также символическим средствам достижения коммуникативного успеха, прежде всего – научной истине, знанию, научной теории. Рассматривается специфичность современного знания (научных объяснений, законов, понятий, практик подтверждения обобщений и убеждения) в контексте *естественной* коммуникации и с точки зрения коммуникативных условий повседневного понимания и взаимопонимания.

2. **Бурмистров, К.Ю.** «Биологическая каббала» Оскара Гольдберга в контексте эпохи [Текст] / К.Ю. Бурмистров ; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М. : ИФРАН, 2016. – 135 с. : ил. ; 20 см. – Библиогр.: с. 126–131. – Рез.: англ. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0298-0.

В книге впервые в отечественной науке рассматриваются взгляды одного из наиболее противоречивых представителей немецко-еврейской интеллигенции первой половины XX в. Оскара Гольдберга (1885–1952). Философ, антрополог и востоковед, получивший также высшее еврейское образование, он посвятил свою жизнь изучению природы мифа и ритуала, феноменов «священного» и «профанного», проблем этнопсихологии древних цивилизаций и герменевтики сакральных текстов. Он оказал влияние на взгляды целого ряда известных философов и писателей той эпохи (Э. Унгер, В. Беньямин, Х. Йонас, Т. Манн), хотя его книги и стали предметом ожесточенной полемики. Особенно известен Гольдберг своими метаисторическими и метаполитическими идеями о существовании универсальной, космической магики-биологической силы и ее проявлениях в человеческой истории.

3. **Бычков, В.В.** Символическая эстетика Дионисия Ареопагита [Текст] / В.В. Бычков ; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М. : ИФРАН, 2015. – 143 с. ; 20 см. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0284-3.

Монография посвящена изучению эстетических представлений крупнейшего анонимного мыслителя ранней Византии (рубеж V–VI вв.), оказавшего сильнейшее влияние на средневековое богословие и эстетику греко-православного мира (включая Древнюю Русь) и Западной Европы. В работе путем анализа взглядов самого Ареопагита, его основных предшественников и ближайших комментаторов выявляется достаточно целостная эстетическая система, основывающаяся на принципах отыскания иерархических, богослужебных, символических посредников между земным миром и трансцендентным Бо-

гом. В центре ее стоят понятия красоты, света, благоухания, образа, символа, неподобного подобия, внерационального знания и др. Монографическое исследование на эту тему предпринимается впервые в мировой науке.

4. **Веряскина, В.П.** Трансформация человека в обществе модерна [Текст] / В.П. Веряскина ; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М. : ИФРАН, 2015. – 223 с. ; 20 см. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0287-4.

В монографии рассматривается проблема трансформации человека в контексте современности и обосновывается необходимость персональной модернизации. Автор показывает связь современности с персональностью человека, выделяет исторические истоки персональной модернизации, ее этапы, связанные с появлением в посттрадиционном обществе свободного, автономного индивида. Последующая трансформация человека в обществе модерна соотносится с появлением типов модульного, экономического и массового индивидов. В работе раскрывается связь рефлексивности современности с персональной модернизацией, выделяются долгосрочные тренды возможного развития человека.

5. **Ворожихина, К.В.** Лев Шестов и его французские последователи [Текст] / К.В. Ворожихина ; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М. : ИФРАН, 2016. – 157 с. ; 20 см. – Библиогр.: с. 132–136. – Рез.: англ. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0297-3.

Книга посвящена философии Льва Шестова в контексте интеллектуальной жизни Франции. Исследование восполняет пробел, существующий в изучении вклада русской эмигрантской философии в европейскую культуру. Анализируется, как «взрывчатая духовность» Шестова преломилась во взглядах франкоязычных авторов, в той или иной степени следовавших за ним (Б. Шлёцер, Ж. Батай, Б. Фондан), и проясняется «самое важное» для них в шестовской философии. Прилагаются переводы статьи Шлёцера «Ницше и Достоевский», отрывка из книги Фондана «Рембо-проходимец», поэмы, посвященной Шестову, а также библиография работ русского философа.

6. **Горохов, В.Г.** Эволюция инженерии: от простоты к сложности [Текст] / В.Г. Горохов ; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М. : ИФРАН, 2015. – 199 с. : ил. ; 20 см. – Рез.: англ. – Библиогр.: с. 189–197. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0288-1.

Инженерная деятельность занимает одно из ведущих мест в современной культуре. Часто инженера определяют как специалиста с высшим техническим образованием. Но инженер должен уметь нечто такое, что невозможно охарактеризовать словом «знает». Он должен обладать еще и особым типом мышления, отличающимся как от обыденного, так и от научного. Именно поэтому, чтобы ответить на вопрос, что такое инженерная деятельность необходимо обратиться к ее истории. Важно отличать, с одной стороны, техника от ремесленника, а с другой – от инженера. Инженер, как и ученый-естествоиспытатель, имеет дело с идеализированными объектами и схемами, которые

менялись в ходе эволюции инженерии от простого к сложному. Именно эволюции этих идеализированных представлений инженера в отличие от научных и посвящена данная книга.

7. **Гуревич, П.С. Размежевания и тенденции современной философской антропологии [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; П.С. Гуревич, Э.М. Спирина. – М. : ИФ РАН, 2015. – 161 с. ; 20 см. – Рез.: англ. – Библиогр. в примеч.: с. 155–161. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0212-6.**

В монографии анализируются дискуссионные проблемы, связанные с философским постижением человека. В отечественной философии сложились разные подходы к проблеме человека. Множество различных толкований, связанных с анализом наук о человеке, привели к тому, что философская антропология по сути дела утратила свой предмет. Сложился также апофатический проект философской антропологии (мизантропология). Серьезные размежевания произошли и в оценке методологии философской антропологии. Авторами рассматриваются современные версии редукционизма и релятивизма. Особое внимание уделено расшифровке формулы Э. Фромма: «Человек есть едва ли не самое эксцентричное создание универсума».

8. **Девяткин, Л.Ю. В границах трехзначности [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; Л.Ю. Девяткин, Н.Н. Преловский, Н.Е. Томова. – М. : ИФ РАН, 2015. – 136 с. ; 20 см. – Библиогр.: с. 30–32, 72–74, 95–96, 125–127. – Имен. указ.: с. 131–132. – Предм. Указ.: с. 133–135. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0296-6.**

Книга «В границах трехзначности» состоит из трех глав, каждая из которых содержит новые, порой совершенно неожиданные результаты в области трехзначных логик. Наиболее важными являются: теорема о необходимых и достаточных условиях, которыми должна обладать произвольная трехзначная матрица, чтобы быть изоморфом для классической логики высказываний; теорема о том, что могут существовать трехзначные замкнутые классы функций, в которых число предполных классов бесконечно; построение новой классификации расширений слабой логики Клини.

9. **Джохадзе, И.Д. Аналитический прагматизм Роберта Брэндома [Текст] / И.Д. Джохадзе ; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М. : ИФ РАН, 2015. – 132 с. ; 20 см. – Библиогр.: с. 99–125. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0282-9.**

Книга посвящена исследованию философского творчества известного американского мыслителя, представителя питтсбургской школы неогегельянства Р. Брэндома. В центре внимания автора – прагматистский подход Брэндома к решению эпистемологических проблем и его «анафорическая теория истины», представляющая разновидность дефляционизма. Раскрывается содержание основных понятий аналитического прагматизма Брэндома: «дискурсивное обязательство», «нормативные статусы», «семантический холизм», «инференциализм». Прилагается перевод статьи Брэндома «Рассуждение и репрезентация» и полная библиография его сочинений с 1976 по 2014 г.

- 10. История философии. Том 20 [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; Гл. ред. И.И. Блауберг. – М. : ИФ РАН, 2015. – 303 с. ; 20 см. – Рез.: англ. – 1 000 экз. – ISSN 2074-5869.**

«Герои» данного выпуска журнала, посвященного истории западноевропейской философии, – Джон Локк и Никола Кондорсе, Поль Жане и Джузеппе Мадзини, Эдмунд Гуссерль и Эмилио Бетти. Читатель сможет также познакомиться с позицией представителей прагматизма по вопросу о войне, с новыми подходами в психоанализе, с современными тенденциями в феноменологии. В номере помещены материалы Круглого стола «Современное значение идей Александра Койре», приуроченного к 50-летию со дня смерти французского мыслителя, историка философии, религии и науки.

- 11. Касавина, Н.А. Экзистенциальный опыт в философии и социально-гуманитарных науках [Текст] / Н.А. Касавина ; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М. : ИФРАН, 2015. – 189 с. ; 20 см. – Рез.: англ. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0294-2.**

В монографии экзистенциальный опыт интерпретируется в двух ипостасях: как феномен индивидуального становления, и как социокультурное явление, связанное со структурой ценностей, с результатами духовной и художественной деятельности, артефактами и социальными объективациями. Экзистенциальный опыт выступает как личная история существования, в ходе которой человек проясняет для себя смысложизненные ценности, а также является способом примирения с существованием, непрерывного прислушивания к жизни, достижения духовной пробужденности, преодоления тревоги.

Монография адресована философам, социологам, психологам и всем интересующимся экзистенциальной проблематикой в области философии и науки.

- 12. Михайлов, И.Ф. Человек, сознание, сети [Текст] / И.Ф. Михайлов ; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М. : ИФРАН, 2015. – 196 с. : ил. ; 20 см. – Библиогр.: с. 186–195. – Рез.: англ. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0283-6.**

В книге рассматриваются вопросы философского понимания человека как существа мыслящего и свободно поступающего, проблемы искусственного интеллекта, коммуникации и социальных сетей. Автор также уделяет внимание философии сознания и теории сетевого общества. Книга содержит интересный фактический материал, в том числе из истории и теории сетевых сообществ. Все эти сюжеты выстраиваются в целостную картину на основе оригинальной авторской концепции, имеющей ярко выраженный дискуссионный характер.

Книга будет интересна специалистам по философской антропологии, философии сознания, искусственному интеллекту и когнитивной социологии, а также студентам и аспирантам философских и социологических факультетов.

- 13. Пирожкова, С.В. Предвидение как эпистемологическая проблема [Текст] / С.В. Пирожкова ; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М. : ИФРАН, 2015. – 247 с. ; 20 см. – Рез.: англ. – Библиогр.: с. 235–245. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0295-9.**

На сегодняшний день наука не выработала о предвидении систематизированного представления, которое могло бы стать общетеоретической базой междисциплинарной области исследований будущего. В книге представлена попытка получить такое представление, проанализировав предвидение как вид познавательной деятельности с точки зрения ее генезиса, функций, механизмов, возможностей и границ. Книга предназначена для философов, преподавателей, студентов и аспирантов, специализирующихся в области эпистемологии и философии науки, специалистов в области прогнозирования, гуманитарной оценки техники, управления рисками и стратегического планирования.

- 14. Проблемы российского самосознания: мировоззрение М.Ю. Лермонтова. К 200-летию со дня рождения поэта, Всероссийская конф. (2014; Москва–Пенза–Тарханы). 11-я Всероссийская конференция «Проблемы российского самосознания», 2, 8–9 окт. 2014 г. [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; Редкол.: А.А. Гусейнов и др. – М. : ИФ РАН, 2015. – 123 с. ; 20 см. – На обл. авт. не указаны. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0290-4.**

В сборник входят статьи, подготовленные на основе докладов на 11-й конференции ИФ РАН по проблемам российского самосознания, проведенной в октябре 2014 г. в Москве и в Тарханах. В центр обсуждения поставлено мировоззрение М.Ю. Лермонтова – великого русского поэта, чье литературное наследие стало частью отечественной интеллектуальной мысли. Предпринята попытка через его произведения попытаться дать представление о российском миро- и самосознании. Авторы сборника, включаясь в сохраняющую свою остроту полемику вокруг творчества Лермонтова, предлагают свое видение таких затронутых поэтом проблем, как жизнь и смерть, дух и свобода, личность и общество, патриотизм.

- 15. Пронин, М.А. Виртуалистика в Институте человека РАН [Текст] / М.А. Пронин ; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М. : ИФРАН, 2015. – 179 с. : ил. ; 20 см. – Рез.: англ. – Библиогр.: с. 175–177. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0291-1.**

В монографии представлена краткая история становления виртуалистики – самостоятельного парадигматического подхода, зародившегося в СССР в 80-х гг. XX в. Книга восполняет человеческий пласт работы сотрудников Центра виртуалистики Института человека РАН (ЦВ ИЧ РАН) и его первого руководителя Н.А. Носова (1952–2002). Дан систематизированный обзор первичного феноменологического материала, теоретических разработок и значимых результатов фундаментальных исследований виртуальных психологических реальностей, полученных в ЦВ ИЧ РАН в 1992–2004 гг.

Для историков науки, философов, антропологов, врачей, психологов и широкого круга читателей.